

Омар Хайям. Четверостишия

Немного истории

140 лет назад на литературном небосклоне Европы вспыхнула неожиданная звезда. Стихи чужеземного поэта, о котором прежде на Западе никто, кроме редких специалистов, и не слышал, преодолев толщу многих веков, заговорили на чужом языке, засверкали среди чужой им культуры. Английский переводчик Эдвард Фитцджеральд, говоря языком тогдашних репортеров, в одно прекрасное утро проснулся знаменитым.

Его «Рубайят Омара Хайяма»¹ был вольным переводом. Пристрастный отбор четверостиший, произвольное толкование их, для связности сюжета собственные стихотворные вставки – все это позволило ему из сотни рубаи (самостоятельных стихотворений, по 4 строки в каждом) создать связную поэму. И задумчиво пирующий герой поэмы, и диковинная обстановка вокруг него прекрасно соответствовали представлениям о мусульманском Востоке, воспитанным у англичан середины XIX века сказками «Тысячи и одной ночи». Блистательная поэма Фитцджеральда издается в англоязычном мире по сей день. Более того, в других европейских странах слава Хайяма начиналась переводами не с фарси, а с английского – переводами этой самой поэмы. Каким-то чудом Фитцджеральд сохранил загадочность Хайяма, дал ощутить глубину его духа. Читатель чувствует: загадка – та, мировая, неразрешимая, которая встает перед каждым из нас; а Хайям ее решил. Глубина – та, что отпугивает всех нас; а Хайям высветил ее до дна. И хотя Фитцджеральд создал Хайяму репутацию трагичного весельчака и пьячуги, якобы призывающего «ловить миг» и не думать о будущем, хотя эту нечаянную клевету поневоле подхватили переводчики его поэмы на другие языки, хотя такое представление о Хайяме стало считаться само собой разумеющимся, – но картинами ли бесшабашного застолья так привлекает нас древний поэт? Очевидно, что прежде всего – одним неистребимым ощущением: он разгадал некую великую тайну, он сообщает нам ее разгадку, мы силимся его понять, перечитываем, подходим совсем близко – и не понимаем.

Кто же он был такой, Гияс ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури? Ответ европейским читателям прояснялся медленно, десятилетиями. Жил в XI–XII веках. О первой половине его жизни не известно ничего, о последних годах – тоже. Поэт, математик, философ, астролог, астроном, царедворец. Ему покровительствовали сельджукские властители Ирана Альп Арслан и его сын Мелик-шах, его поддерживал их знаменитый везирь, ценитель наук и искусств Низам аль-Мульк (1017–1092)...

Одна из легенд поведала такое. Хайям родился в Хорасане, в деревушке возле Нишапура. Около 1042 г. якобы поступил в Хорасанское медресе, где сдружился с двумя сверстниками; по предложению Омара они поклялись: тот, кому повезет в жизни, обязан помочь и остальным двум. Повезло Абу-Али Хасану, который стал везиром (канцлером) сельджукского властителя, столь мудрым и удачливым, что заслужил прозвище-титул «регулятора державы» (Низам аль-Мульк). Товарищи напомнили ему о себе, и он сдержал юношескую клятву. Омар ограничился тем, что попросил в свое распоряжение налог со своей родной деревни, дабы там, «под родной кровлей, вдали от превратностей шумного света, мирно заниматься поэзией, которая восхищает мою душу, и предаваться созерцанию Творца, к чему склонен мой ум».

Третий же из них, честолюбивый и завистливый Хасан Саббах, стал интриговать против своего покровителя, мечтая занять его место. Многоопытный Низам аль-Мульк превзошел его во встречных интригах, и Саббах был изгнан из дворца. А дальше – уже не легенда, а исторические факты: он посчитался по сопредельным странам, в Сирии познакомился с учением воинственных исмаилитов и перенес его в Иран, где стал объединять недовольных правлением Сельджуков. Один из людей Саббаха зарезал по его приказу спящего Низам аль-Мулька. Через месяц умер, вероятно был отравлен Мелик-шах... Саббах со своей sectой наводнил страну ужасом и убийствами, он успешно противостоял даже войскам султана Санджара, взошедшего на престол после Мелик-шаха...² Но как доверять легендам?.. Еще полвека назад годом рождения Хайяма предполагался 1017–18 год (видимо, чтобы соответственно легенде сделать его ровесником Низам аль-Мулька); позже указывался 1040 год. По сохранившемуся в пересказе тексту, который считается гороскопом Хайяма, индийский ученый Свами Говинда Тиртха вычислил, что Хайям родился 18 мая 1048 года³, и сейчас принято считать эту дату почти достоверной. Та же неопределенность и с годом его смерти. Называют то 1121, то 1123, то 1131 год. «В сообщении о Хайяме в «Доме Радости» Табризи имеется следующее неполное предложение: «...в четверг 12 мухаррама 555 года в деревушке одной из волостей округа Фирузгонд близ Астрабада». Индийский исследователь Говинда высказал

предположение, что в этом предложении Табризи перед словами «в четверг» недостает слов «он умер» или другого выражения с тем же значением. Советские ученые определили, что 12 мухаррама пришлось на 4 декабря 1131 года. Именно эту дату следует считать наиболее вероятной датой смерти Хайяма»⁴.

Но если уж ко времени Рашидиддина жизнь Хайяма обросла фантастическими легендами (ибо Саббах, родившийся в 1054/55 году, никак не мог быть соучеником Абу-Али Хасана), то ко времени Табризи, еще полтора века спустя, – тем более. Не случайно ко всем рассказам про Хайяма, приводимым Табризи, относятся с большим недоверием. Так что едва ли стоит безоговорочно доверять этой отрывочной фразе и считать год смерти Хайяма достоверно установленным.

Что же касается 1048 года рождения... Гороскоп этот нам известен по пересказу Бейхаки (1106-1174), который мальчиком был представлен старцу Хайяму в 1113 году, а на закате своей жизни написал воспоминания. Гороскоп был найден в бумагах поэта после его смерти, но было ли там прямо сказано, что это гороскоп самого Хайяма? – неизвестно. С другой стороны, тот же Бейхаки утверждает, что Хайям был учеником Ибн Сины (980-1037). Как это понимать? Как заочное ученичество, по книгам покойного ученого?.. Но вот свидетельство самого Хайяма. В «Трактате о бытии и долженствовании», касаясь одного сложного философского вопроса, он пишет: «Я и мой учитель ... ибн Сина ... обратили внимание на этот вопрос, и, быть может, нами это обсуждение доведено до удовлетворения наших душ, удовлетворяющих недостаточным при приукрашенной наружности»⁵.

Обратите внимание: «наше обсуждение». Как же тут исключить живое общение автора с Ибн Синой? Вот если бы он сказал, что считает мнение учителя совершенным и присоединяется к нему!.. Но здесь любопытное признание: наши выводы показались нам самим настолько интересными, что мы этим удовлетворились, хотя скорей всего красивыми словесами ввели себя в заблуждение.

Чтобы учиться у Ибн Сины, к 1037 году Хайям должен был быть по крайней мере 18-летним, т.е. родиться не позже 1019 года.

И, наконец, легенды всего лишь легенды, но все они тянут в одну сторону. Например, утверждение, что прожил он 104 года. По свидетельствам, в 1114 году он был еще жив, умер же за несколько лет до 1136 года. Следовательно, родился он между 1010 и 1032 годами. Вспомним и легенду о детской клятве. Если она хотя бы на треть правдива, тогда Хайям – ровесник Низам аль-Мулька. Далее. Табризи в «Тараф-ханэ» («Дом Радости») сообщает о переписке, в том числе об обмене четверостишьями, между Хайяном и Абу-Саидом Мейхени. Хотя это тоже легенда, она подкрепляется «документами» – цитируемыми стихами. Абу-Саид умер в 1048 году. Этой легенде также найдется оправдание, только если допустить, что Хайям родился значительно раньше.

Есть и другие доводы против 1048 года рождения. Так, Хайям был бы чересчур молод, чтобы в 1074 г. числиться среди «лучших астрономов века», приглашенных Мелик-шахом для реформы календаря, и чтобы в 1080 г. имам и судья провинции Фарс вызывал его на философский диспут, титулую «царем философов Запада и Востока».

Так что трудно согласиться с 1048 годом рождения. Возможно, это был чужой гороскоп, сохранившийся в бумагах профессионального астролога... Отбросив его как единственное противоречие, мы легко согласуем все остальные свидетельства и легенды, предположив годы жизни Хайяма примерно такими: 1017 - 1121 гг.

Сейчас уже хорошо известно, что Хайям был ученым, намного обогнавшим свое время. Однако судьба его научных работ оказалась печальной: современники поняли и восприняли только то, что соответствовало их уровню знаний. В народной памяти он сохранился как ученый-мудрец, персонаж нескольких фольклорных историй. По совершенно другой линии шла память о нем как о поэте – среди немногих почитателей его слишком специфического, очень не восточного по духу своему таланта. Хайям никогда не числился среди великих персидских поэтов – до тех пор, пока Европа не восхитилась его поэтическим гением. Только тогда спохватились и в самом Иране...

Но мы отвлеклись.

Хайяму действительно покровительствовали Мелик-шах и Низам аль-Мульк, и 18-летний период его жизни в Исфагане был самым счастливым и творчески плодотворным. Но после 1092 г., после убийства Низам аль-Мулька и смерти Мелик-шаха, когда началась междоусобица, когда вспыхнул резней и погромами религиозный фанатизм, преследуемый врагами Хайям даже совершил паломничество в Мекку, чтобы доказать приверженность исламу (впрочем, врагов это мало убедило), а по возвращении стал преподавать в Багдаде, в академии Низамийе, ведя жизнь суровую и замкнутую. Лишь много позже, после

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

более чем 25 лет гонений, когда к власти пришел сын Низам аль-Мулька, Омар Хайям вернулся в Хорасан, в родной Нишапур, где и провел последние годы жизни в почете и уважении.

Вот насколько проблематично даже только определение основных вех его жизни. Исследователям стихов Хайяма еще труднее: на разрешение первого же вопроса, лежащего на поверхности; ушли многие десятилетия, а просвета не видно. Вот он, этот вопрос, породивший бесконечные споры: как найти четверостишие, заведомо сочиненное именно Хайяном?

А был ли поэт Хайям?

Единичные цитирования стихов Хайяма найдены в рукописях, созданных через десятки лет после его смерти (нередко – сочиненных богословами, осуждавшими Хайяма и приводившими образцы его крамолы). Где ж тут гарантировать их «абсолютную достоверность»? Самые древние сводные списки его стихов (рубайяты), дошедшие до нас, появились только через 2-3 века после Хайяма, – тем более. Причем они мало совпадают по содержанию между собой. Чтобы выделить «абсолютно достоверное», каждый исследователь предлагал свой принцип, соответственно ему рекомендовал считать достоверными кто 6, кто 12, кто 66 четверостиший, но даже их перечни в этих рекомендациях мало пересекались.

Мог бы возникнуть вопрос: а был ли поэт Хайям, не литературная ли это легенда? – если бы не звучал в четверостишиях голос яркого и самобытного автора, дерзкого нарушителя традиций тогдашней поэтики, с неповторимым стилем, оригинальной образной манерой и, главное, ни на кого не похожим строем мыслей; если бы – более того – Хайям не остался в фарсиязычной литературе непревзойденным мастером рубаи.

Итак, поэт Хайям – был. Мы слышим, мы узнаем его голос – не только, скажем, в авторитетнейшей для европейских специалистов Бодлеанской рукописи (1460 год), но и в чересчур молодой для них рукописи 1851 года⁷. Однако так уж велика ли, принципиальна ли разница: 340 или 730 лет после Хайяма?

Случайные ошибки накапливаются со временем линейно: если в первом списке, допустим, примерно 2 чужих четверостишия на сотню, то в последнем, следовательно, 4-5. Всего лишь. Сознательная фальсификация, если только таковая была, скорей всего имела бы место как раз в те самые первые 340 лет, когда "неудобоваримая" поэзия Хайяма носила для ислама характер острой болезни, не переросла еще в хроническую. Злоумышленник или недобросовестный переписчик мог изуродовать и прижизненный текст, а мы считали бы этот список самым авторитетным, отвергая позднейшие, хотя и более точные. Так что давно пора признать: поиск "абсолютно достоверного" четверостишия Хайяма – химера. Даже найдись такое – что дальше? Одно рубаи, даже десяток их, это еще не материал для изучения...

Итак, путь снизу оказался бесплодным. Попробуем путь сверху: привлечем в работу не только скучные по объему древнейшие, но и более поздние списки, отбрасывая из них то, что заведомо чужеродно. Будем помнить, что к любому четверостишию нужно относиться настороженно: есть вероятность, что это все-таки другой автор. Однако только так мы сможем набрать достаточный материал, чтобы увидеть поэтическое наследие Хайяма, а не худосочные выдержки из него; и тем более нужен большой набор текстов, дающий простор для анализа и сопоставлений, если мы хотим по разрозненным намекам Хайяма реставрировать его мировоззрение. Такая точка зрения давно повторяется различными востоковедами. Однако никто из них так и не рискнул пожертвовать своей научной репутацией и предположить, что мировоззрение Хайяма – нечто особое и не входит в список традиционных (ортодоксальное мусульманство, суфизм того или иного толка и пр.).

Кстати: сопоставив несколько десятков старинных рубайятов (практически все источники стихов Хайяма, которыми располагает современное хайямоведение), я пришел к выводу, что следов сознательного включения в них чужих стихов не наблюдается. Были случайные ошибки из-за ветшания рукописей. Когда они рассыпались, отдельные листы (чаще всего из конца рукописи) вставлялись внутрь книги, не на свои места; именно таким образом, не отдельными четверостишиями, а группами по 5-7 рубаи (обычное содержание листа) попадали в рубайяты Хайяма и стихи других авторов. Есть несколько случаев, когда к рубайяту Хайяма был приложен чужой рубайят, потерявший начало и имя автора, и впоследствии такой сводный текст считался целиком за хайямовский. Потом эти ветхие рукописи служили источником для новых списков, как правило, выборочных, и тогда картина серьезно запутывалась. Но не безнадежно. С помощью компьютерного анализа мне удалось установить "генеалогию" почти всех старинных хайямовских рубайятов, а в результате – выловить почти все чужие листы-вставки и проследить движение каждого хайямовского рубаи по рукописям. Гораздо более серьезная проблема –

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
«правка» четверостиший, которыми чуть ли не каждый второй переписчик «облагораживал» наиболее крамольные или «уточнял» подпорченные, на его взгляд, тексты. Поэтому необходимо иметь перед глазами все, какие удается найти, версии каждого хайямовского четверостишия. Чужеродная стилистика в них, как правило, хорошо заметна.

Чужие четверостишия в рубайатах Хайяма

Теперь поговорим уже не о случайно вложенных в рукопись страницах, а об отдельных чужих рубаи. Их появлению среди хайямовских стихов способствовали главным образом три обстоятельства. Первое. Переписчик иногда записывал на полях одно-два собственных рубаи, сочиненных «под Хайяма». Другой переписчик через столетие думал, что это вставка пропущенного, и переносил эти строки в основной текст. Второе. Между Хайяном и его современниками велась полемика не только в философских трактатах, но и в стихах. Четверостишие-вызов и четверостишие-ответ составляют единый сюжет, хотя и принадлежат разным авторам. Поэтому они совсем не случайно присутствуют в рубайатах Хайяма. Анализ стиля и мыслей позволяет выловить эти чужие вкрапления. И третье. Изредка встречаются списки стихов, явно составленные по памяти. Не удивительно, если при этом попадали туда схожие стихи других авторов. Но сознательных фальсификаций, повторяю, я не обнаружил. Для нас же важно, что полемические выпады, свойственные философскому турниру в стихотворной форме, резко отличаются от остальных стихов и хорошо заметны, а в других случаях вставок тон задают именно собственные хайямовские четверостишия, так что эти вставки не выбираются из смыслового потока и, следовательно, не могут всерьез запутать нас при исследовании идей Хайяма. Впрочем, некоторые рукописи могут ввести в заблуждение: например, рукопись B.N.S.P.1425. Она считается хайямовским рубайатом, поскольку начинается четверостишием с именем Хайяма. Анализ рукописи привел меня к выводу, что она составлялась не как рубайат Хайяма, а как тематическая антология суфийских текстов, без упоминания авторов. Такие случаи, конечно, нужно иметь в виду. Чтобы понять Хайяма, попросту нет иного пути, как довериться древним и не слишком древним рукописям, собрать все, что приписывается ему, и уж тогда из общей совокупности удалить заведомо чужое. Конечно, при таком подходе нельзя ручаться, что в тексте остались только стихи Хайяма; но разве может гарантировать это любой исследователь, по какому-либо принципу отобравший несколько «абсолютно достоверных» рубаи?

Много ли стихов написал Хайям?

Увы, на этот вопрос история не донесла сведений – никаких, пусть даже неправдоподобных. Приходится идти на догадки, привлекая практику других поэтов, и различные косвенные соображения, ну и, конечно же, содержимое старинных рукописей. Если забыть о том, что многие стихи Хайяма за девять веков наверняка потерялись безвозвратно, то верхнюю границу их общего количества даст суммирование всего, что в наше время приписывается ему. Все находящиеся в Европе списки – в совокупности – едва ли насчитывают более 1200 различных четверостиший. Даже фундаментальное исследование Свами Говинда Тиртхи (о котором – дальше) определяет суммарный объем «Хайямиады» в 2200 рубаи. Из них можно уверенно вычесть 300 рубаи, относящихся к случаям заведомой состыковки чужих рубайатов с хайямовскими. Полученную величину мы и примем как верхний предел: количество сохранившихся четверостиший, написанных действительно Хайямом, не более 1900. «В результате тщательных изысканий, проводившихся на протяжении десятилетий крупными филологами восточных и западных стран, методами текстологического, историко-литературного, стилистического, стиховедческого анализа, удалось определить группу четверостиший, примерно в четыреста стихотворений, которые с достаточной степенью уверенности можно считать принадлежащими перу Омара Хайяма»⁸.

Многие исследователи полагают, что и фактически Хайямом написано едва ли более 400 рубаи. В оправдание такого ограничения приводятся арифметические «обоснования»: из наблюдения, что древнейшие рубайаты обычно содержали не более 300-400 рубаи, именно столько стихов и «позволяют» написать Хайяму. И при этом словно бы не видят, что простое объединение этих рубайатов по крайней мере удвоит названный объем. Трудней заметить другое, что открывается только при численном анализе: многие из этих рубайатов являются фрагментами более крупных сводов. Так, одна из этих древнейших рукописей

восходит к источнику, содержавшему, как показал математический анализ, не менее 900 рубаи.

Или так: утверждают границей какой-нибудь год, например, 1500-й. Рубайты Хайяма, переписанные или составленные позже, выбрасывают из рассмотрения, написанные ранее - считают достаточно достоверными (но только при условии, что они сохранились в оригиналах, а не в копиях). Впечатление такое, что авторы подобных ограничений полагают всех собирателей хайяновских стихов, переписчиков и копиистов сплотившимися, начиная с 1500 года, в цех фальсификаторов. Однако нельзя огульно отвергать ни поздние списки стихов, ни поздние копии древних книг: они могут оказаться очень полезны. Вот пример.

В 1462 г. Йар Ахмад ибн Хосейн Рашиди Табризи - мир праху его! - завершил труд по составлению большого свода четверостиший Хайяма и назвал его «Тараб-ханэ» («Дом Радости»). Только благодаря этому подвижническому труду дошли до нас многие стихи великого поэта. Но сами-то рукописи Табризи были потеряны. До недавнего времени наши отечественные исследователи располагали только копиями двух фрагментов (начального и конечного) и считали, что в том далеком 1462 году Табризи написал две небольшие книги: «Тараб-ханэ» - жизнеописание Хайяма (на самом деле - вступительная статья к собранию хайяновских рубаи), и «десять разделов» - несколько анекдотов, связанных с его четверостишиями (фактически это «десятый раздел», завершающая глава). Но вот в 1963 г. в Тегеране Джалал од-Дин Хомайи выпустил книгу - реставрацию «Тараб-ханэ» на основе нескольких достаточно полных копий, найденных им⁹. Судя по этому изданию, «Тараб-ханэ» содержит 554 четверостишия (если исключить дублирующие). Такой список - ровесник Бодлеанской рукописи - мы вправе были бы наравне с нею называть в числе древнейших и авторитетнейших. Но: современное издание? копии?.. Где гарантии, что это близко к исходной книге Табризи? И действительно ли такая большая книга составлена в 1462 г., а не позже, кем-то - на основе тех двух текстов Табризи?..

Что можно сказать на это? Анализ с помощью компьютера дает иногда прелюбопытные результаты. Так, он позволил мне буквально заглянуть в творческую лабораторию Табризи и увидеть, как тот, десятилетиями пополняя свою коллекцию хайяновских четверостиший, выпустил в свет три версии «Тараб-ханэ». Вторая из них сразу разошлась очень широко и оказалась огромное влияние на содержание последующих средневековых списков. Третья версия (появившаяся именно в 1462 г.) была, вероятно, «именной» - подарком какому-нибудь вельможе, и ее копировали гораздо реже. Табризи, судя по всему, подходил к своему труду на манер нынешних исследователей: он не доверял современным ему спискам, предпочитая древнейшие. Компьютерный анализ показывает, что в ходе своих поисков старинных хайяновских текстов он однажды обнаружил крупную, в несколько десятков четверостиший, рукопись, которую счел буквально драгоценностью: он целиком вставил ее в середину своей книги. Вот так и получилась третья версия, опубликованная Хомайи. У самого Табризи ее текст, судя по всему, не сохранился. Позже, через 9 лет, Табризи обнаружил еще один хайяновский рубайят, видимо, столь же древний, но в два раза более объемистый: первая «драгоценность» оказалась всего лишь выпиской из нее! Не удивительно, что Табризи вернулся к своему труду и (на базе второй версии) сделал аналогичную вставку. До «товарного» вида эта работа не была доведена: многие дублирующие четверостишия он не заметил и не вычеркнул их из других мест книги. Видимо, не было заказчика.

Этот текст (который можно называть четвертой версией «Тараб-ханэ»), лебединая песня Табризи, провался где-то сотни лет, никем не замеченный: из него даже, судя по всему, никто никогда не сделал ни одной выписки! Но зато он сохранился в оригинале до наших дней и попал в руки Тиртхи, который, проводя механический подсчет «подтверждений», забраковал (именно за их уникальность) большинство четверостиший из той вставной (для нас - более чем древнейшей!) рукописи. Однако все виды анализа, кроме оценки «популярности», приводят к одному выводу: эти редчайшие четверостишия имеют не меньше прав считаться хайяновскими, чем самые популярные его рубаи. Этот анализ подтверждает и достаточную чистоту текста, опубликованного Хомайи, и привязку его во времени к середине XV века. Для сравнения: поддельная (якобы сверхдревняя) рукопись со стихами Хайяма, опубликованная в Москве в 1959 г., не имеет абсолютно никаких привязок ни к одному из известных рубайятов...

Итак, не будет чрезмерным предположить, что из 2200 (или 1900) приписываемых Хайяму четверостиший примерно 1200-1400 сочинены действительно им. Это много или мало? Содержание текстов свидетельствует, что писал он стихи практически всю свою долгую жизнь: иногда он упоминает в них свой возраст - то «скоро тридцать», то «уже за семьдесят». По легендам, сочинял он рубаи экспромтом, что подтверждается и анализом текстов: многие

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

стихи - отклики на мимолетные события, шутливые или язвительные реплики в беседе, даже стихотворные ответы на нелепые вопросы учеников. И если учесть, какую долгую жизнь прожил Хайям, это - количество более чем скромное. Одно-два четверостишия в неделю, всего лишь. С другой стороны, высочайшее поэтическое мастерство, присущее ему, могло поддерживаться только постоянной творческой практикой. Арсенал поэта без применения ржавеет. Если бы он действительно сочинил за свою жизнь только 300-400 четверостиший, едва ли бы они поднялись до уровня высочайшей поэзии. Увы, такова проза поэтического труда.

Мною собраны, сопоставлены и внимательно изучены в оригиналe более 1300 хайяновских четверостиший (имеется в виду, что уже отброшены все случайные вставки чужих текстов). И что же? - только сотня из них, по моей оценке, сомнительного авторства.

Вопрос о гарантированной принадлежности перу Хайяма хотя бы одного четверостишия, возможно, не будет решен никогда. Однако значит ли это, что мы не вправе попытаться - анализируя именно сотни четверостиший - исчислить мировоззрение Хайяма? Хотя, конечно, результаты этого исчисления будут по неизбежности гипотетичны.

Неполная достоверность исходного материала заставляла меня делать любой вывод на базе не менее 2-3 четверостиший (хотя в данной статье, для краткости, нередко приводится ссылка лишь на одно из них).

«Нектар Милости»

Огромную помощь оказало мне знакомство с итогами работы великого труженика - индийского ученого Свами Говинда Тиртхи, десятилетиями объединявшего хайяновские тексты из различных источников в единую книгу - «Нектар Милости».

Он изучил 111 средневековых рукописей и современных изданий со стихами Хайяма (не считая единичных цитирований в древнейших книгах). Исключив дублирующие рукописи и издания, в своей работе он ссылается на 90 источников, содержащие более 30000 текстов рубаи. Всего среди них Тиртха отыскал 2213 (а за вычетом 18 версий - 2195) различных рубаи, приписываемых Хайяму. Встретившиеся ему лишь по одному разу - он назвал «неподтвержденными». Их набралось 853 четверостишия. Конечно, на фоне тех, что встречаются в 40, в 50, а то и в 63 источниках, однократно попадающиеся стихи выглядят подозрительно. Отбросив также некоторую часть стихов, названных им «сомнительными», Тиртха поместил в своей книге тексты 1096 четверостиший. За исключением 5 случаев, к сожалению, он не приводил разнотений, даже основных, в корне меняющих смысл текста, и ограничивался приглянувшейся ему версией, выбирая ее далеко не всегда объективно.

О разнотениях

Очень редко встречается хайяновское четверостишие, текст которого во всех источниках совпадает слово в слово. Иные же рубаи имеют десяток текстуальных версий. Естественный вопрос: какую из них предпочесть? Наши поэты-переводчики, впрочем, с этим вопросом обычно не сталкивались: они работали либо с одной рукописью (Л. Некора, переводивший знаменитую Бодлеанскую рукопись), либо с одной-двумя сводными книгами (О. Румер, который, используя французское и немецкое научные издания, преимущественно опирался на приведенные там прозаические переводы), либо по russkoязычным подстрочникам (В. Державин, Г. Плисецкий и почти все остальные).

Составители же сводных книг обычно имели в виду доказать свою точку зрения на идеологическую позицию Хайяма (якобы он поэт-суфий - так считали французский исследователь Никола и индус Тиртха, или ортодоксальный мусульманин - мнение персидского ученого Фуруги, и т.п.) и отбирали соответствующие версии.

Выбор «наиболее близкой к Хайяму» версии - проблема трудная и скользкая. Разнотения охватывают широкий спектр искажений текста, от замен слов синонимами - до перестановки пар строк; от ошибок, порожденных неразборчивостью переписываемого текста, - до сознательных переделок, смягчающих резкость оригинала. Интересно такое редкое явление, как склейка (обычно парами строк) двух различных рубаи. Таким образом доходят до нас и обломки утраченных четверостиший (см. варианты и комментарии к рубаи №202).

Даже когда кто-либо составляет не скромную по объему целевую подборку, а крупный свод четверостиший Хайяма (как в книге Тиртхи), вроде бы неизбежно объективный благодаря большому количеству стихов, обилие разнотений в

Омар Хайям четверостишия filosoff.org источниках оставляет богатые возможности для идеологических спекуляций. Признаюсь, я боялся и сам попасть под гипноз собственных пристрастий и потому при отборе основных текстов для этой работы был предельно осторожен. Объективность потребовала поместить в книге и переводы некоторых других версий: я привожу их, когда трудно предпочесть одно другому, или когда версия знакома читателю по иным поэтическим переводам, или когда вариант имеет принципиально другой смысл. Переводы их выполнены таким образом, чтобы объем разнотечения был близок к наблюдаемому в оригиналах (см. раздел «Варианты»).

Нередко стилистический анализ заставлял сомневаться в авторстве Хайяма, а порой и полностью исключать его – даже если четверостишие широко известно у нас именно как хайяковское. Около сотни таких четверостиший дано в «Приложении». Особое место среди них занимают те, которые относятся к жанру «ответов».

«Ответы»

В классической персидской поэзии был широко распространен жанр стихотворения-«ответа». Удачное произведение порождало немало «ответов», авторы которых пытались либо превзойти его в поэтическом мастерстве, либо дать новое толкование мыслям и сюжету оригинала. Создавались «ответы» и на большие поэмы. Так, поэма Низами «Лейла и Меджнун» породила более ста поэм-«ответов», в числе авторов которых – Джами и Навои.

«Ответы» на произведения малых форм должны были воспроизводить форму и ритмику оригинала, его редиф и звучание его рифмы. На рубаи Хайяма писали «ответы» и современники, и поэты последующих поколений – то в развитие или в опровержение его мыслей, то как пародии.

Про одно из четверостиший, часто попадающееся в рубаятах Хайяма, составитель «Тараф-ханэ» утверждает, что это «ответ». Он сообщает, что Хайям обратился к Абу-Сайду со стихотворным посланием (см. №481), на которое Абу-Сайд ответил четверостишием, помещенным здесь под №1299. Что оно – действительно «ответ» Хайяму, несомненно. Однако нет формальных совпадений с первым четверостишием, позволяющих отнести его к жанру «ответа». Заметим, и по содержанию они не стыкуются: вопросы об одном, да и адресованы они Богу, ответ же – совершенно о другом. Между тем Абу-Сайд был настоящим поэтом, и написать безупречный по форме «ответ» едва ли было ему затруднительно. Поэтому мне показалось интересным поискать среди четверостиший Хайяма: на которое из них возможен такой «ответ»? И, кажется, посчастливилось найти. Это – четверостишие №601. Я слишком поздно обнаружил эту пару, поэтому признаки формального сходства, прошу у читателей прощения, в переводе не воспроизвел.

Похоже, хайяковским стихотворением и чьим-то пародийным «ответом» на него являются и рубаи №№717 и 1302.

Видимо, присутствуют в рубаятах Хайяма и другие «ответы» ему. Писал «ответы» и он сам. Явно к ним относится четверостишие №504.

Именно в специфике жанра «ответа» надо искать разгадку четверостишия, которое переводили на русский язык О. Румер: «Пей! Будет много мук, пока твой век не прожит...», В. Державин: «Будь весел! Море бедствий бесконечно...», Г. Плисецкий: «Веселись! Невеселые сходят с ума...». Из них только в переводе В. Державина воспроизведена странность этого рубаи: «Будь весел!» – и дальше, вопреки всякой логике, перечисление в высшей степени невеселых вещей. Недаром другие переводчики переинчали текст, придавая ему логичность... Секрет, скорей всего, в следующем.

Среди четверостиший, приписываемых Хайяму, есть два стихотворения, выдержанные в той же форме (тот же редиф, те же рифмы), но заведомо не хайяковские по всем приметам (см. №№1304 и 1305). Похоже, это творения какого-то придворного поэта. Первое рубаи имитирует философский оптимизм, а второе – попросту состряпанный на основе его беспардонный панегирик. И можно предположить, что упомянутое рубаи Хайяма – «ответ» на второе из них (причем с более точным, чем авторское, цитированием из первого четверостишия), звучащий как острыя пародия, – см. №200.

Именно пародийностью объясняется это «Ликуй!», ни чем иным. Более того, есть у Хайяма и стихотворение, которое отчетливо смотрится как «ответ» (уже серьезный) на первое из приведенных рубаи неизвестного автора, – см. №201.

Богохульный богомолец или святой развратник?

Ясного отношения ко всему, в том числе к человеку, к жизни и смерти, к морали, к обществу и к Богу, – ждем мы от того, кого называем мудрецом. Но

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

в том и парадокс, что, безусловно ощущая глубокую мудрость Хайяма, в стихах его находим выражения противоположных, в принципе несовместимых позиций. Уместно повторить многажды цитируемые слова члена-корреспондента Петербургской АН В. А. Жуковского, одного из первых в России исследователей поэтического наследия Омара Хайяма: «Он – вольнодумец, разрушитель веры; он – безбожник и материалист; он – насмешник над мистицизмом и пантеист; он – правоверующий мусульманин, точный философ, острый наблюдатель, ученый; он – гуляка, развратник, ханжа и лицемер; он – не просто богохульник, а воплощенное отрицание положительной религии и всякой нравственной веры; он – мягкая натура, преданная скорее созерцанию божественных вещей, чем жизненным наслаждениям... Можно ли в самом деле представить человека, если только он не нравственный урод, в котором могли бы совмещаться и уживаться такая смесь и пестрота убеждений, противоположных склонностей и направлений, высоких доблестей и низменных страстей и колебаний»¹⁰.

Впрочем, наш-то читатель, листая известные стихотворные переводы из Омара Хайяма, едва ли увидит этот клубок противоречий: он имеет дело уже с результатами отбора, словно бы призванного предоставить ему легкое чтиво вместо потрясающих свидетельств внутренней душевной борьбы. Не найдет он стихов во славу Аллаха (а такие у Хайяма есть, полные высочайшего экстаза!), и останется думать, что поэт только насмехался над Творцом.

Почти не обнаружит призывов к высокой морали и человечности, зато немало позабавится ерничеством, когда Хайям изображает себя (вернее, своего «лирического героя») и пропойцей, и развратником, и мужеложцем. В результате даже наши отечественные исследователи всерьез писали: один – что Хайям был безусловно атеистом, другой – что корни «мнимых противоречий» Хайяма надо искать не в его творчестве, а прежде всего в пристрастном толковании четверостиший. Но противоречия-то есть, и острейшие. Для примера обратимся – вне толкований – к текстам, где поэт говорит про Бога. Возьмите рубаи №1 и 2 – какое благоговение перед Творцом! Но вот поодаль от этих вдохновенных гимнов еще более вдохновенное проклятие (см. №536). Можно было бы даже предположить, что первые стихи – чьи-то чужие, если б не язык Хайяма, не стиль Хайяма, не его потрясающая поэтическая техника, и если бы не – самое главное! – собственный вскрик души:

Неужто б я возвёл хулу на Божество!
Здесь не было сердец вернее моего.
Но если даже я дошёл до богохульства, –
Нет мусульманина! Нигде! Ни одного!

Вот он, ключ, расставляющий все на свои места, открывающий нам не беспринципного автора, растерянно шарахающегося между хулой и хвалой, а человека, прошедшего огромную духовную эволюцию. Теперь мы можем вполне уверенно отнести «хвалу» к началу, а «хулу» к завершению этой эволюции. Но разве вправе мы выбрасывать из рубайята Хайяма первые стихи – только за то, что они не соответствуют его позднейшим (и тем более нашим – на самого Хайяма) взглядам, вычеркивать весь путь его жизни, оставив только последнюю точку? Не говоря уж об уважении к автору, разумно ли так обеднять себя? Вся цепь душевых борений, дневник поисков и сомнений убеждают читателя в достигнутом выводе гораздо больше, чем голо поданный итог.

Причем не только начало и конец зафиксированы в стихах; весь путь прочекивается в них, без разрывов: доверчивое благоговение перед Богом, потом осторожные жалобы на тяготы пути, потом просьбы, мольбы, сомнения, наконец – требования; потом внимательный анализ творческой деятельности Бога, ошеломляющие догадки о месте Бога и человека в мире; Хайям раскрывает позорную тайну Творца и перестает его уважать, и тогда уже звучат издевки, насмешки, наконец, откровенные проклятия, порожденные не только эмоцией, но и знанием.

Точно так же получают объяснения и другие «противоречия» Хайяма, надо только приложить некоторый труд: расставить его четверостишия в той последовательности, которая диктуется линией его предполагаемого духовного развития¹¹, а также естественной эволюцией поэтического стиля. Дополнительными опорными точками служат четверостишия, прямо или косвенно указывающие на возраст автора.

И в самом деле: даже улавливая мудрость разрозненных афоризмов, трудно понять сокровенный смысл книги, пока все фразы ее перепутаны девятью веками. То самое всеразрушающее время, на которое Хайям так часто сетовал. Зато в результате пусть даже приблизительной хронологической расстановки мы не только получаем решение «противоречий», но и обнаруживаем вещи совершенно неожиданные... Впрочем, об этом дальше.

Поэт-суфий?

Читающие Хайяма в подлиннике никогда не заподозрят в нем атеиста. Гораздо серьезней спор о том, является ли Хайям суфийским поэтом. В середине VII века Иран, страну древнейших религий, завоевали арабы и навязали персидскому народу элементы своей культуры, свою письменность и свою веру. Но очень скоро персы стали создавать в привнесенных арабских формах стиха неповторимые поэтические шедевры, переиницили письменность так, что она даже зрительно стала отличаться от арабской, а в мусульманстве восприняли не суннитскую, как было принято повсюду, а шиитскую его ветвь, более демократичную, более склонную к образованию различных толков и сект, порой далеко уводящих от ортодоксального мусульманского учения. Кроме того, Иран оставался перекрестком мировых торговых и культурных путей и потому отличался большей, чем арабские страны, веротерпимостью. Во времена Хайяма на его родине продолжали уживаться с мусульманством и древние, исконо персидские, звездопоклонничество и огнепоклонничество (зороастризм), а также иудейская вера, христианство и древнеиндийские мистические учения. Так что под рукой был богатый материал для духовных религиозныхисканий... Веротерпимость, конечно, относительная: случались и вспышки религиозных распри, и тот же Хайям подвергался гонениям за свои взгляды.

Суфизм, мусульманский мистицизм, возник почти одновременно с исламом на основе строгого аскетизма, призванного приводить к «высшему знанию» – познанию Бога¹². Идейно-теоретическая основа суфизма многое восприняла, в частности, из мистических верований Индии. В суфийских описаниях духовной структуры мироздания, в рекомендациях по отысканию своего «Я» и его очищению немало того, что мы привыкли связывать с некоторыми индийскими учениями¹³.

Для своих последователей, намеренных еще при жизни прийти к «познанию Бога», суфизм разработал цепочку из трех (иногда считается – четырех) этапов: шариат, тарикат и хакикат.

Шариат – это весь комплекс юридических норм, бытовых и религиозных принципов и правил поведения, предписанных мусульманину. Если кто-то и позволяет себе тайком обходить чересчур суровые нормы шариата, то для суфия весь шариат обязателен, всегда и без послаблений (за некоторыми исключениями, о которых позже).

Тарикат – духовная учеба суфия, требующая нескольких лет и проходимая под руководством опытного наставника. Она включает в себя «стоянки» и «состояния», такие как покаяние, терпение, бедность, аскетизм, отречение от собственной воли...

Последняя стадия суфийского совершенствования – хакикат, «Истина». Достигший ее суфий именуется ариф – «познавший»; он, как считается, способен к интуитивному познанию истины. Ученому хакикат кажется недосягаемой вершиной, ариф же всегда ощущает себя новичком на беспределном пути собственного духовного развития, дальнейшие «стоянки» которого он должен намечать уже сам и достигать без чьей-либо помощи¹⁴. Прибегая к иносказаниям, суфии использовали поэзию для создания обладающих мощным эмоциональным воздействием мистических текстов, которые для непосвященного звучали как любовные или гедонистские стихи, на деле же были полны сокровенного смысла, скжато формулируя многие аспекты суфийского учения. История литературы на фарси (как и на арабском) знает немало поэтов-суфиев; Джалаеддин Руми – может быть, величайший из них. Но следует ли числить среди них Омара Хайяма?

Суфийская поэтическая символика группируется вокруг слов «любовь» и «вино»: первое – о взаимоотношениях взыскиющей души с Богом, второе – о восприятии уроков наставника и воздействии суфийских религиозных обрядов. Эти же слова играют значительную роль в поэзии Хайяма.

Но не только они дают почву для попыток рассматривать все стихи Хайяма как суфийские. У него есть несколько десятков четверостиший, автор которых – бесспорно суфий. Показательны те из них, где символика ослаблена или вообще снята, и суфийские положения даны прямым текстом (см., например, №64 и 100). Однако устойчивое желание выбросить из его рубайята все чисто суфийские четверостишия возникает не случайно, они явно противостоят основной массе стихов, несмотря на многие признаки стилистического родства с ними.

Далее. Неужели для суфия допустим бунт против шариата, так демонстративно выраженный у Хайяма? Да! – хоть и частично. Некоторые суфийские секты выступают против внешней обрядовой стороны мусульманства, и потому те стихи, где Хайям призывает продать чалму и четки, игнорировать намаз и пост, отвергать Каабу и разрушать мечети и медресе как рассадник лицемерия, – почти не аргумент, они даже сближают Хайяма с этой ветвью суфизма. Конечно, суфийскому поэту следовало бы сопровождать эти призываю советом

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

общаться с Богом непосредственно, без подспорья мечети и произносимой вслух молитвы... Хайям об этом постоянно «забывает». Есть граница, которую и суфий переступать не вправе: он может ополчаться на предписанные шариатом обряды, но ни в коем случае не на шариат в целом, не на ислам, не на Аллаха. А Хайям? Действительно, он эту границу, что касается шариата и ислама, вроде бы и не переступает, если не считать одного четверостишия, где он признается в мечте «разрушить эту тюрьму, выпростать ногу из стремени шариата». Мелькают лишь как бы случайные оговорки вроде этой: «Где сказано, что я подамся в мусульманство, зороастрийский хмель забуду? Что вы, нет!» Гадай как хочешь: всерьез он ставит себя вне мусульманства или шутит? Но едва ли он мог выражаться откровеннее, ибо отказаться мусульманину от своей веры - многое опаснее, чем грешить насмешками над Творцом.

Даже когда Хайям издевается над самими суфиями, над их тупостью, чванностью, показной набожностью, фальшивыми лохмотьями, то адресат каждый раз конкретен, и это нельзя толковать как осуждение суфизма в целом.

Разве лишь такая любопытная деталь: трижды он упоминает все в совокупности религиозные секты ислама («семьдесят два учения»), и все они одинаково чужды ему (см., например, №130). По его словам, все они про Бога не имеют представления, все ложны! Но ведь суфийские секты входят в их число. Однако Хайям не выделяет ни одну из них как хотя бы чуть-чуть более верную.

Что же в итоге? Проклятия Творцу можно проигнорировать, увидев в них не философскую позицию, а просто следствие дурного характера: не ужился с Аллахом! Осторожные оговорки счесть случайными оговорками или шутками. А в том, что, предлагая продать четки, Хайям забывает посоветовать обзавестись «четками духовными», - увидеть всего лишь поэтическую неряшливость. При таком подходе, опираясь на тексты отдельно взятых четверостиший, уже нельзя утверждать, что их писал не суфий.

Итак, есть многие «но», однако все они легковесны. И настоящий контраргумент, видимо, только один: если, временно отделив чисто суфийские стихи, рассмотреть все остальные в совокупности, как мы здесь дальше и сделаем, и проанализировать их многочисленные намеки, то постепенно рисуемая ими философская концепция сложится в картину, очень далекую от суфизма.

Впрочем, следы суфийского учения есть везде. Вся картина мироздания, описание движения души по кругам его, требования к человеческому духу в его земном воплощении, - у Хайяма всегда близки к суфийским представлениям.

Разрыв с ними проходит по четкой границе: Хайям категорически отсекает устремления к Богу. Впечатление такое, что он действительно прошел школу суфизма¹⁵, воспринял его мировоззренческие концепции, но с годами отверг его взгляды на роль Бога в жизни человека, отверг саму цель, на которую устремлена вся суфийская практика, и предложил человеку цель иную.

Похоже, он действительно был какое-то время поэтом-суфием. Это дало впоследствии суфийским проповедникам возможность спекулировать его именем и тщательно отсеянными (и подредактированными) плодами его творчества. Здесь уместно свидетельство историка Джамалиддина ибн Юсуфа Кифти (1172-1239): «Омар-ал-Хайям - имам Хорасана, ученейший своего времени, который преподает науку греков и побуждает к познанию Единого Воздаятеля посредством очищения плотских побуждений ради чистоты души человеческой и велит обязательно придерживаться идеальных между людьми отношений согласно греческим правилам. Позднейшие суфии обратили внимание на кое-что внешнее в его поэзии и эти внешности применили к своему учению и приводили их в доказательство на своих собраниях и уединенных беседах. Между тем сокровенное его стихов - жалящие змеи для мусульманского законоположения и сборные пункты, соединяющие для открытого нападения»¹⁶.

Обратим внимание на последние слова. Впечатление такое, будто написавший их знал про тайное учение Хайяма, которое мы здесь только пробуем расшифровать по четверостишиям.

Если не суфий, то кто?

В литературе, анализирующей поэтическое наследие Хайяма, не удалось отыскать ни сколько-нибудь серьезной попытки расшифровать мировоззрение поэта по его стихам, ни хотя бы даже ссылки на такую попытку. Практически все сводится к усилиям привязать Хайяма к той или иной привычной коновязи, ответить на вопрос «чей он?» вместо «о чём он?», выбрав один из таких вариантов:

1) Хайям - мистик, суфий. Попыткам доказать или опровергнуть это посвящены почти все исследования. Выше было уже показано, что при рассмотрении изолированных текстов отнести Хайяма к суфийским поэтам довольно легко. Но

Омар Хайям четверостишия filosoff.org не случайно возникали и серьезнейшие возражения, как в древности, так и теперь, причем основанные на самых различных соображениях.

2) Хайям – гедонист, проповедующий чувственные наслаждения, вино и разврат. Утверждать такую точку зрения тоже легко, для этого достаточно отбросить его моралистические четверостишия, «вино» понимать только в прямом смысле, к каким бы нелепицам это ни приводило, и его девиз «Будь весел!» неизменно воспринимать как «Наслаждайся!» или «Пьянствуй!».

3) Хайям – поэт-хулиган, «однофамилец» Хайяма-ученого. Это вовсе не философ, так что глупо искать какую-нибудь логику в его рифмованной бране в адрес Всевышнего и ниспосланной им веры. Такая точка зрения возникла на родине Хайяма.

4) Хайям – прямо-таки образец передового ученого XX века. Идеологически он прогрессивней Эйнштейна: атеист и диалектик-материалист. Сам он в Бога, разумеется, не верил, а насмешки над Богом – это на самом деле насмешки над окружавшими ученого мракобесами, которые все поголовно в Аллаха верили, однако вопреки здравому смыслу и ущемленному самолюбию старательно записывали для потомков хайямовское глумление над их набожностью. Такой взгляд культивировался в нашей стране в 30-е годы.

5) Хайям – вполне добропорядочный мусульманин традиционного толка (если и суфий, то слегка), который так жутко ругался с Аллахом и высказывал греховные мысли лишь потому, что беспредельно верил в Его милосердие. Этой точки зрения придерживался фуруги, один из самых видных иранских исследователей хайямовского творчества.

Вот и все, что удалось обнаружить, с незначительными вариациями (например: в Бога верил, но все же материалист). Ну, а если не первое и не второе, а нечто шестое? Недаром все попытки ограничиться этими пятью предположениями были поверхностны – не по неизбежности ли, не потому ли, что уложить его мысль в любое из этих прокрустовых лож мешают все те же «противоречия»?

Три ступени

В рубайяте Хайяма, как в разрозненных листках дневника, сохранились следы его напряженных духовныхисканий. Недаром сам он упоминает о «семидесяти двух ученьях» – ветвях ислама: легко ли в таком множестве религиозных течений выбрать созвучное себе? Мало того: здесь же, рядом, и древний зороастризм, и иудаизм, и христианство... Обширное поле поиска. Вот косвенное свидетельство того, что эти проблемы какое-то время занимали Хайяма (№227): «В чести невежество... Сменю религию... В исламе – стыдно мне». И стыдно явно не за себя, а за ислам, положения которого таковы, что неизбежно представляют человека грешником. Из первой строки этого четверостишия, пускай полуслугивого, видно, что Хайям искал среди религиозных учений пищу не только сердцу, но и уму: он выбирал мировоззрение, с которым согласился бы как ученый. И, как увидим, среди известных в его время – не согласился ни с одним.

Обратите внимание на рубай №247 – свидетельство того, что подобный поиск Хайям (видимо, уже умудренный собственным опытом) считал необходимым для каждого.

Стихи Хайяма, рассмотренные в совокупности, позволяют выделить три этапа в его поисках собственной позиции:

- 1) юная восторженность перед Творцом, порождавшая экстатические стихи; вскоре – прохождение суфийской школы и последующий разрыв с ее представлениями о цели человеческих устремлений;
- 2) после краткосрочного интереса к зороастризму – разочарование во всех известных Хайяму мировоззрениях, период «мировой скорби» в его стихах;
- 3) выработка и проповедование собственной мировоззренческой концепции.

Любопытно, что, когда четверостишия Хайяма расставлены соответственно этим этапам, хорошо заметен такой же поэтапный рост его как поэта.

Вначале – традиционные восхваления Аллаха, в которых, при всей взволнованности и искренности, а часто и вдохновенности автора, отчетливо видны следы старательного поэтического ученичества. Он овладевает формой стиха виртуозно, но ему, по сути, еще нечего сказать своего.

Суфийские стихи уже раскрепощенее по форме, в них иногда начинают встречаться по-хайямовски пронзительные образы.

Об интересе к зороастризму свидетельствуют несколько четверостиший. Особенно любопытно одно из них, носящее откровенно дневниковый характер. Можно только удивляться, как искаженно было оно переведено В. Державиным:

шёл в кабак я, тепля в сердце веру чистую одну,

Что зуннаром светлых магов там свой стан я затяну.
Там я так вином упился, что служитель харабата
Выбросил мои пожитки, после вымыл майхану.

В оригинале нет ни «кабака», ни «майханы» (опять же питейного заведения), ни какого-либо упоминания про вино. Есть «харабат» («развалины»), но здесь это название молельного дома зороастрийцев, а не привычное в гедонистской поэзии иносказание для «кабака». И есть зуннар, в данном контексте это ритуальный пояс огнепоклонников, но автор-то уже опоясался им, что и является необходимой завязкой в сюжете этого четверостишия (см. №235). Религия эта замкнута, последователи Заратушты избегают допускать в нее посторонних. Любопытствовать – да, но... Автор, который по наивности решил доказать свой интерес к магии огнепоклонников, опоясавшись их зуннаром, для служителя харабата стал попросту наглым самозванцем, чем и заслужил справедливые побои и изгнание из храма. Возможно, этим анекдотичным эпизодом и закончилось знакомство Хайяма с их религией. Скорей всего, роль опрометчиво надетого зуннара сыграли (не в стихах, а в жизни) самоуверенные суждения молодого ученого о магических тайнах.

Но именно здесь, в «зороастрийских» стихах, поэзия Хайяма вдруг буквально взрывается радостью жизни, наполняется весенней музыкой, солнцем и щебетом птиц. Удивительно или нет, но факт: суфизм не вдохновил Хайяма ни на одно жизнерадостное стихотворение! И впоследствии Хайям неоднократно поминает зороастризм добрым словом, он как бы продолжает числить себя среди его последователей (например, см. №759).

Однако чем ярче и радостней солнечный свет, тем гуще ночная тьма. Эти вспышки веселья контрастно оттеняют бездну остро ощущимого Хайяном незнания; вокруг соловьиной весны поэт видит лишь черную бездонную пропасть, в которую случайной искоркой летит весь наш праздничный мир. Но и этот мир, в свою очередь, – бездна: гонимые ураганом времени, на миг вспыхивают и исчезают пылинки-люди. Зачем? За что?.. Вопросы без ответа. И вот в стихах Хайяма начинает звучать «мировая скорбь», вселенский нигилизм. Стихи этого периода наиболее известны, для многих читателей как раз они-то и создают поэтическое лицо Хайяма. Не удивительно: они потрясают «бетховенскими» контрастами между вспышками юного веселья и юного трагизма (юность, как утверждали мудрые греки, – возраст от 20 до 40 лет). Заметим, это примета именно юного пера: говорить такое, что хоть сейчас – головой в омут, но при этом говорить так, что слушатели более приходят в восторг, чем сопереживают. Позже, в старости, у Хайяма возникает новый пласт трагических стихов, но там иные, сугубо личные мотивы и гораздо более мягкая, человечная поэтика, так что их легко различать.

Гипнозу стихов «нигилистического» периода поддаются не только читатели. Исследователи, анализировавшие миросозерцание (увы, не мировоззрение) Хайяма, сосредоточивались именно на них, отсюда и шли их выводы, будто в целом Хайям – поэт пессимизма, бессмысленности жизни, и т.п.¹⁷. Это верно, однако, лишь для одного этапа его жизни. Причем не главного. Возможно, и не очень долгого. Этот этап – лишь преддверие взлета, лишь предисловие к стихам Хайяма, пока еще только вырастающего в поистине великого мыслителя и поэта.

Теперь обратимся к четверостишиям, которые я отношу к третьему, вершинному этапу Хайяма. Их сотни. Здесь уже звучит полностью раскованная поэтическая речь; пронзительные хайямовские образы и приемы письма, презревшие все поэтические традиции, рассыпаны во множестве; сверкающие созвучия и внутренние рифмы возникают как бы сами собой, без усилий автора; при необходимости вдруг опять предстают головокружительные стихотворные конструкции, выполненные с прежним блеском, однако наполненные теперь словами, несущими глубокий неожиданный смысл. В совокупности эти стихи заставляют сделать вывод, что Хайям создал собственное этико-философское учение, уникальное и по большому счету революционное.

Казалось бы: чего ради извлекать мировоззрение Хайяма из четверостиший, если известны его философские трактаты? Но вот что пишут В. А. Розенфельд и А. П. Юшкевич во вступительной статье к книге трактатов Хайяма в переводе на русский язык: «Проблем философии и религии Хайям касается во множестве четверостиший и в пяти специальных трактатах. Все это, казалось бы, дает более богатый материал для суждения о его мировоззрении. В действительности же вопрос о мировоззрении замечательного ученого и поэта далек от ясности. С давних пор Хайяма трактовали то как вольнодумного мыслителя, то как религиозную натуру, чуть ли не как мистика. Дело в том, что философские трактаты во многом расходятся с поэтическими высказываниями, да и в последних имеется разнобой. Мы полагаем, что нет оснований априорно больше доверять философским трактатам, чем четверостишиям».¹⁸

Вот и попробуем довериться четверостишиям. Конечно, это будет реставрация не философской системы Хайяма в чистом виде, а ее поэтической версии. В стихах высокие абстрактные понятия подменяются живыми образами, и хотя взаимоотношения таких персонажей соответствуют соотношениям философских понятий, хотя мировая пьеса та же, режиссура в поэтическом театре совершенно иная. Простой пример. Хайям как астроном наверняка разделял гелиоцентрическую концепцию Бируни. Однако в стихах его Земля по старинке поконится на Тельце и Рыбе. Так ближе читателю и поэтичней. Лишь однажды оказалось более поэтичным представить Землю планетой, подобной Венере-Зухре. Точно так же в стихах обретают зримые черты и человекоподобные свойства характера такие персонажи, как Аллах, рок, небеса, смерть... Поэтому подчинимся правилам поэтической игры и не будем гадать, как Хайям строго философски понимал, допустим, абсолютный детерминизм Бытия, который в стихах традиционно изображал через Калам, Скрижали и тому подобные сказочные атрибуты.

Множественность вселенных

Любая развитая религия состоит из описания общей конструкции мира, созданного и руководимого Богом; из роли и задачи человека в этом мире; из морально-этического кодекса, соответствующего этой роли, и практического руководства для выполнения этой задачи. Все эти составные части присутствуют и в тайном учении Хайяма; причем – как свойственно и религиозным школам – именно морально-этическому кодексу и практическому руководству придается у Хайяма главное значение. Рассмотрим их по порядку, начав с конструкции мироздания.

В существовании Творца и в том, что наша вселенная создана именно им, Хайям не сомневается никакого. У него нет ни строчки, где отрицалось бы существование Бога. Стrophe из переводов И. Тхоржевского: «И нет творца, пред кем упасть бы ниц», – нет соответствия в оригиналах. Даже нет ни одного четверостишия, где наличие Бога в мироздании хотя бы подвергалось сомнению.

Наш мир, наша Вселенная – некоторая часть мироздания, – по Хайяму, имеет начало и конец во времени: «Круженью неба тоже прерваться точно так, как веку твоему».

Конечно, хайяновская Вселенная, по нашим меркам, очень мала, не обширней известной нам Солнечной системы: Земля либо Солнце в центре, да несколько планет, за которыми сфера неподвижных звезд – загадочных блесток на куполе всемирного дворца, сочетающихся в непонятные письмена на покрове, скрывающем от нас разгадки мировых тайн.

Туда, за хрустальную звездную сферу, не дано проникнуть ни взгляду, ни мысли, ни вдохновению... Тем неожиданней, что Хайям утверждает идею множественности вселенных (см. № 600). Творец не упомянут, и просто поразительно, как это четверостишие перекликается с космогоническими догадками XX века о множественности недоступных для наблюдений вселенных-«узоров» среди «моря»-мироздания. (Во избежание недоразумений надо оговорить: в некоторых источниках, в том числе в книге Тирхи, вместо слова «узор», т.е. общая структура Вселенной, – «индивидуум». Разнотение на уровне описки, причем «индивидуум» – слово не из лексикона Хайяма. Естественно, смысл четверостишия полностью искажается.)

Обратим внимание на неизбежный вывод из утверждения о множественности вселенных: человек-то живет лишь в одной из них; и раз их много, то не обязательно именно земной человек является главной целью божественного творения, возможно, он даже не находится в поле постоянного внимания Творца. Для религий такая мысль недопустима: в них всегда человек – жестоко воспитуемое, но все-таки любимое детище Создателя. Нередко в стихах Хайяма можно заметить намеки на заброшенность нашей Вселенной; наиболее ярко это звучит в чуть ли не самом древнем из известных его четверостиший (которое поэты-переводчики почему-то понимают как говорящее про людей; но у Хайяма там слово «конструкция», которое справедливо отнести к более крупным объектам; в других версиях – «сочетание стихий», т.е. акт творения Вселенной) – см. №601.

Если наша Вселенная не единственная, то легко понять и низкий уровень значимости человека для Творца: «Печально, что до нас нет дела небесам, забвенье суждено делам и именам...» Похоже, так было задумано изначально. Как не смириться?.. Но Хайям находит и предлагает человеку путь, который постепенно приведет его к иному, высочайшему уровню значимости:

Быть целью Бытия и мирозданья – нам,

Всевидящим умом, лучом познанья - нам.

Пойми же, человек, что круг вселенной - перстень,
Где суждено сверкнуть алмазной гранью - нам!

Причем добиться этого без участия, без помощи Бога, собственными слабыми человеческими силами!.. Но не стоит забегать вперед. Пока речь - о конструкции мира, в хайямовском представлении. Поскольку детали его взглядов на этот предмет мало отличаются от суфийских (кроме роли Бога и идеи о множественности вселенных), упомянем о них вкратце, лишь настолько это необходимо для понимания стихов.

Основа физической структуры нашей Вселенной - Четыре первоэлемента, они же четыре стихии: Огонь, Вода, Земля и Воздух. Они часто упоминаются в четыверостишиях Хайяма, становясь даже поводом для поэтической игры в перечисление стихий по заданной схеме. Присутствуют в стихах и другие «фундаментальные числа»: Семь (небесных сфер), Шесть (направлений в трехмерном пространстве), они же «Шесть дверей», Пять (чувств), «Две двери» - прошлое и будущее, рождение и смерть. Все они символизируют Бытие, наш мир, нашу Вселенную.

Обветшавший небосвод

«Даже волос с головы человека не упадет без воли Аллаха», - говорят мусульмане. По их легендам, еще до сотворения вселенной Бог создал Калам - стило, которое на Скрижалях под его диктовку расписало будущее вплоть до мельчайших событий, до крохотного шажка муравья через тысячи лет. Небо - движитель этих событий: вращаясь, небеса, как передаточный шкив, заставляют двигаться все и всех на Земле. Считывая со Скрижалей «план на сегодня» и диктуя небу и планетам соответствующие движения, Рок реализует предписанные события.

Хайям так часто обращался в стихах к составным частям этого механизма, что поначалу складывается впечатление, будто он безусловно верил в абсолютную детерминированность Бытия. И скорей всего действительно верил - поначалу. Полная предопределенность трагична в самой своей сути - см. например, четверостишия №№169 и 220.

Но вот логическая неувязка, замеченная крамольными мыслителями задолго до Хайяма: если каждый шаг человека предопределен, возмездие лишено смысла. Хайям тоже говорит об этом (№471). Как ученый, Хайям ищет и наконец находит решение этого противоречия. Вот тогда уже появляются у него псевдотрагические стихи о предопределении, на поверку оказывающиеся сатирой, основанной на доведении до абсурда, с целью заставить человека задуматься (например, №№300, 317, 468).

Идея абсолютно детерминированного Бытия, преподносимая якобы всерьез, позволяет Хайяму язвить и над Скрижалями, которые он берется переписать гораздо толковее, и над небом, вдруг сочувствуя этому подневольному палачу. Здесь язвительность не самоцель: Хайям показывает страшное - нелепым, чтобы освободить слушателя от привычного с детства гипноза, от представлений о неотвратимости судьбы. А такое освобождение было необходимо для последователей его учения.

Собственное хайямовское решение этой задачи крамольно настолько, что его попросту нельзя высказать вслух: божественная предопределенность жизни - одна из важнейших мусульманских догм. Лишь в одном из философских трактатов - в «Ответе на три вопроса» Хайям смутно оговаривается, что детерминизм «очень далек от истины»¹⁹. Более ясный намек мы находим в четверостишии, может быть ключевом для понимания всего мировоззрения Хайяма:

Не дай себя отвлечь, за блестками не рвись;
добра ли, зла судьба, а всё равно - трудись.
В игре не только ты, все проиграть способны:
И Мекки Гордый храм, и небосвода высь.

Дословно так: «Попусту за всяkim сверканием не следует рваться. Несмотря на добро и зло судьбы, следует работать. О небесах и о мечети Каабы благословенной: всякому узору, который становится виден, ему может последовать проигрыш». Последнее слово, означающее проигрыш именно в азартной игре, является организующим центром для понимания всего четверостишия

Все проиграть способны, в том числе и небосвод. Это значит, диктуемое небосводом движение событий - не монотонный бездушный механизм, неотвратимо катящийся по людям, как арба по булыжной мостовой (т.е. не абсолютный детерминизм), а скорей азартная игра в кости, игра опытного шулера против

простачка (неполный детерминизм, с некоторой долей случайности). При неуклонном старании даже слабый игрок (человек) имеет шанс на удачу против сильнейшего (высших сил). Иными словами, человек может порой и сам повлиять на свою судьбу. Рок силен, но не всесилен. Придя к такому выводу, Хайям, должно быть, почувствовал себя первым мусульманином, освободившимся от неумолимой воли Аллаха. Недаром он взял на себя право говорить с Богом на равных.

Итак, ответ: неполный детерминизм. Сильный, но не абсолютный. За семь тысячелетий после сотворения мира механизм расшатался (не ради красного словца образ обветшавших, от старости выживших из ума небес!), и теперь уже не все, оказывается, в жизни человека полностью зависит от Бога, соответствует его древним преднарочтаниям. И становятся понятны частые призывы Хайяма ловить мгновения, когда судьба дает промашку: «Не трусь перед судьбой, тогда сверкнет во мгле священное вино на нищенском столе». Да и таким ли уж убежденным мусульманином был Хайям? Слишком рискован намек, что «и Мекки гордый храм» может проиграть... Где же? - в «игре» против других религий?!

В прекрасном мире иллюзий

По суфийским представлениям, схожим с древнеиндийскими, зrimая нам физическая вселенная, многокрасочная Земля и звездные небеса - лишь небольшой участок, некий пласт или срез мироздания, которое распадается на два Мира: Бытие и Небытие, оно же Ничто. «Ничто» здесь означает не полное отсутствие чего-либо, а только полную невоспринимаемость органами чувств человека. «Небытие», аналогично, - невозможность для живого человека пребывать в среде, доступной только духу, лишенной атрибутов Бытия: пространства, вещества и т.п. Собственно, все мироздание - «Ничто», и только какой-то клочок его, где Всевышний актом творения «сочетал», соединил разрозненные четыре стихии и тем самым создал видимое нечто, где он растиянул новообразованное вещество на распялках Шести направлений, где он, округлив небесными сферами храм нашей Вселенной, заселил его человечеством, - лишь этот клочок и есть наше Бытие. Для Хайяма Небытие реально существует, более того, именно там, в главной части мироздания, происходят основные события, в том числе жизненно важные для человека. Бытие - крохотный участок ткани Небытия, где часть волокон окрашена яркими красками и потому стала явью, прахом и плотью, стала зри мой, «воплощена» для нас.

В таком представлении мир в целом мы могли бы сравнить с детской загадочной картинкой, где в хитросплетении деревьев и кустов художником спрятан охотник, но - картинкой «наизнанку»: представим себе, что мы почему-то видим только этого охотника, а все остальные штрихи стали прозрачными, ненаблюдаемыми. Мы не можем узнать, что изображено на картинке в целом; более того, фигура охотника своей завершенностью сбивает простодушных наблюдателей с толку и заставляет думать, будто это и есть вся картинка; а Хайям, вслед за суфиями, называет такое восприятие иллюзией, непосредственно воспринимаемый мир - иллюзорным. Надо правильно понять смысл этого слова здесь. Иллюзорно - не значит нереально; иллюзорно - потому, что второстепенное принимается за главное или даже за единственное сущее. А что же главное? Оно - там, в Небытии, и потому уже всерьез трагична земная жизнь, смысл которой утаен.

Человек - соединение смертной плоти и бессмертной души, для которой пребывание в Бытии - лишь краткий эпизод в бесконечном пути по дорогам Небытия. Похоже, вслед за древнеиндийскими учителями Хайям верит в переселение душ; но поскольку подобное представление категорически запрещено ортодоксальным исламом, в стихах Хайяма проскальзывают лишь намеки:

Людей, украсивших мозаику минут,
Уводят небеса - и вновь сюда ведут.
Пока бессмертен Бог, полны подолы неба,
Карман земли глубок, - рождаться людям тут.

Кстати, обратим внимание: Бог бессмертен... пока! И больше нигде ни намека: как истолковать эту ошеломляющую «оговорку» Хайяма. Четверостишие про «карман земли» содержится в шести из рассмотренных мной источников; текст первых строк везде одинаков, дословно: «Те, кем небеса кусочки времени украшают, - приходят, и уходят, и вновь со временем приходят». Когда Хайям порой хочет сказать, что приходят другие такие же, он и называет их «другие». Так что здесь приходят «вновь» - именно они же.

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

Полагаю, что и в знаменитом четверостишии «189 о «фигурках» (то ли марионетках, то ли шахматных фигурах) содержится тот же намек – дословно: «Позабавляем друг с другом /зрителей/ на кожаном коврике Бытия, попадаем в ларец Небытия один за одним вновь». Фигурки-то эти явно для многократного употребления.

И в том, и в другом тексте слово «вновь» достаточно красноречиво.

Эти догадки не противоречат часто варьируемой Хайяном мысли: «Будь весел в этом мгновении, ибо живешь единожды». Множественность воплощений суждена не человеку, а лишь его духу. Хайям, дерзко оспаривая принципы всех религиозных учений, готовых ради придуманных ими благ духа пожертвовать чем угодно в земной жизни, ставит человека превыше его духа, ибо дух – лишь одна из его составляющих, соответственно и единственную человеческую жизнь он почитает ценностью, которой нет равных. Конечно, необходимо так организовывать жизнь, чтобы не навредить духу в его бесконечном пути; но недопустимо и терзать свое сердце, живущее лишь единожды.

Для того, кто исповедует идею метемпсихоза, смещаются многие акценты.

Прежде всего, жизнь души становится многоступенчатой: каждый век в человеческом теле – не более чем следующий класс в школе духовного развития. Меняется отношение к смерти: она уже не конец всему, а не более чем «дверь» для выхода в Небытие, где можно спокойно обдумать протекшую жизнь и подготовиться к новому воплощению. Не на это ли обдумывание намекает Хайям в рубаи №382??.

Меняется представление об ответственности за свои действия: уже невозможно зажмуриться и нырнуть в смерть, забыв про свои злодеяния. Совесть неубиваема. Испугать их придется не одно воплощение. Самосовершенствование растягивается на множество воплощений, каждое из которых посвящено решению какой-то частной задачи: научиться прощать своего врага, или преодолеть в себе тщеславие, либо же насытиться богатством или властью, чтобы тяга к ним в будущих воплощениях не мешала... Следовательно, намеченные в Небытии для данной земной жизни задачи разных людей не совпадают, и каждому человеку нужно решать свою задачу индивидуально.

Но земное Бытие настолько ярко в сравнении с остальными пластами мира, что душа, зачарованная его красками и соблазнами, поначалу способна забыть цель нынешнего воплощения, более того, даже вообразить, будто это земное Бытие – единственное сущее; такая забывчивость естественна; однако, когда человек созреет и покончит с детскими играми, его душа должна вспомнить, осознать свою цель. Кто не удосужился заставить свою душу сделать это, кто в результате ведет бессмысленное существование, тех поэт называет «спящими». Это – люди, впустую тратящие жизнь:

Разумно ли судьбу увещевать весь век,
То славу, то позор переживать весь век?
Как ни веди ты жизнь, а Смерть идёт по следу.
Решай, что лучше: спать иль пировать весь век.

«Пировать» – в противовес «спячке» – значит вести жизнь осмысленную, целенаправленную. Но поэты-переводчики, решавшие это четверостишие как гедонистское, неизменно «или» превращали в «и», разумея, что где пирушка, там и пьяный сон: «Лучше жизнь, как во сне, в опьяненье прожить», – не понимая символики, не замечая сформулированной Хайяном проблемы выбора: бездумно существовать или плодотворно жить (см. также, например, рубаи №360).

Другой его символ для изображения «спящих» – «сова», любительница тьмы и запустения (рубаи №1173).

Редкостной даже для Хайяма является грандиозная картина, вобравшая и Бытие (где он видит, увы, только «спящих»), и Небытие – с душами, доверчиво спешащими к воплощению, и со встречным потоком уходящих в разочаровании (рубаи №248).

Душа и Сердце

Ко многим печальным недоразумениям приводило переводчиков то, что «душа» и «сердце» в русской поэзии равнозначны, и они воспринимали такими же синонимами эти слова у Хайяма. Между тем у него это два принципиально разных действующих лица, есть и третье в их ряду: Разум. У каждого своя сфера деятельности, и они находятся в сложных, порой драматических взаимоотношениях.

Душа бессмертна. Она пришла из Небытия в человеческое тело и вернется в Небытие после смерти. Для нее этот мир – чужбина (№144).

Сердце родилось на земле и останется в земле; это все-таки только часть

Омар Хайям четверостишия filosoff.org смертной человеческой плоти, хотя и наилучшая, самая «одухотворенная» ее часть. Именно через Сердце общается душа с земным миром. Именно Сердце – первый помощник души в ее работе. На него возложено создавать душе такие условия, чтобы она смогла вспомнить свою задачу, а при необходимости оно должно и обеспечивать условия для ее отдыха (№262, 421). Сердце знает только этот мир, Бытие. Поэтому оно жадно интересуется у Души тайнами Небытия, особенно сколько-то доступными его воображению адом и раем. В ответах Души чаще всего проскальзывает та интонация, с которой взрослый говорит с ребенком на слишком серьезные для того темы (№№420, 251). Однако Сердце совсем не глупо, оно способно (правда, очень по-своему, в плане эмоций, а не рассудочно) понимать многое с полуслова:

Сказало Сердце мне: «Учить меня начни.
Науки – таинства; но что таят они?»
Я начал с азбуки: «Алеф...» И слышу: «Хватит!
Свой своего поймёт, лишь буквой намекни».

Здесь: Сердце сразу прониклось глубочайшим смыслом буквы «алеф», она же – цифра «один». Это и символ Единого Сущего, и символ единства всего мироздания. О чем еще говорить?..

В свою очередь, душа с уважением относится к предостережениям Сердца, лучше понимающего земную жизнь (№528).

Как и некоторые другие стихи, ранее упомянутое четверостишие №247: «Пока у кочевой тропы сидишь, о, Сердце...» – показывает: Хайям считает, что религиозно именно Сердце, а не Душа. Душа-то сокровенно знает иной мир, зато Сердце, что-то выспросив у нее и кое-как поняв, начинает фантазировать, достраивает полученные сведения по-земному яркими чувственными образами. Так и появляется религия, либо ее новая ветвь – secta. С точки зрения Души, все молятся одному и тому же Всевышнему, только называют и представляют его по-разному. Но для Сердца главное – эмоции и образные представления. Поэтому оно и должно найти «средь вер и ересей – свою». Скорей даже: сколько Сердец – столько вер.

Любопытен косвенный признак того, что рубайяты Хайяма действительно содержат мало чужеродных вкраплений. В классической персидской поэзии слова «душа» и «сердце» чаще всего являются ласкательными именами возлюбленной или друга, соответствующим русскому обращению «душа моя!». Между тем в стихах Хайяма никогда (если не считать 2-3 чужеродных четверостиший) такого не происходит. Он отвел этим словам раз навсегда определенные роли и собственных правил игры не нарушает. В использовании их – одно из проявлений его поэтической индивидуальности.

В этой главе "имена" действующих лиц ради пробы везде были приведены с большой буквы; читать такое непривычно и даже трудновато. Поэтому в тексте рубайята заглавные буквы в именах Душа и Сердце будут использованы лишь в необходимых случаях (то же самое: Рок, Смерть, Жизнь и т.п.).

В сетях добра и зла

Значительную, но так и не расшифрованную мною роль играют у Хайяма понятия добра и зла, которые в зрелых своих стихах он по сути приравнивает друг другу, как две стороны одной медали. «Всевышний сам добро и зло послал сюда», «Сам из добра и зла связал Он сеть вселенной» для поимки несчастных людей, «Морщинами добра и злыми письменами лицо мне исчертил»... «Когда бы смог я жизнь от рока оградить, от пут добра и зла себя освободить...» Проблемы добра и зла касаются какое-то самое сокровенное открытие Хайяма, которое он, видимо, утаил даже от своих учеников, ограничиваясь косвенными намеками: «Про Зло с Добром ни с кем нельзя мне говорить... Хранитель тайны – нем. Нельзя мне говорить» (№533).

Как попасть в рай

Итак, закончится жизнь Вселенной. Грядет Страшный суд... В первом Хайям не сомневается, он часто упоминает про неизбежный конец Вселенной. Но ко дню Страшного суда отношение его колеблется: от призывов готовиться достойно предстать на судилище (скорей всего, в ранних стихах) до завуалированных издевок над самой идеей Суда; одно из таких рубаи – шедевр утонченного сарказма:

Однажды всяк из нас на Судный зов придет;
Создатель обсудить плоды трудов придет.
Лишенных блага друг, конечно же, утешит.
Вот видишь? Радость к нам в конце концов придет!

Заметим, на вид это стихотворение исключительно благопристойно. Многие исследователи, в том числе проф. В. А. Жуковский, всерьез сочли его квинтэссенцией суфийского благоговения перед «другом». Нервный смех от высказанного «утешения» возникает как бы не по вине автора: читателю-де не по себе лишь потому, что он слабо верует в милосердие Всевышнего и недостаточно презирает бренную земную жизнь. Искусством говорить так, что ни к одному слову не придраться, но в целом почему-то звучит издевательски, - Хайям владеет в совершенстве.

Гораздо более откровенной иронией окружена идея ада и рая. Широко известны многочисленные хайямовские рубаи вроде №934. Хайям очевидно игнорирует опасность попасть в ад и презирает соблазны рая. Но заметим одну тонкость: ни разу - среди сотен четверостиший - не утверждает он прямо, будто "нет ни рая, ни ада, о сердце мое" (цитата из перевода Г. Плисецкого - см. №211). Почему? Возможно, здесь повинна привычка к научной точности утверждений. Хайяму никто не может доказать, будто ад есть. Но и он не находит обратных доказательств. Поэтому позволяет себе только язвительно сомневаться; граница прямого отрицания проходит очень близко (как в рубаи №544), но он ее не переступает.

Интересно, откуда богословы так много знают про ад и рай?.. Хайям однажды даже изображает единственно мыслимый (и, конечно, нелепый) источник «сведений из загробного мира» - возвращение покойников (№646).

Во всяком случае, для Хайяма очевидно: есть ли ад и рай, нет ли их, но человеку глупо в своих страхах и вожделениях руководствоваться заведомо недостоверными представлениями о них, а внушать кому-либо такие страсти - попросту преступно:

Как буйно в медресе, и в кельях, и в церквях
Растут стремлењье в рай и перед пеклом страх!
Но тот, кто разгадал и вызнал тайну Бога,
Не сеет сорняков в доверчивых сердцах.

Любая религия «сеет сорняки», обещая своим приверженцам рай, а посетителям «нечестивого храма», разумеется, ад; Хайям смеется разом над всеми (см. №379).

Впору усомниться: да был ли он, в самом деле, мусульманином? Впечатление такое, будто Хайям ниспровергает атрибуты мусульманства, расчищая место для чего-то иного.

Что Всевышний натворил с человечеством?

Какое же сомнение заставляло Хайяма, и какое знание давало ему право последовательно проходить все ступени взаимоотношений с Богом: умолять его, просить о помощи; потом давать ему иронические советы, упрекать, насмехаться, гневаться, проклинать; наконец, демонстративно отворачиваться от его возможной благосклонности? Выстраивается головокружительная лестница конфликта, и на ее верхней ступени Хайям уже вершит суд над Творцом - в картине, может быть, уникальной в мировой поэзии:

Качнутся небеса и рухнут в никуда,
Вдогонку пролетит отставшая звезда, -
Тебя я в этот миг на площади Суда
Поймаю за полу: "Так Ты - убийца! Да?!"

Дословно: «Ты должен признать грехом убийство, /совершенное/ Тобой!» Разве здесь речь про убийство одного человека - автора четверостишия? Едва ли. Хотя именно так понял О. Румер в своем переводе: «За что же ты убил меня, владыка вечный?» Слишком скромно для такой апокалиптической картины. Скорей здесь речь про убийство человечества, причем не про то, будущее, а про сегодняшнее, совершающееся каждодневно, начатое еще во дни Адама²⁰.

Так что же Творец натворил?

Множество косвенных намеков убеждают, что постепенно Хайям пришел к выводу: Бога над нами давно уже нет. Он вылепил нашу Вселенную, наигрался ею, как

новой игрушкой, потом вышвырнул на свалку и ушел создавать иные миры. Может, он и вернется, чтобы устроить Страшный суд, но и то едва ли. Только в такой интерпретации становится понятным четверостишие №705... Объясняется и вроде бы странная закономерность в стихах Хайяма: в том, как нелепо и жестоко идут сегодня дела на Земле, он обвиняет стихии, небеса и рок чаще гораздо, чем самого Творца, которому достается от поэта за то, что сделано когда-то, а не сейчас, за общие ошибки и нелепости творения. За ширмой небес он уже не видит Бога, следящего за нами. Насколько же далеко это леденящее душу открытие от прежних суфийских экстатических восторгов! Итак, Творец бросил нас. В таком случае «Скрижали – рок – небо» – обветшавший без присмотра механизм, только по инерции выполняющий свою безжалостную работу, тем более жестокую, что она стала бесмысленной, вершится уже не для Бога, а просто так. Потому Хайям и снисходит даже до того, чтобы пожалеть палача-небо (№1130).

Не Бог, а Рок – корень зла сегодня; Богу досталось бы от Хайяма не меньше, но его здесь уже нет. Гневные же выпады Хайяма против Бога в других стихах – это проклятия вслед напакостившему и ушедшему, а также полемический прием, чтобы разрушить авторитет Творца. Удивительно ли, что Хайяма порой принимают за атеиста. Бог есть, но для нас его практически нет, и от него в нашей жизни уже ничего не зависит, и скорей всего не будет ни божественной кары, ни воздаяния; от такой позиции до атеизма недалеко. В стихах третьего периода Хайям считает человека свободным от моральных обязательств перед Богом. О нем можно и нужно забыть, отвергнуть все обрядовые требования и устраивать свою жизнь на Земле самостоятельно.

Человек, помоги себе сам

И вновь на первый план выходит проблема духовного развития. Путь суфиев (стариков) нацелен на мистическое постижение Бога. Для Хайяма цель – Счастье, фундамент которого – земная жизнь; то Счастье, на создание которого нет ни времени, ни сил, ни даже права, пока ты обманут выдумками религиозных ханжей. Хотя поэт предпочитает другие термины: «веселье», «блаженство», – суть одна. Земную жизнь Хайям ценит гораздо выше, чем индийские мудрецы; идея метемпсихоза этому не мешает. Если уж именно Земля предназначена для многих и многих воплощений души, если Земля – источник самых ярких ее радостей и бед, если Земля – главная школа души, то Хайяму далеко не безразлично, как обстоят дела в этой школе.

Прибегнем к несложной аналогии. Вообразите, что вы живете в ожидании отъезда. Тюки увязаны. Продукты упакованы. Знакомства с теми, кто поедет в другую сторону, случайны и мимолетны. Из угла дует, в другом углу паутина, – эти приметы запустения вас мало волнуют... Но караван, к которому вы думали пристроиться, сегодня не пришел, и вы ночуете на тюках, чтобы завтрашний день прожить в таком же несозидательном ожидании. И так день за днем...

А теперь уверьтесь, что караваны никогда не придут, что вам – и всем соседям – надо устраивать жизнь здесь. Тогда придется совсем по-другому взглянуть на неуютность здешнего караван-сарая. И, быть может, вы первый возьмете ведерко и пойдете искать глину, чтобы замазать ту щель в углу. Настолько же различен взгляд на земную жизнь у всех, уповающих на Бога (в том числе суфиев), – и у Хайяма, призвавшего человека совершенствовать свой дух ради улучшения земного бытия, и украшать земное бытие, чтобы успешнее в нем совершенствовать свой дух. И делать это, опираясь на слабые человеческие силы. Недаром так часто он декларирует: «Прочь «завтра» и «вчера», сегодня счастлив будь!» В этой словесной формуле есть отголосок суфийских представлений о сию-мгновенности жизни, отвергающих заботу о завтрашнем дне, но у Хайяма отвергается «завтра»-иное, «завтра»-якобы-при-Боге, в общем-то итоге ради «завтра» человеческого – здесь, на Земле. И если путь суфиев индивидуалистичен, то предлагаемый Хайямом путь общественен, социален, он открыт и в принципе доступен для всех.

Не будем забывать, что Хайям жил 900 лет назад, задолго даже до великих утопистов Т. Мора и Т. Кампанеллы. Во всяком случае, предлагаемый им путь выглядит гораздо реальнее мечтаний философа и утописта аль-Фараби (X век) о «добродетельном городе», правитель которого мистическим путем получает истины и руководящие идеи от «активного ума» – ближайшей к человеку эманации божества.

Подведем промежуточные итоги.

Бог сотворил Вселенную и человека, но бросил нас на произвол судьбы (в буквальном смысле!). Для каких-то своих первоначальных целей он создал и запустил строго детерминированный механизм существования, который

тысячелетиями удерживает человечество в плачевном состоянии. Похоже, беспроблемное существование запланировано для нас до конца Вселенной. Но с уходом Творца эта жестокая работа небес утратила смысл, она совершается только по инерции. Поскольку Творец покинул нас, мы вправе не следовать его предначертаниям. Нет худа без добра: в отсутствие Мастера механизм расшатался, допускает промашки, и порой человек может воспользоваться ими, чтобы вопреки древним планам улучшить свою жизнь. Однако нужно научиться ловить такие случаи, научиться в такие моменты направлять свою судьбу не в худшую, а в лучшую сторону в сравнении с изначально предписанным тебе. И, наконец, при любом везении не очень-то станет совестливый и мудрый человек счастливей, если общий фон жизни остается прежним. Нужна работа всех людей в одном направлении, чтобы так вот по крохам увеличивать сумму общечеловеческого Счастья – и постепенно вырваться из-под власти Рока, свернуть с когда-то предписанного нам пути, расстаться с монотонным, беспроблемным существованием. Даже массивный катящийся шар можно свернуть с прежнего курса легкими толчками сбоку. И тогда ныне униженное человечество действительно сможет «сверкнуть алмазной гранью» в «перстне»-Вселенной. А работа эта должна начинаться с сознательного самовоспитания, буквально с первого самостоятельного, не подневольного, не предписанного свыше движения собственной рукой (№1175).

Первое самостоятельное движение. Какое? Прежде всего, нужно перестать быть пособником палача-небосвода, вольным или невольным орудием подавления других людей. Не кичись богатством, не будь жаден, одаряй бедняков. Не злоупотребляй властью. И так далее. Примеры наставлений такого рода приводить здесь нет нужды; обратимся к призывам не совсем обычным, а именно: не принимать на себя горе. Не горевать, не отчаиваться.

Человеческой психологии свойственно общее количество Счастья считать стабильным; оно как бы переходит из рук в руки, вроде денег. Если одному прибудет счастья, у другого отнимется. И в Ветхом Завете, и в христианском учении, и в мусульманстве жертвующие собой святые и праведники в основном заняты именно тем, что собирают на себя всяческие болезни, горести и несчастья, освобождая от них других людей, предоставляя тем возможность стать счастливее.

Но Хайям показывает нам, что представление о механическом перераспределении счастья-несчастья в принципе ошибочно, поскольку порожденное твоими горестями отчаяние поражает и окружающих (хотя и не обремененных твоими бедами), и уж точно не делает их счастливее – см. №973.

Даже простое уныние подкрепляется самозарождающимися бедами и несчастьями (если идешь, голову повесив, то и впрямь налетишь на косяк). Следовательно, возможно размножение бедствий на манер эпидемии, и распространители этой заразы – люди, предающиеся отчаянию. Можно предположить такой ход мысли: если зло (через отчаяние) саморазмножимо, но добро среди людей все же существует, значит, и у добра есть сходный механизм саморазмножения, остается его обнаружить и начать сознательно применять. Такой взгляд с точки зрения богословов в принципе крамолен: он противостоит и идеи святого самопожертвования, и взгляду на бедствия как на испытание либо наказание, ниспосланное свыше. Более того: делиться своим добром – безусловно благое дело; но творить для себя и других добро «из ничего» – значит кощунственно уподобляться творящему Богу!

Человек рожден, чтобы страдать, утверждают все религии. А вот Хайям столь категорически выступает против гибельных эмоций, как если бы он считал их не естественной реакцией на терзающие нас беды и несчастья, а следствием духовной распущенности и невежества. Надо так организовывать свои эмоции, чтобы только с улыбкой, а не со слезами проходить сквозь любые несчастья (№ 1162).

Подвергаться нападкам судьбы – одно, но «пить горечь» при этом – совсем другое: первое неизбежно, второе постыдно. Религия призывает смиряться перед горестями, Хайям – смеяться над ними. И этим, по крайней мере, парализовать механизм размножения зла. Кроме того, только человек, не впадающий в отчаяние, способен «пробудиться», стать «мудрецом».

На пути духовного совершенствования по-Хайяму как метод нейтрализации зла, так и приемы "пробуждения спящих", и способы поправить свою личную судьбу, и методика улучшения жизни человечества – одни и те же. Эта универсальность его метода легко могла убедить Хайяма, что он прав, что действительно будет возможно, отвергнув бессмысленные упования на Бога, самим обороть вполне реальный механизм злой судьбы.

Суфийский метод «пробуждения» и последующего «постижения Бога» основан на строжайшем самоограничении, на отстранении от всяческих соблазнов, на том, чтобы лишить душу ярких чувственных впечатлений (как бы вернуть в Небытие), посадить ее на голодную диету, оградить забором запретов и тем самым заставить тянуться только ввысь. Об этом прекрасно сказано в суфийском

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
четверостишии, изредка приписываемом Хайяму (№1200).
Хайяновский же путь в том, чтобы не увлекаться ложными ценностями Бытия, не считать их значительными, поскольку они-то и отвлекают от истинной ценности жизни, они-то и провоцируют вспышки жадности, злобы, зависти и т.п. у одних, а как следствие – отчаяния у других. Среди этих ложных ценностей – себялюбие, тщеславие, власть, богатство, похоть, условия для лени, неги, бездумия, равнодушия; они не существуют в Бытии изначально, а созданы самими людьми – «спящими», принявшими ярость Бытия за единственную сущее, данный им недолгий человеческий век – за единственную данность. Отвергая эти ложные ценности, надо не ограждаться по-суфийски забором от жизни, а воспитывать свою душу так, чтобы непрестанно летящая из-под колес судьбы грязь к ней не прилипала; чтобы не тянуло с пути подбирать каждую яркую стекляшку. Надо снять с тара своей души темные струны, чтобы никакой порыв житейского ветра не порождал унылых отзывков.

Зато – в противовес ложным – надо научить себя наслаждаться истинными ценностями Бытия, приобщение к которым просветляет душу и ни в ком не вызовет зависти, ибо это доступно всем: красота природы, весеннее цветение, пение птиц, любовь, музыка, восторг научного познания, радость умного спора с друзьями. Разве не такой представляла земную жизнь душа, когда задумывала свое телесное воплощение? Именно в такой обстановке ей легче будет вспомнить свой замысел и осуществить его, не отвлекаясь на «блестки», не парализуя себя бредовыми страхами.

Что касается страхов, то прежде всего Хайям стремится излечить человека от самой гибельной эмоции: от страха смерти. Здесь он применяет богатый арсенал воспитательных приемов, от запугиваний по принципу «клин клином вышибают» (№802) – до презрительной насмешки над трусливым хозяином собственной жалкой шкуры (№804).

Тот печальный факт, что жизнь преходяща, Хайям в утешение нам умудряется даже представить благом (№602). Он развенчивает ложные ценности этого мира, убаюкивающие "спящих" (№187), бичует вскормленные ими пороки (№ 594)... И так далее. Но это – критика, обличение. Однако есть ли у Хайяма позитивная программа (в отсутствии которой упрекали его некоторые исследователи)? Есть. Более половины стихов посвящено как раз ее изложению. Она адресована не обществу, не государству, а каждому отдельно взятому человеку, однако имеет общественную направленность точно так же, как работа воспитателя и учителя. Собственно, Хайям и был воспитателем и учителем, сами интонации его четверостиший говорят о присутствии учеников: тут и повторы, и разъяснения темных мест, и подшучивания, и контрольные вопросы, и ответы недоумевающим (например, №513).

Но это не учебник. Не философский трактат. Перед нами поэзия самой высокой пробы. И если оформленные в стихах мысли можно оценивать с позиций историка философии или религии, то манеру преподнесения их можно судить только по законам поэзии. Этические уроки Хайяма далеко не всегда высказаны прозрачно-ясно, иные его поучения требуют определенного навыка в их понимании (см., например, №№1174 или 48).

По легендам, Хайям не записывал своих четверостиший: многие сотни строк дошли до нас только благодаря записям его учеников и друзей. Трудно найти аналогичный пример в истории за последнюю тысячу лет, трудно вообще поверить в подобную старательность поклонников его поэтического дара, только из любви к стихам десятилетиями подбиравших каждое оброненное им четверостишие. Иное дело, если ценность рубаи была не только в их поэтических достоинствах, если они являлись (как и стихи суфиев) скрытыми формулировками, комментариями и пояснениями различных аспектов его учения. Так позже «писари тайн» при Джалаеддине Руми подхватывали каждый произнесенный им бейт, потому что они записывали не просто стихи, но Истину, отчеканенную в стихах.

По той же, может быть, причине из стихов Хайяма, которые я отношу к ранним, до нас дошли почти только четверостишия религиозного содержания – и исчезли сотни веселых юношеских экспромтов. Трудно вообразить, чтобы их вообще не было.

Напрашивается предположение: школа Хайяма, где он пропагандировал учение, призванное взорвать изнутри мусульманство, действительно существовала, хоть и маскировалась под что-то другое, пусть под «преподавание науки греков», как о том пишет Кифти; заметим, от «науки греков» в четверостишиях практически нет ничего. Таким же конспиративным должен быть и язык его лекций, и язык его стихов, говорящих на секретные темы.

Под маской чужого слова

Действительно, язык Хайяма условен, многие понятия он шифрует

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

словами-символами. Такой прием – в традициях персидской поэзии, особенно суфийской. На «тайном языке» с Хайямом говорят то соловей, то роза, то кувшин. Вот и сам он беседует с нами на «тайном языке»: пусть имеющий уши – услышит. В качестве символов Хайям привлекает тот же набор слов, что и поэты-суфии (и не конспиративный ли это прием: пусть непосвященные принимают его стихи за суфийские, от которых особого вреда исламу нет), но вкладывает в них, как обнаруживается при тщательном сопоставлении, заметно другой смысл. И если по суфийской поэзии, помогая разобраться в ее иносказаниях, сегодня существует разъясняющая литература, то символы Хайяма приходится расшифровывать почти с нуля, и ошибки здесь конечно же возможны. «Почти» – потому, что у него есть несколько четверостиший-подсказок, дающих прямые расшифровки.

Здесь мы коснемся лишь верхнего пласта его символики. Некоторые важные символы Хайяма, как «спящие», «мудрецы» и т.п., выше были уже рассмотрены, и теперь мы сосредоточим внимание на центральном символе Хайяма: ВИНО. О. Румер был не очень-то прав, когда писал в предисловии к своим стихотворным переводам: «Доминирующий мотив четверостиший, это – призыв не предаваться бесплодным бредням умозрения, а насладиться, пока не пришла смерть, всеми радостями жизни, символ которых для Омара – запрещенное Кораном вино»²¹. Однако, как мы уже видели, далеко не любые радости жизни приветствует Хайям («За блестками не рвись!»); а «бредни умозрения», сиречь философское и научное осмысление мира, вообще были главным и любимым занятием его.

далее. О. Румер явно имел в виду вино как таковое, соответственно звучат и его переводы; и слово «символ» он применил как синоним выражения «яркий представитель», а не в смысле шифрующего знака. Между тем, слово «вино» у Хайяма именно элемент шифра, причем маскирующий несколько разных смыслов. Многозначность термина вполне естественна для условного языка, находящегося только в стадии становления. Вот основные из них:

1) «Вино» – то лучшее в жизни, чем можно усаждать свой дух, не увлекаясь «ложными ценностями»: молодость и любовь, весна и цветение садов, музыка и песни; зрелость и творчество, научное познание мира и общение с друзьями; старость и мудрость, афористичные стихи и умный спор. Иными словами – истинные ценности Бытия. Иногда это «чистое», «прозрачное вино», «сок лоз», иногда с конкретизацией: «любовное вино», «вино познанья». Главная эмоция, сопровождающая его, – радость жизни, веселье (см. №624 – пример авторской расшифровки своих терминов). Именно на это «вино» и возложена в учении Хайяма основная роль в пробуждении «спящих», в приобщении к «мудрецам».

Кстати, символ «любовь» у Хайяма (если не считать нескольких четверостиший суфийского периода) очень близок к этому «вины», с той разницей, что «любовь» – для Сердца, а «вино» – для Духа. Можно сказать, что «любовь» – это тот настрой Сердца, при котором оно способно снабжать Дух возвышенными радостями Бытия. Чтобы пробудить Дух, Сердце должно радовать его «вином», а для этого предварительно само – войти в постоянное состояние «любви».

Открытость взгляда, свежесть восприятия, жадная тяга ко всему прекрасному, постоянная готовность радоваться и радовать других, но также и сострадать им – вот некоторые элементы «любви»-символа. В ней – истинная человечность (№21), и она концентрирует в человеке силу, сравнимую с мощью богов (№278).

2) «Вино» – поток живых страстей и жизненных перипетий; течение времени, замерзтое валящее всех; оно же часто – «красное», «багряное», «кровавое вино» (№№668, 1080). Сюда же относятся стихи о «наполнившейся мере» или «чаше», означающей завершение отмеренной человеку жизни.

В этом смысле «вино» порой ассоциируется с человеческой кровью, что особенно красноречиво в строках про багряное вино, пролитое на землю, например:

Ты винный мой кувшин расколотил, Господь!
Из радости изгнал и дверь забил, Господь!
Багряную струю небрежно пролил наземь!..
да чтоб мне землю есть! – Ты пьяным был, Господь?!

Маленько отступление. Это четверостишие часто переводили на русский язык, однако без символических намеков, как реалистический эпизод, и тому есть две причины. Одна из них – сопровождающая это рубаи легенда, пересказанная, в частности, А. Болотниковым²² так:

«...Резкий порыв ветра задул свечу и опрокинул кувшин с вином, неосторожно поставленный на край террасы. Вино погибло. Рассердившийся философ не замедлил пустить ядовитую стрелу по адресу всевышнего:

Кувшин с вином душистым мне ты разбил, господь!
Дверь радости и счастья мне ты закрыл, господь!

Ты по земле, о боже, разлил мое вино...
Карай меня! Но пьяным не ты ли был, господь?

Произнеся это богохульство, Хайям увидел в зеркале, что его лицо почернело, как уголь. То было наказание небес. Но поэт тут же составил следующее, не более лестное по отношению к богу, четверостишие:

Но кто же из живущих мог не грешить, скажи?
А если был безгрешный, как мог он жить, скажи?
Я сделал зло, за это ты злом же мне воздал,
И разницу меж нами кто б мог открыть, скажи?»

Естественно, переводчику трудно избавиться от гипноза этой фантастической, но очень зримой сцены.

Вторая причина - в том, что Хайям часто маскирует суть четверостишия под обыденным смыслом идиом и ходульных выражений. Нужно обращаться к первоисходным значениям слов. Так, Хайям пишет о людях, через века взошедших травой, и звучит у него тривиальное выражение, привычно переводимое так: «Зачем топчешь траву?» Однако поэтический ход автора станет понятен, только если перевести дословно: «Над головой травы зачем заносишь ногу?!»

Так и здесь. «да будь я проклят, может, ты пьян, о Господи?!» - таков подстрочный перевод последней строки с привлечением русского эквивалента для звучащего в оригинале проклятия. Но дословно-то оно таково: «Земля у меня во рту!» Как у покойника!.. Это настораживает и заставляет всмотреться пристальней. Вино - аloe. Как кровь. Пролито - на землю. И даже такая незначительная деталь начинает работать: не «кувшин с вином», а «кувшин винный мой Ты разбил». И становится ясно, что Хайям негодует на Бога за будущееубийство свое (описанное как уже случившееся), а не за такую мелочь, как кувшин вина. Замена при переводе Хайяма обиходного выражения таким русским, которое эквивалентно по основному смыслу, но построено на другом предметном материале (в том числе подмена пословиц), порой утаивает даже от самого переводчика сокровенную суть четверостиший. Что уж говорить о читателе?

3) «Горькое» или «мутное вино», «осадок в кубке», «кровь» или «слезы в чаше» - это постепенно накапливающаяся с годами сумма тягостных переживаний, душевная усталость; иногда это - полоса бедствий либо же гнет старости (№1051).

Антагоном «горького вина» является «виноград», «виноградный сок» - символ чистой юности, полной радужных надежд и благих устремлений:

Не только в пятницу не перестану пить,
Горчайшее вино и в дни поста мне пить.
Но я-то чистый сок в бочонок лил!.. Всевышний,
Не делай горьким сок! - тогда не стану пить.

Опять четверостишие с двойным дном. На поверхности - упрямство пьяницы, грешащего и в святую субботу, и в пост, «научное» оправдание пьянства тем, что Господь, дескать, сам же превращает в вино, в несимволическую «горечь» залитый в бочонок виноградный сок: человек-то в этот загадочный процесс не вмешивается. А в глубине: никакое не пьянство, а горести, сплошные горести жизни, которых конечно же не избежать ни в пятницу, ни в дни поста, неуклонное разрушение прежних юношеских надежд.

4) «Вином» обозначается в некоторых текстах и собственное хайяmovское учение (№417).

Встречаются и другие применения слова «вино» не в прямом смысле, но уже обычно с определениями, как «вино забвенья» и т.п.

И лишь после этого, наконец, названное О. Румером

5) «вино» как такое, привлеченное Хайяном в союзники именно за то, что оно запрещено шариатом. И в этом случае «вины» сопутствуют уже не слова-символы, а слова-персонажи: «гуляки», «распутники» и пр., - разыгрывающие настолько блестательный фарс, что и самый законопослушный мусульманин увлечется им, а увлеквшись, не заметит, как с помощью бесшабашно-хмельных словес Хайям с трезвой осторожностью, по капле вливают в его ум и душу свой едкий скепсис, который постепенно разъедает гипноз ислама и подготовляет к восприятию иных, гораздо более крамольных страниц хайяmovского учения.

Причуды фарса

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

Спектакль условных масок тем богаче и интереснее, за событиями на сцене тем яснее видны перипетии реальной жизни, чем лучше подобраны персонажи. Старая прелестная поэтическая игра, одна и та же во все века и у всех народов. Между тем среди поэтов-переводчиков, а благодаря им и среди читателей многие полагают, что Хайям искренне воспевает вино и превозносит пьянство. Впрочем, наличие таких читателей свидетельствует: спектакль в театре масок удался на славу.

Персонажи ведут себя соответственно маскам. Вино и шариат несовместимы? Тем хуже для шариата! Впрочем, поначалу-то герой фарса пытается подчиняться запретам, но...

Можно предложить читателям нечто вроде автобиографии морально неустойчивого обывателя – выполненной сатирическим пером Хайяма. Для этого последовательно, не пропуская, прочтите четверостишия №№655, 340, 523, 611, 778, 648, 564, 561 и 566. Какая головокружительная пропасть грехопадения! Но обратим внимание, как уже в этих шутовских текстах Хайям исподтишка представляет в смешном виде не столько своего насквозь пропившегося героя, сколько запреты шариата, а порой вкрапляет в самые разудальные монологи – намеки на самые серьезные свои мысли: «Возня добра и зла давно постыла мне». Или: «Нет веры, нет судьбы, mestechka нет в раю». Да ведь это в чистом виде хайяновская программа: преодолеть гипноз мусульманской веры, отказаться от надежд на выдуманный рай, уйти из-под власти судьбы.

Теперь поэту остается чуть отклониться в сторону и повести за собой увлекшегося слушателя прочь из фарса, ближе к своему учению. И тот уже легче воспримет пренебрежение раем и гееной, гуриями и чертями (№689), поверит, что есть средство обмануть судьбу (№413), отстранит Коран (№518), спокойней отнесется к мысли о невнимании к нему Творца (№501) – и, наконец, доверчиво воспримет Хайяма и его учеников не более чем как еще одну секту в исламе – в которую почему бы и не вступить (№761)?

Теперь завербованного слушателя Хайям понемногу начнет приобщать к сути своего учения, и если вдруг проболтается, что оно стоит вне мусульманства, что ж, новичку и на это надо когда-нибудь намекнуть (№559).

А потом ученик убедится, что кубок хайяновского «вина» действительно несет ему благородный душевный покой, избавление от суеты, от погони за иллюзиями и ложными ценностями бытия; причем мудрость этого покоя настолько далека от мудрости молящихся Богу, что совместить их нельзя, можно только выбирать одно из двух (№1180).

Согласитесь: не случайно почти каждое четверостишие звучит как экспромт из диалога. Отчетливо видится, как остроумными стихотворными аргументами поэт подталкивает к нужным выводам сомневающегося собеседника.

Будь весел!

Ну, а какова же стратегия и тактика Хайяма для избавления от власти небес, для направления человечества к будущему Счастью?

Его рецепт до гениального прост и звучит чуть ли не из четверостишия в четверостишие: «Будь весел!». Поначалу это воспринимается как обычное присловье, как затравка для тех самых застольных тостов (потому и переводят эти слова часто, как "пей вино!", полагая, что у Хайяма это одно и то же). Но постепенно настораживает: едва ли стоит легковесно относиться к формуле, которую он внушиает нам так настойчиво. Внимательно приглядевшись, обнаруживаем: она тесно связана с намеками на промашки небес. И становится ясно вот что.

Как человек может узнать про момент, когда диктат небес ослаб, когда смертный сам влияет на свою будущую судьбу? Никак! И – случайным образом – способен в этот момент повернуть свое будущее не только в лучшую, но и в худшую сторону. Скорей всего это зависит от душевного состояния: уныние резко кувырнет вниз, веселый настрой – улучшит судьбу. Потому-то, хотя небеса и обветшали, с работой своей они пока справляются успешно: случайные отклонения в ту и другую сторону взаимно компенсируются. И так будет до тех пор, пока люди не объединятся в заговоре против небес, не начнут действовать сообща – по рецепту Хайяма.

А рецепт исключительно прост. Поскольку промашки небес неощутимы, остается одно: все время пребывать в положительном душевном настроении. Тогда не ошибешься.

Будь весел, говорит Хайям, ибо мир непостоянен. Будь весел и жизнь на ветер не пускай. Не растрать впустую своего мгновенья.

Кстати, о мгновении. Порой Хайям сокрушается: жизнь мгновенна; даже время существования Вселенной – миг. И после этого, когда он то и дело повторяет: не упусти доставшегося тебе мига, не проплачь его, провели весело! – мы воспринимаем так, будто он по-прежнему говорит о краткотечной жизни, будто

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

мы имеем дело с постоянной метафорой: жизнь – миг. Однако метафорический язык Хайяма очень подвижен и разнообразен, законсервировавшихся метафор (если не считать слов-символов и «рубиновых уст») у него попросту нет. Часто упоминаемое превращение людей в кувшины у поэта, полагавшего, что человеческая плоть в самом деле становится глиной, не метафора, а прямой факт. Так, может, и это мгновенье у него не метафорично? Можно предположить: каждый раз, когда он призывает не упустить, не погубить слезами свой миг, действительно имеется в виду именно миг – тот самый, редкостный, важнейший, в течение которого небеса могут «проиграть» тебе. Таким образом, по-Хайяму, человечество способно прийти к Счастью, если люди согласятся для этого несколько потрудиться: отвлечься от ложных ценностей Бытия и полюбить его истинные ценности («Пей вино!») – чтобы не прожить жизнь впустую; вытравить из своей души грязь и пороки; и, наконец, научиться быть неизменно веселыми, чтобы при каждой оплошности небес добавлять свою толику к совместным общечеловеческим устремлениям к Счастью. И когда эти крохотные добавки суммируются в реальную силу, тяжелая, инертная повозка нашей Истории постепенно свернет с колеи унылого существования, изначально предписанного Аллахом, вырвется из-под механической власти небес и устремится на иной, на гордый, светлый и высокий путь. Надо иметь достаточно гражданского мужества, ответственности перед своими прапраправнуками, чтобы оставаться веселыми до самого последнего мгновения:

Когда в погоне Смерть задышит за спиной,
Когда в глазах у нас померкнет мир земной,
Сердца – весёлыми швырнём на сито жизни!
И можно пылью стать под уличной метлой.

Хайяковское учение нуждается в дальнейшей расшифровке, и не исключено, что многие важные подсказки таятся в еще не найденных четверостишиях.

Не только тайным языком

Конечно, не все стихи Хайяма иносказательны, и далеко не все посвящены философским проблемам. Есть, например, у него и любовь – не символ, любовь в первозданном смысле. Около сотни его четверостиший, разбросанных по разным источникам, мало популярных даже в них (поскольку стиль их далек и от философских, и от сатирических стихов Хайяма и кажется чуждым), в большинстве не переводившихся на русский язык (поскольку порознь они звучат фрагментарно), собранные воедино, сливаются в прекрасный лирический цикл, очень земной и непосредственный. В этих стихах практически нет подтекстов и символов, они – откровенная летопись любви поэта к женщине, внешность которой он традиционно идеализирует, но строптивый характер ее, да и все перипетии этой истории, и оттенки собственных эмоций, не всегда благородно-возвышенных, изображает реалистично, зримо и без прикрас, открываясь нам с неожиданной стороны, как уже не мудрец и ученый, а простой человек, в меру лукавый, остроумный и глубоко страдающий, несчастный человек, которому по возрасту и ослабевшему здоровью как бы и неприлично так по-юношески влюбляться.

Эти стихи, среди прочих похожие на инородные вкрапления, при слиянии их в цикл обнаруживают несомненное стилистическое единство, более того, в них становятся видны сквозные поэтические и бытовые сюжеты.

Именно эти стихи более всего относятся к «блуждающим». Но если не Хайям писал их, то коллективным автором лирического цикла приходится признать десяток различных авторов, мало схожих между собой. Однако весь стиль и сюжетные линии цикла свидетельствуют безусловно, что автор его – кто-то один. Единоличных же претендентов на него, кроме Хайяма, нет. Более того, в стихах лирического цикла, несмотря на стилистическую простоту, немало в приемах письма, в характере поэтических тропов, даже в прямых текстовых цитированиях – перекличек с остальными стихами Хайяма.

Нам остается признать, что Хайям был не только глубоким философом и блистательным сатириком в своих стихах, но и удивительно тонким лириком. И в том, и в другом, и в третьем он выработал особые, точно соответствующие каждому из этих направлений приемы письма. В лирике речь его проста, нежна и откровенна. Взгляните, например, на редчайшее в жанре рубай явление – прелестные, психологически точные диалоги (№938, 939, 940).

Есть у Хайяма и картинки из жизни, то будничной, то праздничной; есть и дивные пейзажи; и стихи по случаю, например, благодарность за присланную кем-то рукопись (№439).

Своеборзны и довольно сложны для понимания шуточные стихи, образы которых

навеяны научными размышлениями Хайяма. Он пытается ввести читателя в заблуждение, лукаво перемешивая строго научный смысл с обыденным, со здравым смыслом неучи. Например: «Неужто до того окружность уст мала, что центр окружности был вытеснен наружу?!» Это про родинку возле губ (из лирического цикла, №862). И одновременно – про то, как спотыкается воображение, пытаясь совладать с бесконечно малыми величинами. Взять ту же окружность: трудно отделаться от ощущения, будто она, неограниченно уменьшаясь, должна в конце концов выдавить из себя – наружу – точку собственного центра.

Или такая серия подтасовок. По древнегреческим определениям: линия – это траектория точки. Плоскость – траектория линии. Точкой делится пополам линия, линией – плоскость, и т.д. Хайям шутливо утверждает, что и на этом скромном уровне математика уже сильнее установлений Творца:

Над каплей, плакавшей, сбираясь в дальний путь,
Смеялось море: «Вновь вернёшься как-нибудь:
От Бога мир – един. Однако не забудь:
«Движение точки» всё способно разомкнуть!»

Крохотная капля (точней даже, молекула) воды, испарившись, прочерчивает в пространстве линию. Так? Несомненно. Усложняясь хаотическим движением капли, эта линия может с какой-то вероятностью превратиться в плоскость. Так? Вроде бы не исключено. Плоскостью делится (разрезается) трехмерный объем. Наш мир трехмерен. Значит, и весь мир способна разделить эта плоскость. Так? Трудно возразить. Разделить – расчленить – разомкнуть – развалить на части – разметать в разные стороны!.. И это – мир, созданный Творцом как единый – неделимый! Ну, сильна капля, ну и сильна математика! Шутливая логика? Пожалуйста. Небытие – место не-бытия, не-существования. Но Бог ВЕЗДЕ-СУЩ, значит, и в Небытии он есть, существует. Следовательно, он обладает свойством инвертировать (т.е. обращать в противоположное) воздействие окружающей среды; назовем это божественным свойством «НЕ», благодаря ему Бог в НЕ-бытии НЕ-НЕ-существует. Но если бы и здесь, в Бытии, вездесущий и всемогущий Бог присутствовал с этим свойством «НЕ», он превратил бы Бытие в Небытие! Остается одно из двух: либо в Бытии Бог отсутствует, либо где-то на внешних границах Бытия он должен отделять от себя, оставлять где-то в стороне от себя свое свойство «НЕ»:

Чтоб быть в НЕ-бытии, ты стал, НЕ-тленный, – «НЕ».
Но не сгубило бы круги вселенной «НЕ»!..
О, НЕ-зависимый от мест, причин и следствий,
Ты здесь – отсутствуешь? Иль есть – с отменой «НЕ»?

Альтернатива? Как бы не так. Это логическая ловушка. В первом варианте – следствие: Бог не вездесущ! Во втором: есть нечто внешнее по отношению к Богу, значит, Бог не вездесущ! Итак, где ошибка в рассуждениях? Точно так же как значительную долю стихов о любви, из разряда иносказательных следует, как ни странно, вывести и часть стихов про саки – виночерпия. Суфийская трактовка побуждает видеть в виночерпии то религиозного наставника, то самого Аллаха. Но те стихи, которые действительно нуждаются с такой интерпретации, чаще всего стилистически далеки от Хайяма, чужеродны. В остальных же стихах, в большинстве своем явных экспромтах по случайным поводам, образ виночерпия настолько реалистичен и индивидуален, что за ним видно вполне конкретное лицо. Перед нами молодой человек («сынок»), благоговейно относящийся к группе ученых, посещающих его кабачок. Такое могло быть, видимо, только в период работы Хайяма в обсерватории, в годы, когда и всесильный визирь, и всемогущий шах относились к шариату не слишком ревностно, устраивали царские пиры, а Хайям, забавляясь, писал для них трактат о свойствах вина (он сохранился). Так что и в реальных кабачках, очевидно, Хайям бывал, и в реальных застольях участвовал, но конечно же не в таких фантастически безудержных, какие живописуются им в фарсовых четверостишиях. Виночерпий медлителен, его часто приходится подгонять, порой даже высмеивать в стихах за нерасторопность. Принеся вино, юноша подсаживается к почетным клиентам и завязывает беседы на ученыe темы. Заметим, его не интересуют ни астрономия, ни астрология, ни медицина. У него один конек: философия. Четыре стихии, Семь небес, расположение рая, возмездие за грехи... Его наивная болтовня про «Четыре, и Семь, и Восемь» тоже порой служит предметом насмешек Хайяма (№763). Он отвлекает простоватого юношу, начиная приписывать различным сортам вина сказочные свойства: вот, мол, вино, дарящее бессмертие, а это – возвращающее молодость, и так далее. Такие абсурдно-глубокомысленные

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

пассажи, кстати, напоминают некоторые места из шуточного трактата Хайяма «Науруз-намэ», особенно главу про поиск кладов. Виночерпию нравится эта игра, и позже Хайям – стихами – заказывает для своих друзей то или иное вино, пользуясь придуманными раньше причудливыми описаниями их свойств, как бы проверяя память виночерпия. Следы этой игры во множестве рассыпаны в экспромтах Хайяма, и в них некоторые позднейшие толкователи пытались отыскать мистический смысл.

Несмотря на свою профессию, виночерпий набожен. Особенно ярко сказалось это после смерти его отца, от которого молодой человек и унаследовал кабачок. Хайям нисколько не щадит его горя, едко насмехаясь над религиозными стенаниями (№748, 767). И, похоже, помогает.

По простоте своей саки падок на лесть, даже самую беспардонную, какой нестерпел бы и привычный ко всему султан. И Хайям, пользуясь этим, восхваляет виночерпия, демонстрируя на нем – по сути-то мальчишке, на которого всякий пропойца покрикивает, – чудеса в искусстве лести (№508, 755 и др.). В самом деле, не султана же ему восхвалять!..

В старости, в плачевный период жизни, Хайям опять обращает стихи к виночерпию. Но теперь это уже образ-призрак, образ-воспоминание. Вместо прежнего весельчака-ученого входит в майхану дряхлый изгой. А толпа все та же, и юноша-саки тот же, он по-прежнему мил и приветлив; только пусто за столом, где когда-то пировали друзья Хайяма. Какими мгновенными кажутся годы, когда сподвижники, один за одним, уходили в Небытие! Эти годы вмещаются в те секунды, когда произносится первая строка:

В шести... в пяти живых... нет, уже в двух!.. в одном! –

С рождения Смерть сидит в любом из нас, в любом!

А взять пиры Судьбы: сберёмыся за столом –

То соли не найти, то соль лежит на всём.

Теперь слово «вино» приобретает символический смысл, а фигура виночерпия начинает раздваиваться, и мы видим сквозь него Время, доливающее кубок поэта до роковой черты, Рок, поящий нас либо одной горечью, либо мутным отстоем со дна небесной чаши.

Стихи Хайяма, как и любого другого поэта, очень неоднозначны, и подгонять их под какую-то схему, толковать их в одном ключе значит получить заведомо ошибочный результат. Каждое четверостишие требует тщательного анализа: хайямовское ли оно по стилю и духу? Если да, то в какой период жизни могло быть им написано? В каком настроении? Как перекликается со всеми остальными? Если это явный экспромт, в какой ситуации мог он возникнуть? Переводчик должен совершить невозможное: перенестись в его время, слиться с поэтом, воплотиться в него. И тогда Омар Хайям – оживет.

Заключение

Итак, из рубайята Хайяма нам открываются и своеобразная картина мироздания, и весьма смелое для его времени морально-этическое учение, цель которого – счастливая жизнь на Земле, свободной от воли Аллаха. Замысел Хайяма тем ошеломительнее, что он встает на борьбу не только против гигантского монстра – человеческой инертности и косности, но и против воли небес, ведет борьбу сразу на два фронта. А богочестие, поначалу потрясающее читателей, на фоне этого – так, почти забава.

И Хайям безусловно убежден в осуществимости своей идеи, недаром у него столько рубаи на эту тему, недаром они звучат как фрагменты из бесед с учениками.

Кстати, не на два, а на три фронта, третий – воинствующий шариат. Объект сражения не случаен: шариат – чудовищный анахронизм, если рассматривать Бога отсутствующим, а потому и служение ему – бессмыслицей. Шариат – также и главное практическое препятствие в переориентации духовной деятельности человека на земные проблемы.

Может быть, поэтому язык Хайяма зашифрован: служители Аллаха пусть негодуют на его насмешки, но им незачем знать, что Хайям не только издевается над шариатом, но и воспитывает учеников в духе нового учения, призванного преобразовать мир. И тогда «Мекки гордый храм» действительно проиграет. Вспомним слова Кифти, что стихи Хайяма – «сборные пункты, соединяющие для открытого нападения».

Как мы знаем по прошествии девятисот лет, преобразовать мир Хайяму не удалось. Едва ли дело только в том, что законы исторического развития оказались сильнее его блестящих идей. В то время хайямовское учение все-таки имело возможность укорениться. Но была у него и неустранимая слабая сторона: оно адресовалось более к интеллекту, чем к эмоциям, и не

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

могло предложить мгновенно зажигающих новичка лозунгов, которые бы концентрировали подспудно бродящие в народе неоформленные мысли: увы, не было у народа таких мыслей, сам по себе, без подсказки, он и близко догадаться не мог о подобном состоянии мировых дел, о том, что мы Творцом «выброшены на свалку». Кроме того, требовались десятки спокойных лет, свободных от социальных потрясений, чтобы (так же, как это когда-то удалось суфиям) последователи Хайяма смогли, увеличиваясь численно, постепенно укорениться в мусульманском обществе и накопить силы для «открытого нападения» на консервативное мусульманство. Однако этих спокойных лет не было дано: вначале кровавый террор Саббаха, повергший народ в ужас, потом междуусобицы, погрузившие страну в хаос, а потом и нашествие восточных орд, потрясшее половину мира. Учение Хайяма забылось, последователи его исчезли. Остались только стихи. Но не потому ли за последний век так ярко вспыхнул интерес к его творчеству, что в нем звучит тревога за будущее человечества, особенно актуальная сегодня, не потому ли, что его призывы к благородству, к душевной чистоте нисколько не потускнели со временем, а его вера в прекрасную будущность человека и сейчас, в самое кровавое столетие земной истории, способна отрезвлять нашу совесть.

* * *

Эта работа вчерне была уже написана, когда я встретил рубаи, в котором увидел не только подтверждение основных своих выводов, но и усталое предположение Хайяма, что его учению вряд ли удастся преодолеть людскую косность.

Четверостишие – сплошь на недомолвках. Дословно:

С властью Бога, кроме согласия, /ничего/ не вышло.
С народом, кроме внешнего и лицемерного, /ничего/ не вышло.
Любую хитрость, какая на ум пришла бы,
Мы делали, однако с роком /ничего/ не вышло.

Кстати, это и пример того, почему всего Хайяма действительно можно понять по-иному, не так, как он прочитан в этой работе.

«Согласие» – чье? Не сказано. Отсюда и начало разных толкований. Если «согласие – мое», смысл первой строки таков: «Сколько я ни бунтовал против Бога, теперь смирился с его властью». Тогда и «внешнее и лицемерное» тоже «мои» качества: «не вышло у меня быть с народом откровенным, оказалось, я только лицемерил и притворялся». Точно так же читаются и хитрости против рока: «всячески хитрил я, но рок или судьбу не одолел». Именно так понял О. Румер, вот его перевод:

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.
Чтоб людям угодить, полезен льстивый шёпот.
Пытался часто я лукавить и хитрить,
Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.

При таком толковании, впрочем, два легких несоответствия должны насторожить: во-первых, почему «мы» и почему «делали»? Если автор говорит про личный жизненный опыт, «мы» неуместно. Если обобщает: мол, у всех и каждого таков результат, – звучало бы «делаем». Во-вторых: в традиционной системе взглядов бунт против Бога – масштабнее, чем попытки обмануть судьбу, поэтому по принципу поэтического нагнетания, который Хайям никогда не нарушает, про этот бунт следует говорить в последней строке. Недаром О. Румер, заметив это, «Бога» в первой строке заменил на «судьбу».

Иное дело, если «согласие – их, людей». Тогда «их» становится, естественно, и все остальное: «Не удалось преодолеть их «согласия», т.е. убеждения, что нужна покорность перед властью Бога; не удалось преодолеть их привычку к лицемерию. На какие бы уловки мы ни пускались, одолеть рок не вышло». И вновь раздвоение: уловки – против кого? Против рока? А может, против людей: обманув их предрассудки, все-таки подбить их на совместную борьбу с роком? Но разве возможна такая борьба?.. И вот здесь от этого толкования приходится отказываться тому, кто не разгадал хайяновских идей, и возвращаться к первому, пусть даже хромающему, объяснению. Иначе не справиться со множеством новых вопросов. А в результате – редактировать Хайяма, заменять «Бога» на «судьбу», «мы» на «я».

Между тем второй путь толкования этого четверостишия остается открытым, если опереться на выводы, полученные в этой работе. Война с роком – важнее, чем преодоление почтения перед властью Божией, поскольку Бог покинул нас, осталась только иллюзия его власти, а рок над нами по-прежнему есть. Главное в работе Хайяма и его единомышленников (недаром «мы») именно в

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
преодолении рока, потому о нем - в завершении четверостишия. И сокрушаться, что «ничего не вышло», можно лишь тогда, когда (именно в прошедшем времени) все мыслимое мы уже сделали (см. №1008).
Скорей всего, это четверостишие адресовано ученикам и друзьям, и недомолвки здесь естественны: им и так понятно, о чем речь.

И вот два четверостишия - из еще более поздних находок: «Учением своим впустую обольщён, я не предчувствовал всесилия препон...» (№1116). В оригинале: «Больше не надеюсь я на вероучение свое, потому что ошиблось сердце прозорливое...» Не дух ошибся, не Разум, а Сердце. Его вотчина, как мы знаем, - земной мир. Только здесь оно могло ошибиться: например, в том, активно ли подхватят люди новое «вероучение».

Впрочем, конечно, можно попробовать истолковать и иначе. Например: «вероучение свое» - ислам или какая-то конкретная его secta, выбор которой был подсказан когда-то Сердцем. Но - вот второе четверостишие:

Ученьем этим мир поправил бы дела,
Вседневным праздником тогда бы жизнь была,
И каждый человек своей достиг бы цели
И заявил бы: "Нет!" - безумной власти зла.

Пусть только не пугается читатель, что теперь чтение стихов Хайяма вместо наслаждения искусством превратится для него в разгадку ребуса. Во-первых, Хайям далеко не всегда углубляется в дебри иносказаний; есть у него и прелестная откровенная лирика, и дивные стихи о природе, и обыкновенные жалобы на жизнь, и непринужденные шутки и каламбуры, и таких стихов много.

Во-вторых, мудрость, наверно, тем и отличается от умной и точной мысли, что мысль легко сломать, чуть-чуть переиначив, и превратить в глупость или трюизм, но мудрость - пластична, и даже при вольном ее пересказе, даже многое не поняв, мы почувствуем ее глубокое дыхание. Выказанная кем-то мысль дарит нам мысль; но изреченная мудрость обогащает нас целым клубком сцепленных между собою мыслей, и сколько ни разматывай этот клубок, конца им не видно. Читателю будет чем насладиться.

В-третьих, иносказания и глубинные пластицы смысла - в традициях восточной поэзии. И эти традиции требуют, чтобы и внешний, поверхностный смысл был поэтичен, чтобы читатель получал удовольствие, даже не вчитываясь в глубину; Хайям владеет этим искусством безупречно. Но если читатель разглядит и второй пласт смысла, удовольствие его удвоится; если же различит и третий пласт...

* * *

Итак, перед нами была тройная шифровка: Хайям подменил в стихах философские формулы художественными образами; он же превратил их в криптограмму, применив условный язык, слова-символы, потребовавшие разгадки; и, наконец, коварное время сделало из его рубайята анаграмму, произвольно перетасовав стихи и разрушив связный ход мыслей. Лестно было бы надеяться, что с последними двумя частично удалось справиться, и уступить теперь место философам для окончательной расшифровки.

Однако сам же Хайям учит, что Истина недостижима. И, внимая его предостережению, прекрасно осознаю: едва ли я был прав во всех своих выводах и догадках, когда пытался разгадать его рубайят; может быть, и все выводы в целом - всего лишь прекрасная иллюзия. Но хотелось бы верить, что какие-то крупицы истины в этой работе есть, и что она хоть немного поможет постичь непостижимое - поэзию Хайяма.

Глубоко благодарный всем, помогавшим мне в этой работе, особую признательность хочу я выразить Азиму Шахвердовичу Шахвердову, составителю многотысячной коллекции стихов в форме рубаи, за отеческую помощь, уберегшую меня от многих ошибок в работе над переводом

Игорь Голубев

Примечания

- 1 Fitzgerald E. Rubaiyat of Omar Khayyam. London, 1859.
- 2 Легенда записана в хронике «Собрание летописей» историка Фазлулло Рашидиддина (1247-1318). Ее подробный пересказ есть в статье: А. Болотников. Омар Хайям// «Восток», вып. 2. М.-Л., 1935.
- 3 Swami Govinda Tirtha (Datar). The nectar of grace. Omar Khayyam's, life and works. Allahabad, 1941, p. 34.
- 4 Султанов Ш., Султанов К. Омар Хайям. (Серия «Жизнь замечательных людей») М., 1987, с.310.
- 5 Омар Хайям. Трактаты. Пер. Б. А. Розенфельда. М., 1961, с. 156.
- 6 Подробно познакомиться с эпохой Хайяма, с людьми, окружавшими его, с научными, религиозными и политическими проблемами его времени, а заодно и с современными взглядами на Хайяма как поэта и философа (которые во многом представляются мне спорными) - можно по уже упомянутой книге из серии ЖЭЛ.
- 7 Рукопись B.N.S.P.1458. И эта, и упомянутая далее рукопись с библиотечным индексом - из фондов Парижской Национальной библиотеки, опубликованы в изданиях:
 - 1) Omar Khajjam. Rubaijatjanak kisebb keziratai a Parisi bibliothéque Nationale-ban. Szeged, 1933.
 - 2) The principal manuscripts of the ruba'iyyat of Umar-i-Khayyam in the bibliothéque Nationale, Paris, V.1. London, Szeged, 1934.
- 8 Ворожейкина З. Н. Омар Хайям и хайямовские четверостишия// Омар Хайям. Рубаи. Л., 1986, с. 36.
- 9 Омар Хайям. Тарабхане耶 робайате хакиме Нишапури. Тегеран, 1963.
- 10 Жуковский В. А. Омар Хайям и «странствующие» четверостишия.: «Ал-Музаффария», сборник статей учеников В. Р. Розена. СПб, 1897, с. 320 и с. 325.
- 11 «Конечно, наивно объяснять «противоречия» в творчестве Хайяма только «сменой настроений». Бессспорно, что творчество Хайяма имело свою историю, мировоззрение его сложилось не сразу». (Морочник С. Б. и Розенфельд Б. А. Омар Хайям - поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, 1957, с. 78).
- 12 «Учение суфизма состояло в том, что все проявления живой и мертвкой природы являются эманацией (истечением) абсолютной истины, т.е. бога. Человек, являющийся последним творением бога, должен стремиться к слиянию с ним, для чего он должен отказаться от всех материальных благ, подавить все желания и стремления, кроме стремления к слиянию с божеством». (Морочник С. Б. и Розенфельд Б. А. Омар Хайям - поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, 1957, с. 15-16).
- 13 См., например: Ибн Туфейль. Повесть о Хайе ибн Якзане // Средневековая андалусская проза. М., 1985, с. 199-278.
- 14 См. также:
Бертельс Б. Э. Суфизм и суфийская литература // Избранные труды, т.3. М., 1965.
Ислам. Краткий справочник. М., 1983, с. 104-107.
Фиш Р. Джалаеддин Руми. М., 1985, с. 136-140.
- 15 «Хайям, как видно из его философских трактатов, был знаком с учением суфииев, но мировоззрение его сложилось не на основе суфийской мистики, а вопреки ей». (Морочник С. Б. и Розенфельд Б. А. Омар Хайям - поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, 1957, с. 158). 16 Qifti. Tarikh al-hukama. Leipzig, 1903 s. 243-244. Цитируется по изданию:
Омар Хайям. Трактаты. Пер. Б. А. Розенфельда. М., 1961, с. 59.
- 17 @Омар Хайям (ум. 1123) в своих бессмертных четверостишиях (робайятах) высказывает потрясающе-неотрадные суфийские воззрения на жизнь, на ее смысл или, вернее, бесмысленность, на сущность всего». Энциклопед. словарь «Гранат», 7-е изд., т. 31, с. 624-625.
- «Колебания между верою и неверием, между материализмом и идеализмом характерны для философских взглядов поэта. Эти колебания определили противоречивость основных мотивов его рубаи: пессимизм и скептицизм, наряду с культом вина и наслаждений, бунтом против бога и судьбы». (Алиев Р. М., Османов М. Н. Омар Хайям. М., 1959, с. 4).
- 18 Омар Хайям. Пер. Б. А. Розенфельда. М., 1961, с. 59.
- 19 Омар Хайям. Трактаты. Пер. Б. А. Розенфельда. М., 1961, с. 165.
- 20 В одной из версий завершающая фраза звучит целиком по-арабски - на языке самого Аллаха: «Кумир высокомерный, преступна бойня Твоя!»
- 21 Омар Хайям. Четверостишия. Пер. О. Румера. М., 1938, с. 6.
- 22 Болотников А. Омар Хайям / Стихотворные переводы Л.Некоры // «Восток», вып.2. М.-Л., 1935.

1. В БЕЗМЕРНОСТИ НЕБЕС,
УКРЫТЫЙ СИНЕВОЙ...

1
Ты солнце в небеса возносишь – и опять
Пылинкою в луче лечу Тебя искать.
Не в силах наш язык воспеть Твое величье,
Не может разум наш измерить Благодать!..

2
Как дивно вылепил мой облик бренный – ты,
И сердце подарил, и дух нетленный – ты.
Тобою создан был венец вселенной – я!..
Но создан я Тобой!.. Отец вселенной – ты.

3
И глазки муравья ты светом озарил,
И ножки комара ты силой одарил!..
Но вот воспеть Тебя настолько я бессилен,
Что кажется: хулил, а не благодарил.

4
Как восхвалить Тебя? Паря над небесами,
Скигающий восторг как передать словами?
Тебя ли измерять безмерностью миров –
Пылинок, всосанных в бушующее пламя!

5
Задумал, воплотил, привел меня сюда...
Твоим доверием душа моя горда.
Ты изначально был, и есть, и будешь вечно,
А я – на краткий строк. Уйду... Скажи: когда?

6
Сказал я: «Мир – Твое прекрасное творенье,
Вон звезды светятся, Твоей прикрыты тенью...»
«Неверно! – был ответ. – Слияны Я и мир.
Кто видит тень мою, тот жертва заблужденья».

7
Бог есть, и все есть Бог! Вот средоточье знанья,
Почерпнутого мной из Книги мирозданья.
Сиянье Истины увидел сердцем я,
И мрак безбожия сгорел до основанья.

8
Вокруг сокровенного струится зримый свет.
Ядра-жемчужины никто не видел, нет.
Уж так любой речист! А вот спроси, все это
Откуда истекло? Молчание в ответ.

9
Не соблазнят меня ни малою ценой,
НИ царскою казной, ни властью неземной
Предать любовь к Тебе – блаженный плач ночной,
Продать сокровище – алмаз бесценный мой.

10
В загадки вечности никто не посвящен,

Никто не преступил невидимый заслон.
Бессилен ученик, бессилен и учитель:
От смертной матери любой из нас рожден.

11

О, не запятнанный земною чистотой,
Не обесчененный безгрешностью святой!
Все сотни тысяч солнц – пыль на Твоей дороге,
Все сотни тысяч лиц – прах под Твоей стопой.

12

Господь! Вникающий во все желанья – Ты,
Вознаграждающий за все страданья – Ты.
Зачем я буду вслух Тебе о тайне сердца?
Все тайны знающий – всей мерой знанья – Ты.

13

К ногам Твоим, Господь, уж был готов упасть я,
Ты поддержал меня и отстранил несчастья.
Не хочешь Ты, чтоб я колени преклонял?..
Но мне не обойтись без Твоего участья.

14

Ты безнадежного больного исцелишь,
Ты в самый горький час печали утолишь.
Пока я про одну поведаю занозу,
Ты двести тысяч их из сердца удалишь.

15

Я душу в дар несу, я от восторга пьян!..
Но одарять Тебя – как «тмин везти в Керман».
И все-таки прими с такой же добротою,
Как взял у муравья подарок Сулейман.

16

Когда-то дивный Лик был в небе виден нам...
Но не понравилось ревнивым небесам,
Что был прекраснее рассветов и закатов
Твой Лик блестательный, открытый всем глазам.

17

Ты в тайнотиси скрыл основы Бытия,
Узором испещрив покровы Бытия.
Скрывая и Тебя, завеса дразнит взоры
Пришедших на базар земного Бытия.

18

Как сердце образ Твой мечтает обрести!..
Раскрыты сто дверей, чтоб сбить меня с пути.
Пришедшему к Тебе дано познать блаженство,
Заблудшему – на корм стервятникам пойти.

19

Адам росой Любви замешен был в пыли;
Ростки страстей и смут опору обрели.
И вот иглой Любви вскололи Вену Духа,
И каплю выжали, и Сердцем нарекли.

20

Создатель предписал, и я явился в срок;
Про Веру и Любовь был первый мой урок...
Я сердце истерзал, Он ключ из сердца сделал,
С сокровищницы тайн позволил снять замок.

21

Любовью горестной пускай пылает сердце,
Коня строптивого пускай седлает сердце.
Где, как не в Сердце, быть отечеству Любви?
Чего, как не Любви, всегда желает сердце?

22

Поддельная любовь не стоит добрых слов,
Не могут обогреть гнилушки вместо дров.
Влюбленный день и ночь, за годом год пылает,
И что ему покой, и сон, и хлеб, и кров!..

23

К Любви сквозь прах идут и чистоту теряют,
Величие свое ногами попирают.
Им день сегодняшний - как ночь... Они всегда
В тоске по завтрашнему солнцу умирают.

24

Как долог путь Любви!.. Не вздумай подхлестнуть
Уставшего коня, не то прервется путь.
Не упрекай того, кому любовь - мученье,
А лучше помоги немного отдохнуть.

25

Мы - ВОЗДУХ И ОГОНЬ, мы - ГЛИНА И ВОДА.
Мы - страждающая жизнь и смертная страда.
Мы - плоть: мы все сгнием и сгинем без следа...
Мы - дух: мы скинем плоть, и вновь душа чиста.

26

Изменчивостью форм владеющая Суть
Листвою может стать иль рыбкою сверкнуть.
А то, что кажется нам смертью, - новый путь
И жизнь в обличии ином каком-нибудь.

27

О! В поисках Тебя все мечутся толпой:
И нищий, и богач, и щедрый, и скупой.
Ты с каждым говоришь, никто из них не слышит.
Пред каждым предстаешь, любой из них слепой.

28

Кружится звездный мир. И мы, блуждая в нем,
Порой зовем его «волшебным фонарем»:
Снаружи - сфера звезд, внутри - светильник-солнце,
А мы - движение теней перед огнем.

29

Чье сердце чует зов духовных тайн своих?
Чье ухо слышит звук подсказок потайных?
Луну-прелестницу вбирая дни и ночи
Очами жадными, кто смог насытить их?

30

Как осознать Тебя стремится Разум мой,
Как в поисках Тебя кружится мир земной!..
Ты – в Сердце; а оно Тебя во внешнем ищет,
Расспрашивает дух, как встретиться с Тобой.

31

О сердце! Коль тебе так больно от свиданий,
Похоже, не Любовь исток твоих страданий.
Отправься к дервишам, и, может быть, у них
Научишься любить светло и без терзаний.

32

Отважней восходи в надмирные пласти
Доступной не для всех духовной чистоты.
Вон – жертвы робости: вцепившись в горстку праха,
Запорошив глаза, лишились высоты.

33

От богохульных слов до послушанья – вздох,
И от сомнения до пониманья – вздох.
Пусть этот вздох Творца согреет нас отрадой,
Иначе весь итог существованья – вздох.

34

Пытаться совместить Любовь и тишину да гладь –
Как веру правую и ложную равнять.
Преступна даже мысль лечить лекарством душу
И снадобьями скорбь из сердца изгонять!

35

О сердце! Грусть и гнев смири, пока в пути.
Уверенно кругом смотри, пока в пути.
Кому завидуешь, сокровища завидев?
Сокровища – твои. Бери, пока в пути.

36

Понятна каждому, чей благороден путь,
Найдок и утрат божественная суть.
Повелевает Шах: отнять или вернуть,
А двуединый мир не виноват ничуть.

37

Вновь слиток золотой по синеве небес,
Как и всегда, проплыл и, как всегда, исчез.
И люди чередой приходят – и уходят,
Едва взглянув на мир загадок и чудес.

38

Кому случается до Божьих тайн дойти,
Того стараются презреньем извести.
Глядят христианин, еврей и мусульманин,
Как на заблудшего, на странника в пути.

39

Ты завтра, как и все, придешь на Судный зов.
Обсудят перечень твоих земных трудов...
Так вот! Учись добру, покуда гром не грянул:
Там обнаружится, не кто ты, а каков.

40

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

для верующих есть к двум Каабам пути:
иль в Мекке Каабу, иль в сердце обрести.
Как по святым местам, иди от сердца к сердцу,
И каждое из них ста Меккам предпочти.

41

Лишь тот, кто сердцем черств и дружбой не богат,
Молиться вынужден на наш иль чуждый лад.
Кто в летопись любви заслуженно записан,
Тому не нужен рай, тому не страшен ад.

42

О власти мировой ты размечтался всласть;
А не боишься в ад, как шах-гордец, попасть?
Вчерашнее ничто, ты завтра станешь прахом.
Ответь: тебе над чем дана сегодня власть?

43

Кто милых одарил таким лукавством глаз,
Кто влил нам в жилы кровь, сжигающую нас,
На радости не щедр. Беда ли это? Радость!
Беда из рук Его ценнее в сотни раз.

44

Из множества наук всего нужней: «Любовь».
В поэме юности всего нежней: «Любовь».
Когда у мудреца пойдешь учиться жизни,
Забудь о слове «Жизнь», всего точней «Любовь».

45

Войдя в Страну Любви, с пути свернуть нельзя,
По воле собственной прервать свой путь нельзя,
Пока не завершил обход ее по кругу,
Воображать себя постигшим суть нельзя.

46

Когда, закрыв глаза, мы вещим сердцем злим,
Тогда становится и мир сокрытый – злим.
Сумей однажды взглянуть поднять над здешним миром,
Возможно, и душой ты воспаришь над ним.

47

Богатство отмети – надежду обретешь.
Богатство обрести – продашься ни за грош.
Себя, пока живешь, похорони в бревно –
И, похороненный, в преданьях оживешь.

48

Свой круг на Бытии ты должен начертать,
Над сердцем собственным врашая рукоять.
Под циркулем начнет опора трепетать,
И не замкнется круг, – увы, рисуй опять.

49

Уступка похоти в минуту истощит
Отпущенний тебе на долгий век кредит.
Почаще спрашивай: «Зачем я здесь? Откуда?
Какой сегодня шаг мне сделать надлежит?»

50

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

Двуличьем согрешишь – и на себя пеняй:
Подкладку-ложь Господь заметит, так и знай.
Сиять вселенной – час; дышать тебе – мгновенье.
Смотри, бессмертие на миг не променяй!

51

Тобой руководит ликующая плоть.
Забытая душа – отрезанный ломоть –
Еще пытается твою осилить похоть,
Еще надеется беду перебороть!..

52

Забыв про адский огнь, баражаясь в грехах,
Ты грязью без воды раскаянья пропах.
Когда светильник твой загасит ВЕТЕР смерти,
Тобой, позорище, побрезгует и ПРАХ.

53

Кому там от любви покой необходим?
Считай, покойникам, уж точно не живым.
Того, кто про любовь и не слыхал ни разу,
Считай покойником, уж точно не живым.

54

Аскет, не то что мы, про Твой секрет не знает:
О доброте Твоей святой аскет не знает.
Хоть Ты и говорил: «За грех низвергну в ад!» –
Кто верит этому, Тебя он – нет, не знает.

55

Не может Разум наш на все найти ответ,
А Сердце всякий раз удачный дать совет.
В толпе подскажут путь куда тебе угодно...
Но не в Страну Любви. Проводников там нет.

56

Идущий человек, бродягою не стань,
Теряющим себя беднягою не стань.
В глубь собственной души – дорога для отважных.
И пусть глядят, но сам зевакою не стань.

57

Кому не по сердцу суровый шариат,
Тому и смысла нет мечтать про тарикат,
И уж тем более надеяться однажды
Увидеть Истину, освоив хакикат.

58

Пусть верою тебя наполнит шариат,
Пусть жизни праведной научит тарикат.
Когда очистятся дела твои и мысли,
Пусть Истину тебе откроет хакикат.

59

Мы влюбчивая голь, здесь нету мусульман,
Мы только муравьи, не с нами Сулейман,
Мы изможденный люд в истрепанных обносках,
У нас не тот базар, где вам искать сафьян.

60

Постой! Не будешь ты допущен в харабат,
Пока сподвижника в тебе не разглядят.
Подумай! Это путь людей высокой чести,
На этой улице промашки не простят.

61

И днем и ночью ты взываешь к небесам,
К далекому Творцу, укрывшемуся там.
Примолкни хоть на миг, ответ Его услышишь:
«Я не вдали, Я здесь, Я – это ты же сам».

62

Лукавствуй и хитри. Но есть Мудрец Небесный,
Вникающий в любой поступок твой бесчестный.
Ты всех обманывал. Но всех ли обманул?
Ты лжец, не только мне, но и Ему известный.

63

Капризами любви для нас терзаться – радость,
Пылинками пред Ней навек осться – радость.
Ее горячий нрав не повод для обид,
С пыланием любви соприкасаться – радость.

64

Решил идти к Нему, с детьми, с женой порви,
Расстанься сам с собой, со всей родней порви.
В дорогу вещи взял? Сковал цепями ноги.
В цепях куда уйдешь? Уют цепной порви.

65

Сkitаний ты не знал, не бедовал – напрасно,
Лица ручьями слез не омывал – напрасно,
Ожогов на сердце пока страшился ты,
Пока жалел себя, – существовал напрасно.

66

Спеши дойти туда, где двойственности нет,
Где испарит ее спасительный рассвет.
До Бога не дойдешь, но от себя спасешься,
Твоя раздвоенность рассеется как бред.

67

Мы видим частности, а в главном слепы мы;
Насколько же мудры и как нелепы мы!
По частностям – сойдем за Смертью в склепы мы;
Вне частностей – взойдем за Жизнью следом мы.

68

Как больно за сердца, в которых нет огня,
Где страсти не кипят, безумствами пьяня!..
При случае поймешь: нет ничего бесплодней
Отсутствием любви загубленного дня.

69

К любому бедняку с сочувствием склонись –
И сердце разглядишь, стремящееся ввысь.
Любое из сердец священней сотни Кааб.
Лицом не к Каабе, а к сердцу обратись.

70

Сейчас наветчики воспользоваться рады
Твоей жестокостью, не знающей преграды.
Что скажешь на Суде? "Повинны шептуны"?..
Не оправдаешься. Не будет и пощады.

71

Спросили в медресе: что есть любовь? И вот
Который день подряд великий спор идет.
А муфтий про любовь ни слова не промолвит,
Язык распутника немеет наперед.

72

В обителях пойдут смятенье и разброд,
И будет в медресе хлопот невпроворот:
По мнению муфтия, теперь любовь-смутьянка
Задаст наставникам забот на целый год.

73

Шумит в обителях и в медресе народ:
Повелено изгнать виновницу невзгод.
Обшарив шариат, речь сочиняет муфтий...
Но в суд введут Любовь, и он разинет рот.

74

Есть редкостный рубин, но в руднике ином,
Есть перл единственный, но в тайнике ином.
Обманчивы о них досужие догадки,
Легенды о Любви - на языке ином.

75

О сердце! Путь любви себе избрать рискни,
Коль будет выигрыш, ты им опять рискни.
По-женски плутовать в стране любви не вздумай.
Предстань мужчиною, жизнь проиграть рискни.

76

У сердца тайна есть, и пусть она хранится
Сокрытой от людей, как сказочная птица,
Как капелька дождя, которой суждено
Лежать в жемчужнице и перлом становиться.

77

Изверясь, Вечного начнешь ты сам искать,
Весь человечий век по небесам искать.
Но Божий-то престол - твое живое сердце.
Иль не с тобою Бог? Что ж где-то там искать?

78

Твоя душа - ядро, скорлупка - плоть твоя.
А в глубине души - Творца узрел бы я.
Его сокрытый свет, взглядишь, и ты увидишь,
Сияет из любой частицы бытия.

79

Кому судьба дает вино познанья пить,
Тот, кроме Истины, обязан все забыть;
Кому дает язык, тех обделяет зренiem,
Кто получил глаза, немым придется быть.

80

Квартал отверженных. Помосты дыб и плах.
Путь проигравшихся навеки в пух и прах...
Мужайся, каландар! Тебе опасен страх,
Как циркачу в его отчаянных прыжках.

81

Дервиш! Возвысив дух, о внешности забудь,
А плоть прокормится в дороге как-нибудь.
Чтоб наготу прикрыть, рогожу раздобудь –
Как шах, под гром литавр закончишь этот путь!

82

Из медресе разврат сочится без конца,
Подачки делят там, грызня чернит сердца.
Сбеги в развалины! Живи, как этот нищий:
Ей-богу, вот кто – шах на троне средь дворца!

83

И минареты пусть, и медресе – падут,
Иначе каландар вотще вершит свой труд!..
Здесь веру ересью, здесь ересь верой чтут,
А божий человек не мусульманин тут.

84

Что предписал Господь, то и получишь ты.
Гони из сердца прочь напрасные мечты,
Не то измучится оно от суеты,
А ты потом спасай его от маэты.

85

Откуда перлы душ в жемчужницах сердец?
Как жемчуг в море, в плоть упрятал их Творец.
Когда добытчик-Смерть расколет оболочку,
Мы все разгадки тайн узнаем, наконец.

86

В круг нищеты спустись, и шахом станешь ты
И сердце выведешь на свет из темноты.
В трущобах бытия поведает отшельник,
Как познавать себя, как воплощать мечты.

87

Хвала, коль сила есть, и мышцам, и костям;
Но в жизни только дух дарует стойкость нам.
Подачек не бери, пусть даже от Хатема,
Не гничь перед врагом, хотя бы он – Рустам.

88

Вникая в мир души, бесстрастным надо быть.
Внимая небесам, безгласным надо быть.
Без языка, ушей, без глаз нам не остаться б! –
Без языка, ушей, без глаз нам надо быть.

89

В безмерности небес, укрытый синевой,
Тебе назначенный, ждет часа кубок твой.
Настанет твой черед, прими без сожалений
И радостно испей свой кубок роковой.

90

Будь весел! Польза есть и в тяготе любой.
Подумаешь, судьба играется с тобой!
В ту дверь войдя, ты стал игрушкою живой.
Но выйти в эту дверь - вновь стать самим собой.

91

Хотя б один из вас, ушедших в никуда,
Моим подсказчиком вернулся бы сюда!..
С распутья тянут врозь надежда и нужда,
Но что оставил тут, оставил навсегда.

92

О сердце! Ты в толпе общенья не ищи,
На лицах наглецов смущенья не ищи.
Достойны скромные, презренны честолюбцы.
Цени достоинство, презренья не ищи.

93

Поддайся алчности, тогда узнаешь сам,
Что у раба страстей не жизнь, а стыд и срам.
Будь, как ОГОНЬ, горяч, будь, как ВОДА, прозрачен,
Не становись, как ПЫЛЬ, покорен всем ВЕТРАМ.

94

Не легок и не прост заветный Путь, поверь,
А ты решил дойти без бедствий и потерь.
Для завершивших Путь всегда открыта дверь.
А ты... Взгляни: к кому стучишься ты теперь?

95

Кружение небес никак не обогнать,
Заранее судьбу никак не распознать.
Вот это - твой удел, иди и будь доволен,
Рабочий план веков не для тебя ж менять!

96

Который день с утра спешу я в харабат:
Беседы дервишей смягчают боль утрат.
"Твоей подсказки жду, куда шагнуть не знаю,
Хоть намекни!..." - молюсь какую ночь подряд!

97

Равны перед Тобой бродяги и цари.
На нас, на чад Своих, с улыбкой посмотри,
Избави нас от бед и одари блаженством,
Премудрый наш Господь!.. Избави! Одари!

98

Кто жаждали щедрот, те жизни не щадили,
И от дверей Твоих весь век не отходили,
И тщетно ждали благ, и уставали ждать...
И убеждались вдруг, что алчность победили.

99

По воле Господа для тех покоен свет,
Кому число «один» превыше всех сует.
Кто вместо нечета счет начинает с чета,
Так он уже не в счет: ему покоя нет.

100

Про вещий хакикат не выспросишь за час.
Раздай имущество, как и любой из нас,
Невзгодами свой дух воспитывай полвека,
Тогда и сам поймешь, «как приходить в экстаз».

101

для сердца Лик Любви – огонь и благодать.
Оно то пятится, то тянется опять...
Так объясни ему про мотылька и пламя:
«Ожогов не страшись, коль хочешь воспылать».

102

Все убедились вновь, что вера здесь чиста,
Зато тебе, осел, зачтется клевета.
Твой дух когда-то был – как Иисус безвинный.
Ослиной дуростью не распинай Христа!

103

Нелепо мудрствовать, когда стремишься к Богу,
Иль верить: идолы укажут нам дорогу.
Допустим, Каабу узрел ты, наконец...
В развалинах ли суть, когда твой путь – к чертогу?

104

Как грош из кошелька, однажды упадешь.
Подумай, почему ненужным стал ты, грош?
Ты дома у себя совсем забыл про Бога,
Отныне в Божий дом дороги не найдешь.

105

Чтоб зрить и прозревать, какое зренье нужно!..
От привязей земных освобожденье нужно.
Чтоб ты сумел прозреть и различить Его,
Вглядеться пристальней в Его творенье нужно.

106

Ты скажешь, мир – халва? ячменный хлеб – вкусней.
Ты скажешь, мир – парча? дерюжный плащ – родней.
Ты Чашей бытия считаешь мирозданье?
Я сто подобных чащ храню в груди своей.

107

Пройди своим путем, как свыше суждено,
В обличье нищего иль шаха, все равно.
Все – сам ты: море – сам, ныряльщик – сам, и жемчуг...
Нырни-ка в эту мысль! давай, нащупай дно!

108

Река твоя – отвод незнаемой реки.
Тоска твоя – исход незнаемой тоски.
Иди и глубоко такую мысль обдумай:
Рука твоя – рукав незнаемой руки.

109

до сердца моего свет Истины достал,
И тот, и этот мир сиянием застлал.
Скажите так: в жару, в любовной лихорадке
Я потом изошел и океаном стал.

110

Порою прячешься за потаенной тьмою,
Вселенной красочной являешься порою...
Ты развлекаешься кокетливой игрою:
Зажмуришься - и вновь любуешься собою.

111

Тобой спасаемый, напастей не боюсь,
Обогреваемый, ненастий не боюсь.
Ты обелишь меня, прощая прегрешенья,
И в Книгу Черную попасть я не боюсь.

112

К чему, войдя во храм - в шатер роскошный Твой, -
Внутри основывать какой-то храм иной!...
Мой дом молитвенный, укрытие Хайяма -
Шатер, увенчанный Полярною звездой.

113

Склоненным пред Тобой я не бывал вовек,
Значения грехам не придавал вовек,
Но жду я милости Твоей хотя б за то, что
Единое двойным не называл вовек.

114

Мне нужен поводырь, и Ты нужду мне дал.
Мне друг необходим, и Ты беду мне дал.
Пути Твои трудны, Владыка. Но зачем же
Вести столь тяжкую Ты борозду мне дал?

115

Уж так судил Господь, и нет над ним суда;
Его решенье «нет» не превратится в «да».
Того, что может быть, случайно нет, быть может;
Чего не может быть, не будет никогда.

116

Когда ж я о страстях смогу забыть!.. Как быть?
Распутством сам себя готов сгубить, как быть?
Ты сжалившись - пускай! - решишь меня простить...
Но собственный-то срам мне не забыть! Как быть?

117

Господь! Благослови, от лишних бед храня!
Без милости Твоей не проживу и дня,
Нельзя мне без того, что в жизни помогает:
Благоразумие вложи скорей в меня!

118

В мечетях близости не чувствую Твоей,
Молиться одному, в развалинах - милей.
О Ты, всему предел, о Ты, всему начало,
Захочешь, так сожги! Захочешь, так согрей!

119

Всегда подсказывай, где легче путь земной,
И прячь мои грехи от злой молвы людской,
И привечай меня сегодня... Чтобы завтра
Я принял без обид и дар прощальный Твой.

120

Какая б ни стряслась великая беда,
Я и друзьям своим не плачусь никогда.
И если плач Тебе подслушают однажды -
О Боже! В тот же миг умру я от стыда.

121

Я ежеутренне одно твержу Тебе,
Так будь же милостив к единственной мольбе:
«Цари не снизойдут к несчастной голытьбе,
Ты лучше сам, Господь, склонись к моей судьбе».

122

Как нищета меня терзает, знаешь ты.
Боль сердца как бальзам мне назначаешь ты.
К чему выплакивать тебе терзанья сердца?
Леченье так идет, как намечаешь ты.

123

О! Подперевший высь длиной и шириной,
Из НЕТ извлекши ДА, создавший мир земной!
Пред Осуждающим - что нищий, что владыка.
И пред Прощающим - что трезвый, что хмельной.

124

Кружит по миру дух, по телу кружит кровь:
О, как бы Истину увидеть сквозь покров!
Познание Тебя - не для земных умов:
Мирьи полны Тобой, но Ты - вовне миров.

125

Как странно! Любят суть, а воспевают лик.
Кто в сердце краснобай, тот въявь косноязык.
Еще диковинней, о Властелин вселенной:
От жажды мучаюсь, а предо мной родник.

126

Когда немыслимо грешу я день и ночь, -
О милосердии прошу я день и ночь.
Но обращаюсь я с мольбой не к господину,
Господь, воззвать к тебе спешу я день и ночь.

127

В день воскрешенья ты вернешь тела святым,
Как будто всадникам - коней, привычных им;
А мне... Я в саване, слезами обагренном,
Тюльпаном вырасту перед крыльцом Твоим.

128

Какое множество везде «друзей» Твоих!..
Мученье для меня - все поученья их.
Чем обогреться нам? Они как туча пыли,
Для солнца Твоего - просветов никаких!

129

Мы лепеты наук за истину сочли;
Вы райские дворцы увидели вдали...
Все к Богу тянемся. Но вдруг спадут покровы,
И растеряемся: куда мы забрели!

130

В семидесяти двух ученьях все подряд
О сущности Творца так много говорят!
Уж ладно б чепуху болтали меж собою,
Словами складными народ они дурят.

131

Я спал в Неведомом. Сказал Ты: «Встань! Иди!» –
И мир волнующий раскрылся впереди.
Иду, напутствием Твоим ошеломленный.
Ведь как оно звучит: «Склонись! Не упади!»

132

Джамшидов кубок я по всей земле искал,
И днем не отдыхал, и по ночам не спал...
И от Учителя, вернувшись, я узнал,
Что сам Джамшидовым волшебным кубком стал.

2. ТАК В ЧЕМ ЖЕ ЦЕЛЬ ТВОЯ,
БЕЗ ЦЕЛИ МАЕТА?

133

Растенье Истины возможно ли найти,
Коль в этом мире так запутаны пути!
Неведомая ветвь порой скользнет в горсти...
Всегда нам наугад, как в первый день, брести.

134

Что в руку ни возьми, загадкам несть числа:
Суть – несущественным природа оплела.
Вот – перл! – хоть с трещиной жемчужница была, –
Султан! – хоть извлечен из темного угла.

135

Снаружи в этот свод не проникает свет;
Что можно распознать, не ведая примет?
Любой предмет возьми: реален ли предмет?
Посмейся и отбрось: обман, предмета нет.

136

Секретней всякого секрета – Бытие.
Свет, заблудившийся вне света, – Бытие.
Ты в деле преуспел? Но и на этом деле –
Примета бренности, помета: "Бытие".

137

Чей разум охватить вселенную спешит
И, будто конь Бораг, по небу путь вершит,
Тому до цели миг останется... Но небо
Закружит голову и наземь сокрушит.

138

Все наперед дела для нас предначертали,
Смешав добро и зло в узорах на Скрижали.
Что предначертано, то и вручают нам.
Нелепы хлопоты, бессмысленны печали.

139

Была дождинка, но с морской водой слилась.
Была пылинка, но средь пыли улеглась.
Вот во вселенной нам случилось появиться –
Повиться мошке... И тут же скрыться с глаз.

140

Отставил я дела, закрылся на засов
От благодетелей - ничтожеств и столпов.
И руку мне подать теперь лишь друг готов:
Ведь он - такой, как я... Но сам-то я каков?

141

О! Ты - моя печаль, Бижан в тюремной яме!..
А ты, Сохраб-мудрец, растерзанный во храме!..
За Сиявшую мстя, себя разрушил мир!..
Мне сердце извело сказанье о Рустаме.

142

Как ни вникаю в жизнь, головоломной вижу,
Саму вселенную насквозь никчемной вижу.
Хвала Всевышнему! Где ни открою дверь,
Там на себя капкан во тьме укромной вижу.

143

Затерян меж дворцов, бесславен я и мал,
Уже за тридцать мне, а счастья не видал.
Мне так же горестно, как гостю-бедолаге:
Хоть выпивки полно, на свадьбу опоздал.

144

Ты в мире видишь, дух, чужбину - почему?
Ты ни дворцу не рад, ни чину - почему?
Ты был божественным владыкой, а сегодня
Низвергнут в скорбную пучину... Почему?

145

Я сердце упрекал: греховное, оно
Страшится смерти там, где воспарять должно.
И в замешательстве мне отвечало сердце:
«Я от рождения на смерть обречено».

146

Хоть в облике моем блистательно сплелись
Пылающий тюльпан и стройный кипарис, -
Минутные цветы в ТАРАБ-ХАНЭ столетий,
На что мы, не пойму, Художнику сдались?

147

Как сердцу этот мир считать своим охота,
Не век, а вечность быть царем земным охота!..
Про Смерть-охотницу бедняге невдомек,
А ведь уже, след в след, идет за ним охота.

148

«Иосиф - это я, и луг - Египет мой;
Рубинами богат ларец мой золотой».
- Чем, роза, убедишь меня, что ты Иосиф? -
«Рубашкою в крови - приметой роковой!»

149

Не сам я выбрал жизнь, идея не моя
Пройти кровавый путь земного бытия.
Мне быть или не быть, он без меня решает.
Был сам собой - когда? и где? и был ли я?

150

Возможно ль думать так, что нет Тебя со мной,
Коль я не вдохновлен молитвою ночной?
Иль по природе я далек от сути Божьей?..
Но вся природа - Ты, природы нет иной.

151

Так часто мне, слепцу, добром казалось зло!
Так много зла добро на свет произвело!
И растерялся я: просить о чем, Всевышний?
Уж Ты придумай сам, что мне бы в прок пошло.

152

Те ласки в младости, о Боже, как понять?
И годы радости, их тоже - как понять?
Теперь усердствуешь в обидах и гоненьях.
Да, стал я грешником, и все же - как понять?

153

Немало нагрешил я на своем пути,
Но все же светится надежда впереди:
Ты обещал помочь, когда мне будет плохо.
Мне нынче плохо так, что худшего на жди.

154

О друге я мечтал... Но им не стал никто.
Как руки простирал!.. Не сострадал никто.
Недаром сказано: "Просящий безутешен".
Того, о чём прошу, здесь не видал никто.

155

Геенной огненной пускай тебе грозят,
И степь и горы пусть геенной обратят,
Но Боже упаси с ничтожеством сдружиться!
Дружить с ничтожеством как пить смертельный яд.

156

Коней рассудка мы в пути к Тебе загнали,
В притоне воровском приют себе сыскали...
Заветные Врата найдем теперь едва ли,
Ни мига радости не будет в век печали.

157

В постройке кольцевой без окон, без дверей,
Скитальцы, узники бессмысленных путей,
Мы все беспомощны, как птицы средь сетей,
Мы жертвы времени, и страхов, и страстей.

158

Площадку вокруг холма для скачек нам нашли,
Из девяти небес шатер нам возвели,
Мой дух на пегую кобылу посадили
И в гулкий колокол ударили вдали.

159

Брыкливыи небосвод поймали под уздцы,
Приладили седло и звезды-бубенцы...
В тот день Всевышний Суд решил и нашу участь,
Позорно падаем от легонькой трусцы.

160

О сердце! У судьбы смягченья не проси,
От круговерти лет спасенья не проси.
Лечение искать – свои мученья множить.
С мученьями смирись, леченья не проси.

161

Уютным домом мир сочли вначале мы.
Но только скорбь и боль везде встречали мы.
Успехом труд, увы, не увенчали мы.
Сердцами омертвев, ушли в печали мы.

162

Вглядись, коль ты не слеп, во мрак могильной ямы.
Потом взгляни на мир, бушующий страстями.
Какие грозные им правили цари!..
Любой из них, смотри, растоптан муравьями.

163

Изнеженную жизнь вообразив, затем
Так долго мучиться, искать ее – зачем?
Порочный этот круг никак ты не покинешь;
А впрочем, этот круг покинешь, став ничем.

164

Как спутники, и ты глазами не востер.
Пытаться хоть за шаг судьбу провидеть – вздор.
Мы слепо мечемся, а небо возглашает:
«Сплетается Ткачом задуманный узор».

165

Под чашей неба жизнь безрадостно пуста.
Кого, пока он жив, не мучит суета?
Хоть миг бессмертия – и то, увы, мечта.
Так в чем же цель твоя, без цели маeta?

166

Скитальцы набрели на караван-сарай.
Угрелись, хоть совсем его не покидай!..
Но нет. Отсюда всех, как на мосту, торопят:
Эй, не задерживай, ступай себе, ступай!

167

Огни, плывущие по куполу дворца,
Способны с толку сбить любого мудреца.
А не боишься ли, порвется нить рассудка?
Благоразумнее – не поднимать лица.

168

Несчастья начеку. Смотри не провинись,
Свой жребий получив, за лучшим не тянись.
Черкнув, коснулась Кисть черновика Творенья...
Теперь черту судьбы не сдвинешь вверх иль вниз.

169

Что предписал Калам, тому иным не стать.
Коль все оплакивать, то как больным не стать?
За век ты можешь слез излить, наверно, море,
Но даже капелькой удачи им не стать.

170

Возник я на земле без пользы для небес,
Их не украсило и то, что я исчез.
Пригнать меня сюда, прогнать меня отсюда -
Хоть намекнул бы кто, какой им интерес?

171

Где польза от того, что мы пришли - ушли?
Где в коврик Бытия хоть нитку мы вплели?
В курильнице небес живьем сгорают души.
Но где же хоть дымок от тех, кого сожгли?

172

Ты, ради жалких благ вседневно суется,
И думать позабыл: все ближе смертный час.
Хотя б на миг очнись, взгляни хотя б однажды,
Как Время яростно и слепо топчет нас!

173

Коль небеса к добру склонить не в нашей воле,
То восемь их иль семь, тебе не все равно ли?
Коль так и так умрем, важна забота, что ли,
В могиле муравьи сожрут иль волки в поле.

174

Эй, суфий-простачок! Ты Божество зовешь.
Но Бог и там, и тут. Отколь Его зовешь?
Коль ты с Ним заодно, тогда с чего зовешь?
Коль ты с Ним не знаком, тогда кого зовешь?

175

Итак, он твой, дворец под голубым шатром?
Как можно быть таким наивным простаком,
Ждать пира, позабыв о кошельке пустом,
Ночлежку для бродяг приняв за отчий дом!

176

Зачем вперед глядеть, зачем терзаться впрок?
Плачевен твой удел, провидец и пророк.
Стань весел, отвлекись от мировых тревог.
Ни слезы, ни мольбы не поколеблют рок.

177

Среди любивших мир найдешь ли одного,
Кто волей собственной покинул бы его!
О жизни вечной ты мечтать, конечно, волен...
Любой из них мечтал не хуже твоего.

178

Старателый гончар! Тебе и невдомек,
Что и тебе уйти уже назначен срок.
И тот печальный день не так уж и далек,
Когда твой прах возьмут и вылепят горшок.

179

«Вчера» уже прошло, и вспоминать не стоит.
И «завтра» днем надежд воображать не стоит.
От «завтра» и «вчера» подмоги ждать нельзя.

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
Сегодня веселись! Жизнь обижать не стоит.

180

Раб тела ветхого, страстей его и боли,
Ты будешь по свету кружить, мой друг, доколе?
Уходят. Мы уйдем. Еще придут. Уйдут...
И нет ни одного, кто надышался б вволю.

181

На сцену Бытия чуть опоздали мы,
Ступенькой ниже всех смиренно встали мы.
У жизни свой расклад, ей не до наших жалоб.
Скорее бы конец! А то устали мы.

182

Не знал ты сна, еды, не вздумали пока
Помучить простака Четыре шутника:
Они свои дары крадут исподтишка,
Пока не станешь тем, чем был во все века.

183

Невежда, в этот мир не вникший, ты - ничто,
Под легким ветерком поникший, ты - ничто,
Тебе от бездны шаг, и шаг до новой бездны!..
На миг меж двух «Ничто» возникший, ты - ничто.

184

Постыдно забывать, как скоро прочь пойдем,
На зыбкой пустоте пытаться строить дом.
Взгляни: вселенная - холодный звездный ветер -
Швыряет пыль в глаза строителю хором.

185

Уроки, что весь век ты получал, - ничто.
И все, чему других ты обучал, - ничто.
Бывать и там, и тут случалось... Ну и что?
Как если б на боку весь век лежал, - ничто.

186

Твой ум, познавший мир, - в дороге вздох один.
Твой дух, вобравший мир, - о Боге вздох один.
Коль даже вздох один на вздох другой умножить,
Сколько ни подсчитывай, в итоге - вздох один.

187

Допустим, у тебя добра не счастье, и что ж,
Намеренечно жить, покуда все сочтешь?
Твой каждый вздох тебе однажды был одолжен,
И долго ли понять, что должен быть платеж.

188

да, ты действительно везуч, без похвальбы.
Но, хоть удачно сшил халат твоей судьбы,
Понежиться в шатре не очень-то надейся,
Четыре колышка которого - слабы.

189

Фигурки - ты да я, а небеса - игрок;
И в этом истина, таков наш общий рок.
Вот коврик Бытия; зевак позабавляем,

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
А отплясал свое, и снова в сундучок.

190

Вот на кого-нибудь находит: «Это - я!»
Как золотой мешок, он ходит: «Это - я!»
И вот он преуспел, дела свои наладил,
Вдруг из засады Смерть выходит: «Это - я!»

191

О небо! силу ты в насилие обращаешь,
Рубашку счастья рвешь и гнилью обращаешь.
Чуть встану на ВЕТРУ, ожечь ОГНЕМ решаешь,
Воды глоток, и тот ты ПЫЛЬЮ обращаешь.

192

Все, что скопили мы, просыпалось из рук.
Кровавый урожай собирает Смерть вокруг.
Хоть бы вернулся кто поведать об ушедших!
С дорог Небытия донесся хоть бы звук!..

193

О небосвод! Наш мир истерзан злом твоим,
Разбой давным-давно стал ремеслом твоим.
Земля! Рассечь тебя - и засверкают перлы:
Какой бесценный клад прикрыт ковром твоим!

194

Когда бы смог я жизнь от рока оградить,
От пут добра и зла себя освободить,
Отсюда б не ушел!.. А если откровенно,
В презренный этот мир не стал бы и входить.

195

Исполнен небосвод глумлением и злом;
Он рад, когда судьба захлестнута узлом;
Где только углядит клеймленного страданьем,
Вмиг выжжет то клеймо - уже своим клеймом.

196

Жестокий небосвод мольбою не гневи,
Исчезнувших друзей обратно не зови.
Вчерашнее забудь, о завтрашнем не думай:
Сегодня ты живешь - сегодняшним живи.

197

Здесь каждый дар небес - не слезы, так беда;
Чуть горе отойдет, навалится нужда...
О жизни на земле узнать бы нерожденным,
Навек бы зареклись они идти сюда.

198

В том храме говорил стотысячный Иса,
На тот Синай всходил стотысячный Муса,
Покинул тот дворец стотысячный владыка, -
Стотысячная часть!.. Едины - небеса.

199

Что делаешь, гончар?! Одумайся, пойми,
Ты по невежеству глумишься над людьми.
Хосрова голову и пальцы Феридуна,

200

Ликуй! Немало бед пророчат звезды нам,
Пока внимаем мы небесным письменам.
Но все ж на кирпичи сгодится наша глина,
Построят люди дом, а может даже храм!

201

Печально, что до нас нет дела небесам,
Забвенье суждено делам и именам...
Без нас кружился мир, без нас кружиться будет,
Вселенной все равно, и больно только нам.

202

Ты дивным видишь мир?.. Но это как взглянуть.
Спроси у старииков, согласны ли? Ничуть.
Едва ли здесь и ты, мой милый, загостишься...
Пока не выплескан, себе плесни чуть-чуть.

203

Пусть императором китайским стать ты смог,
И все цари земли лобзают твой порог!..
Зачем? Уж лучше век беспечного веселья:
Аршина три земли - один у нас итог.

204

Пускай ты век, и два, и десять проживешь,
Однажды сгонят прочь с насиженных рогож.
Хоть жалкий нищий ты, хоть падишах, в итоге
Со всеми прочими в одной цене пойдешь.

205

Не нашим циркулем очерчен этот круг,
Не к нашей выгоде его богатства, друг.
Но надо миг-другой своей добычей сделать,
Вину их посвятив и локонам подруг.

206

О благости судьбы, прошу, ни слова здесь.
Себе с красавицей добудь хмельного здесь.
Не уходить бы прочь!.. Но нет такого здесь,
И не встречали мы того, кто снова здесь.

207

Рисунок бытия реален ли? Ничуть.
Постигни эту мысль и умудренным будь.
Присядь, вина испей, повеселись немного:
От жизни-выдумки полезно ускользнуть.

208

Вина, когда испить кто просит, - лучше нет.
Струна над суетой возносит - лучше нет!..
Но Смерть, из края в край, весь мир в труху разносит...
Хмельного просит дух: подкосит - лучше нет.

209

Мой друг, приди сейчас! Поверь, что «завтра» нет,
И все, что есть у нас, - сегодняшний рассвет.
А завтра - догонять, покинув этот свет,

210

Мы обитатели сегодняшнего дня.
Печаль о завтрашнем - загадка для меня.
К чему безумствовать! живи, свое Сего дня
Как величайшее сокровище цени.

211

Кто побывал в раю? Кто видел ад, о сердце?
Неужто кто-нибудь пришел назад, о сердце?
Что нам названия незнаемых вещей!..
Надежды наши, страх - все наугад, о сердце.

212

Не спорьте с мудростью, стократ она права,
На поиск радостей зовут ее слова:
«Пойми, что время - серп. Коль лук-порей собрали,
Он отрастает вновь. Но ты ведь не трава!»

213

Здесь толпы меж могил пока вольны блуждать,
Без вервий святости и пут вины блуждать.
Все те, кто здесь решил от радостей бежать,
В том мире скорбными осуждены блуждать.

214

Пусть скатерть трезвости вином я загублю,
Но допусти к тому, что всей душой люблю!
А завтра Ты меня сожжешь или согреешь,
Я и возмездие, и милость восхвалю.

215

Приход наш и уход на кольцевом пути;
Начала и конца у круга не найти.
Кто суть его постиг, скитальцев просвети:
Пришли откуда мы? должны куда уйти?

216

Где сокровенный друг, чтоб внял таким словам:
Не так уж хорошо когда-то жил Адам.
Бродил комок земли со скорбью пополам
И скоро отдых дал истерзанным стопам.

217

Здесь много до тебя мужей и жен бывало,
Звенели празднства со всех сторон, бывало.
И плоть твоя спешит вновь обратиться в прах:
Гулял во всяческих обличьях он, бывало.

218

Алеющих степей тюльпановый покров -
Бесчисленных царей пылающая кровь.
Фиалки - родинки пленительных красавиц,
Напомнить о себе явившиеся вновь.

219

Я в Тусе видел сам на башне угловой,
Как птица плакала над мертвой головой:

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
«Владыка Кей-Кавус! Взгляни на город свой.
Где гул колоколов? Где барабанный бой?»

220

Коль век ни сократить, ни удлинить нельзя,
Ценить не стоит жизнь, но и винить нельзя.
Увы, тебе и мне доставшиеся судьбы –
Не воск, руками их перелепить нельзя.

221

Миг детства: подошел и нам учиться срок.
Миг зрелости: детей скликаем на урок.
Внемлите старику, каков итог ученья:
Пришли мы как вода, ушли как ветерок.

222

Никто, ни стар, ни млад, не загостится тут.
Из тьмы и вновь во тьму цепочкой нас ведут.
Иные здесь царить намеревались вечно...
Ушли. И мы уйдем. Еще придут. Уйдут.

223

Любой из этих роз –увянуть навсегда,
И жемчугам сиять – недолгие года.
Что ж – плакать?.. И твоя в бесславье канет слава,
И след мой на земле сотрется без следа.

224

Искатель счастья! Жизнь – как промелькнувший миг.
Струящаяся пыль – царя Джамшида лик.
Великие дела людей и мирозданья –
Обман, виденье, сон, случайный взгляд и вскрик.

225

«Нетленная любовь!..» – вне сердца? Где ж она?
«Горящий дух!..» – где плоть, что им обожжена?
«Раб Божий!..» – нет, мой друг, мы все рабы рассудка.
Красивым словесам на деле грош цена.

226

Себя за дервишей считавших, сколько их!
Слепцов, стезею лжи шагавших, сколько их!
Чушь про «алеф и лям» болтавших, сколько их!
Скотов, чужую честь поправших, сколько их!

227

В чести невежество – вот что обидно мне.
Чем сердце отогреть, так и не видно мне.
Сменю религию, зуннаром опояшусь:
В исламе грешник я, в исламе стыдно мне.

228

О сердце! К идолу на пиршество приди,
Там потеряв себя и вновь себя найди.
От власти Бытия, испив из кубка Смерти,
От грез Небытия себя освободи.

229

Пристрастием к вину и к озорству живу,
Молясь любви, гульбе и мотовству, живу.

Что за вопрос для всех - мое существованье?
Я знаю и без них, коль я живу - живу!

230

Мы Человека чтим вершиною творенья.
Вникая в эту мысль, похоже, ты в сомненье,
Тогда - испей! Мое заветное вино
Роднит людей с людьми и просветляет зренье.

231

Вот мы, и девушки, и хмель, и звоны чаш,
И вера во Христа, и виночерпий наш...
Поклонники вина, мы холосты и юны,
Нам и бесстыдство - бред, и добродетель - блажь.

232

Здоровье, молодость, любовь, и вешний сад,
И плеск ручья, и блеск вина, и нежный взгляд!..
Ах, кубок утренних хмельных благоуханий,
Рулады соловья и струн веселый лад!

233

«Зачем, - спросил кумир, - вы падаете ниц,
Склоненных, никогда не вижу ваших лиц?»
О! Красота твоя слепит невыносимо,
Нас не спасает тень опущенных ресниц.

234

Мы - в древнем храме том, где наша вера - страсть,
Где мудрого жреца живительная власть.
Кудрями бы подруг сердца опутать всласть,
Лишиться разума, упиться и упасть!

235

Задумав магом стать, я в харабат спешил,
И пояс уж на мне зороастриский был...
Отколотил меня служитель харабата,
Пожитки вышвырнул и харабат помыл.

236

Коль нет того, что есть, да не про нашу честь,
Иль есть, но хоть и есть, числа изъянам несть, -
Коль даже в мире есть, проверь, такого - нету,
Когда же в мире нет, поверь, такое - есть.

237

Ухабов на твоем пути полным-полно,
Так нужным для тебя сочли давным-давно.
Причина - вроде бы случайный шаг твой, но
Споткнешься точно так, как было суждено.

238

О, как вселенная прекрасна и нежна,
Тобой единственным навеки пленена!..
Но что увидишь ты, взгляdevшиесь беспристрастно?
Клеймом распутницы отмечена она.

239

Чем жить, когда грядет и для миров конец?
Кровинка, Божья тварь, без долгих слов - конец...

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
допустим, будто Ной, бессмертье заслужил я.
И нет конца?.. да нет, в конце концов - конец.

240

Нет времени, Омар, присесть и отдохнуть:
Существование - из бездны в бездну путь.
Да, первая из них уж не страшна ничуть;
Вторая - близится, и все огромней жуть.

241

О горе! В нашу плоть воплощено Ничто,
Каймой небесных сфер окружено Ничто.
Мы в ужасе дрожим с рождения до смерти:
Мы - рябь на Времени, но и оно - ничто.

242

Нас мучат день и ночь: то «стой!», то вновь «иди!».
То вниз, то снова вверх, иного нет пути.
И только трудная дорога перед нами,
И только долгая дорога позади.

243

Все те, которым так вначале ликовалось,
До упоения пилось и целовалось,
От полной пиалы едва отпили малость,
Как подкосила всех смертельная усталость.

244

И вот ушел твой дух в загадочную тьму,
И новый человек живет в твоем дому.
И невдомек ему и прочим новоселам,
Что ходят-то они по телу твоему.

245

Мне горестно смотреть, когда гончар жесток.
Он глину мнет, и бьет, и на любой пинок:
«О, смилийся! Ведь я, как ты, была живая!...» -
Все время слышится из глины голосок.

246

Кто истинным путем считает лишь ислам,
Кто логику и мысль, сомненьем пополам...
И тех, и этих Страж однажды остановит:
«Вы заблудились! Путь лежит ни тут, ни там!»

247

Пока у кочевой тропы сидишь, о сердце,
Средь вер и ересей свою найди ж, о сердце.
Потом, уединяясь, где глушь и тишина, о сердце,
Глядишь, ты кое-что и разглядишь, о сердце!

3. РЕШАЙ, ЧТО ЛУЧШЕ:
СПАТЬ ИЛЬ ПИРОВАТЬ ВЕСЬ ВЕК

248

Гляжу на лик Земли - лишь спящих вижу я.
Во глубине земли - лежащих вижу я.
Гляжу в Небытие - вблизи, вдали, повсюду
Отсюда и сюда спешащих вижу я.

249

Из сердца и любовь, и гнев изгнавший - где?
Единство богохульств и вер познавший - где?
Начала и концы своей судьбы презревший
И убедить себя ни в чем не давший - где?

250

Сказало сердце мне: «Учить меня начни.
Науки - таинства, но что таят они?»
Я начал с азбуки: «Алеф...» И слышу: «Хватит!
Свой своего поймет, лишь буквой намекни».

251

О Сердце! Если б грязь позволил смыть Аллах,
И ты явилось бы, как дух, на небесах,
Пришлось бы вечно быть стыдливым там и скромным:
Ты родом из страны, что называлась: Прах.

252

Философом меня назвал лукавый лжец.
Я вовсе не таков, свидетелем Творец.
А впрочем, раз уж я пришел в обитель скорби,
То - что такое я? - узнаю, наконец.

253

О сердце! Не являй друзьям печальный вид,
Мужайся, не делись, о чем душа болит.
Беда привязчива, она, забывши стыд,
И к другу твоему в подруги норовит.

254

Доколе, сердце, ныть? Никто не виноват,
Что хочешь прочности от временных палат.
А все от жадности. Спасет вино от жажды.
Ходжа! Напомни: как Корун припрятал клад?

255

Отзывчивых людей сравню я с зеркалами.
Как жаль, что зеркала себя не видят сами!..
Чтоб ясно разглядеть себя в своих друзьях,
Вначале зеркалом предстань перед друзьями.

256

Свою слепить бы жизнь из самых умных дел -
Там не додумался, тут вовсе не сумел.
Но Время - вот у нас учитель расторопный!
Как подзатыльник даст, ты малость поумнел.

257

К тебе, сокрытый дух, стремится разум мой
С подсказками добра и мудрости земной.
Ты соколом рожден; но все с руки султана
В развалины летишь. Смотри, не стань совой!

258

В тетради юности закончились листы,
Весны единственной осыпались цветы.
О молодость моя, отклиknись, птица счастья:
Ведь ты была со мной! Куда умчалась ты?

259

Мы книгу вещую открыли в тишине.

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

И ясновидящий встревожил сердце мне
Словами: «Счастлив тот, кто ночью, равной году,
Ласкает на груди подобную луне».

260

Никто не целовал подобных розам щек,
Пока не истерзал его шипами рок.
Смотри: пока его сто раз не пропилили,
Не смог бы локоны разгладить гребешок!

261

Просторный Хаверан колючками богат,
Повсюду каждый шип царапнуть ногу рад.
Так ловит и меня любой лукавый взгляд:
Шипы - на всех путях, цепляют - все подряд!

262

О сердце! вновь душа, сраженная тоской,
Представила, что вдруг расстанется с тобой.
Развесели ее, спустись на луг зеленый,
Пока твой прах не стал зеленою травой.

263

Науки все пройди и убедись в одном:
Спасенья от судьбы нигде мы не найдем.
Что было для тебя предписано, тайком
Подчистить хорошо б... да не твоим скребком!

264

На тщетные мечты я время погубил,
И вот - ни радости, ни времени, ни сил.
Едва ли что меня со временем утешит:
Давнишний жалобщик, я времени не мил.

265

Пока замешена водою плоть моя,
Барахтаюсь, тону в соблазнах плоти я.
Коль сам бы, так себя б я вылепил искусней,
Но вышел вот таким на слитке бытия.

266

Перед погонщицей - своей судьбой - не трусь.
Не так уж долго ей владеть тобой, не трусь.
Что в прошлом кануло, все провожай улыбкой,
И пусть грядущее грозит бедой, не трусь.

267

Владелец бирюзы, упряжек и коней,
Посмотрим на тебя через десяток дней.
Сегодня небосвод разбил соседям чашу;
Теперь уж твой кувшин не спрячется за ней.

268

Ходжа! И как дельцу тебе мешает рок,
И проповедью ты прославиться не смог...
Стань весел - просто так! Ведь даже власть над миром
Для алчности твоей - лишь на один зубок.

269

Тебе ль божественный сей мир критиковать,
Страница 57

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

Или над чьим-нибудь позором ликовать!..
Сокрытое в сердцах не спрячется от Бога.
Сперва в себя взглянись, чем на других кивать.

270

Под лапами зверей весь этот прах вокруг -
Румянец юношей и кудри их подруг.
Зубцы кирпичных стен того дворца, мой друг, -
Султанов головы и пальцы шахских рук.

271

Судьба вселенной - миг, но я успел, возник,
Чтоб воздуха глотнуть, к ее груди приник.
Живущий - радуйся, навеки благодарный
За мимолетный вздох, за долгожданный миг!

272

Ты можешь целый мир садами расцветить,
Но мало этого, чтоб сердцу угодить.
Важней свободного сковать цепями ласки,
Чем даже тысячу рабов освободить.

273

Поскольку время нам остановить нельзя,
Порядка на земле установить нельзя.
Но все же пусть печаль пути к тебе не знает:
Цепочку дней своих из грусти вить нельзя.

274

Будь с виду бестолков. И вольный хмель веков
Хоть пригоршнями пей, мороча простаков.
Поймет и бестолочь, тут без толку соваться.
«Что толку толковать тому, кто бестолков!»

275

Пушок над губками возлюбленной твоей
Нисколько красоты не умаляет ей.
Припомн, как весной мы садом любовались:
Цветы и так милы, но в зелени - милей.

276

Что - благочестье? - плащ. Им пользуйся с умом:
С подругой хорошо укрыться под плащом!
Миг равнодушья к ней себе простишь, и завтра
Отметит он тебя пылающим клеймом.

277

Смотри, чтоб не проник к тебе через забор
Тоскливыи смутныи страх - крадущий время вор.
Смотри, как над землей вином играют чаши,
Играй - могильщице-земле наперекор.

278

Шагни в любовь! Твой шаг содвинет пласт земной,
Слеза вселенную ополоснет волной.
Достигнув цели, сядь и вздохом облегченья
Смешай, как легкий пух, сей мир и мир иной.

279

Беседуя с Лейли, в душе Меджнуном будь,
Страница 58

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

Где ты, где этот мир, где мир иной – забудь.
Проведав о тропе до места тайной встречи,
Незрячим и немым вступай на этот путь.

280

Воспитывать любовь разлуке поручи,
Сердечную болезнь надеждами лечи,
Уста возлюбленной вживи бутоном в сердце,
Цветок раскроется – улыбке научи.

281

Кто всячески себе наводит красоту,
Мечтая всем в глаза бросаться за версту,
Тому и невдомек, в чем красота мужская.
А ну как я его за женщину сочту!..

282

Шипы прелестных роз – цена благоуханья.
Цена хмельных пирогов – похмельные страданья.
За пламенную страсть к единственной своей
Ты должен заплатить годами ожиданья.

283

Живя мгновение, живым блаженством будь,
Пленен изяществом и лицом женским будь.
Поскольку совершил успеешь ты не много,
Иль совершенством будь, иль с совершенством будь.

284

Будь весел! И гадать до срока ни к чему
На радостный рассвет, на горестную тьму.
И небо-колесо не ведает, ему
Проехать мимо иль по сердцу твоему.

285

Душа расстанется с тобою навсегда.
Ты в неизведенном растаешь без следа.
Испей вина!.. Пришел неведомо откуда.
И отдохни!.. Уйдешь неведомо куда.

286

О сердце, не спеши, умерь свои мечты,
Испей вина, избавь себя от суеты,
Из одиночества создай себе свободу,
Тогда воистину мужчиной станешь ты.

287

Вновь соловьиная пришла пора. Пора:
Хмельная жажда в нас опять остра с утра!
Вставай и приходи на зов царицы-розы,
Ей в эти два-три дня не жаль добра: добра!

288

Вновь радостна земля, вновь радугой росы
Манит степной ковер чарующей красы.
В ветвях – в перстах Мусы – цветов благоуханье,
В целебном ветерке дыхание Исы.

289

Вот роза над лицом приподняла чадру,

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

И вспыхнул словесной любовью ввечеру,
Звенит всю ночь, пока голубка с кипариса
Не проворкует стих Корана поутру.

290

Любовь - несчастье, но... Здесь рок явил участье.
Грешно винить меня, коль рок наслал ненастье.
Рабы добра и зла, мы все под Божьей властью.
Неужто в Судный день вдруг поплачусь за страсть я?

291

В раю, слыхали мы, найти нам суждено
И гурий ласковых, и сладкое вино.
Так вот мы и берем обещанное небом,
Сейчас или потом, не все ль ему равно?

292

Цветут поля, сады. В любом ручье струю
Журчащего в раю Кавсара узнаю.
В степи сегодня рай. Ты мог бы, сев к ручью,
С подругой райскою понежиться в раю!

293

Вновь празднично пестрит фиалками лужок,
Вновь розам лепестки листает ветерок...
До трезвости ль тебе, когда с сереброгрудой
Роняешь кубок свой, едва отпив глоток!

294

Красавица твоя свежей весенних роз.
Ласкай ее и пей вино под сенью роз,
Пока не унесло внезапным вихрем смерти
Твою рубашку-жизнь, как цвет осенних роз.

295

Пленит вас дивный стан; и, ослепясь, готовы
Фисташкой, сахаром назвать ее лицо вы.
В витках кудрей, в игре ресниц, в касанье кос
Кому - петля, кому - копье, кому - оковы.

296

Прелестницу уловлять - капканом золотым,
Привязывать к себе - арканом золотым.
Куда же тянется, взгляни, росток нарцисса?
Спешит обзавестись кафтаном золотым.

297

Мол, изгоняют в ад влюбленных и пьячуг.
Умышленная ложь, для сердца злой недуг!
Влюбленных и пьячуг коль верно в ад изгонят,
Ты голым как ладонь увидишь рай, мой друг.

298

Под сенью локонов счастливец погружен
На солнечном лугу в блаженный полусон.
И что ему сейчас коварство небосвода,
Когда любовью пьян и хмелем упоен.

299

Хайям! Ты грешник, но... Себя терзать зачем?
Про слезы лишь одно могу сказать: зачем?
Кто не грешил, тому прощения не будет.
Прощенье - грешникам! Грешить бросать - зачем?

300

Ликуй! Все за тебя предвидели вчера.
Не скажешь, что тебя обидели вчера:
Прошенья от тебя не видели вчера,
Решенья для тебя уж выдали вчера!

301

Зовешься суфием, а в сердце мрак? - увы.
В призывах ханжеских большой мастак? - увы.
Лохмотья раздобыл - отшельникам на зависть!
Посмотрит завтра Бог и скажет так: «Увы!»

302

Хоть власяницу ты почтенную припас,
дерюгой нищенской едва ль обманешь нас.
Спесивости не скрыть, в обноски обрядясь;
Похоже, для тебя привычнее - атлас.

303

И лев, кормящийся с поборов на мечеть,
лисицей пакостной становится, заметь.
Запомни навсегда простой закон природы:
На дармовых хлебах нельзя зачерстветь.

304

Коль наслаждение ты только в том и видишь,
Что сердце в тихий миг внезапно вновь обидишь,
Ты явно тронулся умом. Не видел свет
Подобной глупости: всю жизнь из бед не выйдешь.

305

Их «войлочным тряпьем» насмешливо зовут,
Они на сухарях да на воде живут,
Себя «оплотами» считают и «тврдыней»...
Нет! Вовсе не оплот любой из них, а плут.

306

Искусству гончара дивился я вчера,
Над глиной что ни день колдует он с утра.
Невеждам невдомек, как эта боль остра:
Увидеть прах отца в ладонях гончара.

307

Соперником небес был сей чертог. Сюда
С поклонами текла сultanov череда.
А нынче, погляди, кукушка на ограде
Устало плачется: «Ку-да? Ку-да? Ку-да?...»

308

Людей, украсивших мозаику минут,
Уводят небеса - и вновь сюда ведут.
Пока бессмертен Бог, полны подолы неба,
Карман земли глубок, - рождаться людям тут.

309

Не нас ли Истина любовью облекла,
Покорность и грехи презреть нам помогла!
Твои щедроты нас где ни застанут, станут
Безделье деланьем, безделицей дела.

310

Чтоб быть в НЕ-бытии, Ты стал, НЕ-тленный, - «НЕ».
Но не сгубило бы круги вселенной «НЕ»!..
О, НЕ-зависимый от мест, причин и следствий,
Ты здесь - отсутствуешь? Иль есть - с отменой «НЕ»?

311

О Зодчий! Звездный храм никто постичь не смог.
Грешить и каяться?.. Едва ли в этом прок.
Я грешен во хмелью, в похмелье жив надеждой...
Так будь же милосерд: надежду я сберег!

312

Господь! Я потому вовсю грешить решил,
Что в сердце молодом безверье сокрушил.
Как славно веровать в Твое великодушье:
Споткнулся, дал зарок, и снова согрешил.

313

Не в силах я, молясь, грехи перечислять,
Слезами в три ручья залился бы опять!..
Однако ж, если раб раскаялся, обычай
Велит хозяину беднягу приласкать.

314

О, помогающий в любой дороге нам!
В беде случается давать зароки нам.
Господь! Где уговор, не место отговоркам.
Пусть уговор - Тебе, а отговорки - нам.

315

Ты отпусти грехи, проступки - пропусти,
Зато внимательно достоинства сочти,
Не воспытай ОГНЕМ от ВЕТРЕНОСТИ нашей,
Но снизойди к СЛЕЗАМ и скорбный ПРАХ прости.

316

Он Землю поместил под Солнцем и Луной,
А на Земле - сердца, а в них - любовный зной,
А драгоценных уст рубиновую россыпь -
В ларце, упрятанном во глубине земной.

317

Творец уж расписал, что завтра будешь есть:
Здесь недесть нельзя, но и добавки несть.
Не соблазняйся тем, чего не существует,
И не пленяйся тем, что неизбежно есть.

318

Чем дольше старика грехи и годы гнут,
Тем больше и надежд на благосклонный Суд.
Чем хорошо дела откладывать на завтра?
Судья, слегка остыv, не так уж будет крут.

319

Однажды всяк из нас на Судный зов придет;
Создатель обсудить плоды трудов придет;
Лишенных блага он, конечно же, утешит.
Вот видишь? Радость к нам в конце концов придет!

320

Проснись, пока твой век не догорел дотла,
И есть желания, и голова цела.
Успей живым вином наполнить кубок Смерти:
И день умчался прочь, и ночь почти прошла.

321

Не очень-то вздыхай. Жить горько и темно,
Но будет время нам по вздохам сочтено.
Очнешься - очередь прошла твоя давно,
И не было любви, и выдохлось вино.

322

Живи, где хмель царит: «престол Махмуда» - он.
Пирий, где чанг поет: «напев Дауда» - он.
Не омрачи свой день ни будущим, ни прошлым:
Чудеснее, чудак, любого «чуда» - он!

323

Стремится небо сеть сплести тебе и мне.
Как души от него спасти тебе и мне?
Присядем на траву, хмельным нальемся соком,
Чтоб сочною травой взрасти тебе и мне.

324

Безумно пьяного я видел старика.
Он мысли вытряхнул, как мусор из мешка,
И голова - легка, и под щекой - рука,
Но на устах - Аллах!.. Сколь вера глубока!

325

О Боже! Всеблагой! На мой очаг взгляни!
О блеск Величия! Я нищ и наг, взгляни!
На недостойного приблизиться к Порогу -
На средоточие своих же благ взгляни!

326

Как, создавая мир, ни изощрился б я,
Стократ причудливей фантазия твоя!
Себя-то, правда, я получше бы задумал,
Но уж таков узор на слитке бытия.

327

Господь! Припасов дай на долгий путь земной,
Чтоб эти подлецы не помыкали мной,
А также, каждый день пьяня вином забвенья,
Спасай меня от дум - от боли головной.

328

Убогим бытом я по горло сыт, Господь:
Ключок Небытия Тобой забыт, Господь.
Исправь же свой огрех и бытие доделай,
Побыть мне в бытии не повредит, Господь.

329

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

На кухне бытия Ты копотью оброс.
Все - горько! Пробу Ты снимал ли, вот вопрос.
Хоть бы деньгами брал, но Ты их презираешь.
Мы платим жизнями, Ты их пускаешь в рост.

330

Пойми, упустишь миг! Уж лучше поспеши,
Сними жестокий груз хотя б с одной души.
Ведь этот хрупкий мир - на десять дней забаву -
Обронишь, как богач - никчемные гроши.

331

Ты глину замесил. А я при чем, Господь?
Ты ткань мою скроил. А я при чем, Господь?
Морщинами добра и злыми письменами
Лицо мне исчертил... А я при чем, Господь?

332

Ловушку зернами Ты заряжал иль я?
А львами злобыми Ты угрожал иль я?
Будь я вовне Тебя, я не владел бы Словом;
Коль я слиян с Тобой, - Ты вопрошал иль я?

333

Прошу вас Мостафе мой передать салям
И вот такой вопрос: по шариату нам
Неужто можно пить прокисший дуг - и вовсе
Нельзя вино, хотя б с водою пополам?

334

Прошу вас передать Хайяму мой салям
И вот такой ответ: совсем глупец Хайям.
Запретным я вино не называл. А впрочем,
Что можно мудрому, запретно вам, глупцам.

335

Лишь только в харабат, бродяга, помни путь,
Лишь там, где славно пьют, поют и любят, будь.
К возлюбленной прильни, кувшин вина добудь,
Блаженно захмелей, о глупостях забудь!

336

Эй! Отправляемся! С притона мы начнем,
Потом по кабакам блистательно гульнем,
Пропьем учебники, мою чалму загоним,
Вернемся в медресе - и учим разгром!

337

Как здесь азартно пьют! Подай и мне вина.
Развеселились так, что песня не слышна!
давай надеяться, что вышний Суд не скоро,
И наша скромная забудется вина.

338

По слухам, только те, кто правильно живут,
В раю получат то, к чему привыкли тут.
Мы без возлюбленных, мы без вина ни шагу,
Привычку эту пусть учетет небесный Суд!

339

Вином, коль ты влюблён, вспои веселье, на.
Ужалит эфа-скорбь, спасает зелье: на.
Я жизнью упоен! Да здравствует напиток!
Не пьешь?! Чем угощу?.. Грызешь ты землю? - на.

340

Нам и в раю вино Всевышний разрешил,
Так кто же здесь вино запретом окружил?
Верблюдице Хамзы подрезал пару жил
Один араб, так он запрет и заслужил.

341

Хлебнешь вина, и с глаз спадает пелена,
И суть противников становится видна.
Нарушил я зарок? Подумаешь, вина!
Зароков было - сто. Един - кувшин вина.

342

С чего, гадаешь ты, так скорбен этот свет...
Зачем терзать себя, когда ответа нет.
Не нам и отвечать - ты радоваться должен:
Творя все это, нас не звали на совет.

343

Ты сам достиг того, что жил прекрасно? Нет.
И сам ли ты себя подвел ужасно? Нет.
Живи легко, на все заранее согласный:
В игре добра и зла тебе все ясно? Нет.

344

Счастливчиков начнут однажды награждать,
Я буду милости, как милостыни, ждать.
По вкусу окажусь, так в их число запишут,
Никчемным покажусь - попросят не мешать.

345

Мы - по возлюбленным, а вы - по синагогам.
Вы нам сулите ад, вы в рай хотите... С Богом!
При чем тут грешники?.. Мы просто разошлись
По предначертанным от Господа дорогам.

346

Пора сказать себе, что я баклуши бью:
Запуганный вконец, меж храмами сную.
Да кто тебе, Хайям, наврал про ад какой-то?
Кто в ад заглядывал? Кто побывал в раю?

347

Уж я ли сотворить какой-то вздор боюсь?
Уж я ли на себя навлечь позор боюсь?
Творец огрех простит, ведь сам Он в день творенья
Такого натворил! - я до сих пор боюсь.

348

Адама одарил своей красотой; затем
Как другу лучшему отдал и свой гарем.
Владыка жертвует всей мировой казною,
Все - нам!.. Уж Он такой, султан, благой ко всем.

349

Пред Богом грешен ты, но не терзайся так,
Он сострадает нам, жалеет бедолаг.
Сегодня ты заснешь, упившись беспробудно,
А завтра Он простит истлевший твой костяк.

350

О сердце! что за блажь: пойти благим путем,
Любимую и хмель оставив на потом?!

Во славу всех услад испей из винной чаши:
Всевышним Избранный - наш кравчий за столом.

351

«Да где ж он, идол твой? Явил бы лик иль чудо», -
Такие вздорные я слышу пересуды.
А он внимает всем, присутствуя повсюду,
И награждает тех, кому и вправду худо.

352

Пока душа при мне, я буду пить вино,
Обогащая мир, нища заодно.
О Дух Земли! Земным я наслаждаюсь духом!..
А неземное - что? И для меня ль оно?

353

Сдружившийся с вином, всегда мужчиной будь,
Для собственных страстей всегда плотиной будь.
С учебником Любви весь век не расставайся,
Перед возлюбленной - с главой повинной будь.

354

Ну вот и рассвело. О неженка, вставай,
Несспешно пей вино, играй и напевай:
О тех, кто здесь еще (но слышится: «Прощай!»),
О тех, кто там уже («Назад не поджидай!»).

355

Дыхание зари прорвало полог тьмы.
Встань, кубок утренний из рук ее прими.
Страдать нам некогда. Являться будут зори,
Их лица будут - к нам, лицом в могилу - мы.

356

Нам стать бы ПЛАМЕНЕМ - чтоб небеса спалить!
ВОДОЙ волшебною - чтоб души исцелить!..
Но коль уж суждено нам жалкой пылью быть,
А миру - ВЕТРОМ... Что ж! Вино давайте пить.

357

Мы в кабаке Любви до нитки разоримся,
Мы, в пламени Любви сгорая, возгоримся,
Мы омовение совершим вином Любви
И к лицу идола с молитвой обратимся.

358

Я ночью сердцу дал познать восторг хмельной,
И, воспарив, оно влетело в мир иной!
Я видел ангела. Он говорил усопшим:
«Входи: ты с истиной. Уйди: ты с клеветой».

359

Эх ты, продавший жизнь, чтоб жить богаче нас,
На Смерть по глупости наткнувшийся, мечась,
На два столетия запасшийся вещами,
Забыв исхлопотать отсрочку хоть на час!..

360

Коль негой ты себя проразвлекал всю жизнь,
Усладами свой дух прозавлекал всю жизнь,
Когда придет конец, увидишь с опозданьем:
Тебя случайный сон проотвлекал всю жизнь.

361

Разумно ли судьбу увещевать весь век?
То славу, то позор переживать весь век?
Как ни веди ты жизнь, а Смерть идет по следу.
Решай, что лучше: спать иль пировать весь век.

362

Диковинный кувшин купил я как-то раз,
Кувшин меня своей чванливостью потряс:
«Я шахом был! Я пил вино златую чашей!..
Придется пьяницам прислуживать сейчас».

363

Не знаю до сих пор, лепивший плоть мою
Задумал место мне в аду или в раю?
Беру наличностью: пою, влюбляюсь, пью,
А рай обещанный - желаешь? - отдаю.

364

Я был у гончара, и вот что вижу вдруг:
Как колесо судьбы, вертя гончарный круг,
То днище лепит он, то ручку для кувшина -
Из ног поденщика, из падишахских рук.

365

Коль Бог не хочет дать желаемое мною,
Смогу ль я оправдать желаемое мною?
Коль благом полагать желаемое Им,
Придется злом считать желаемое мною.

366

Сподобился б Господь наш мир перевернуть!
Причем - сегодня же, чтоб я успел взглянуть,
Как Он решил со мной: иль имя зачеркнуть,
Иль дать ничтожному - в величие шагнуть.

367

Способное и дух над бренностью вознести,
И разуму подать спасительную весть,
И сердце укрепить, - вино я воспеваю
По слову Господа: «В нем польза людям есть».

368

Открой хоть эту дверь, коль «Дверь Открывший» - Ты.
Зарю зажги теперь: «Путь Озаривший» - Ты.
Я руку не тяну за милостыней скудной:
«Великой Милостью Нас Одаривший» - Ты!

369

О Боже! Сердце, в плен попавшее, прости!
И грудь мою, печаль познавшую, прости!
И ноги, в харабат бредущие, помилуй!
И руку, пиалу поднявшую, прости!

370

Не только в пятницу не перестану пить,
Горчайшее вино и в дни поста мне пить.
Но я-то чистый сок в бочонок лил!.. всевышний,
Не делай горьким сок! - тогда не стану пить.

371

Как долго проживу, мне сообщаешь Ты;
Не скучно, сотню лет мне обещаешь Ты!
Ну что же, сотню лет испытывать я буду,
Что больше: я грешу или прощаешь Ты.

372

Из вечной тьмы подняв и повелев мне: «Будь!» -
Ты щедрым был ко мне, в земной пуская путь.
Но отблагодарить не в силах я, прости уж,
Могильным прахом долг верну когда-нибудь.

4. НАЛИЧНОЕ БЕРИ, ОБЕЩАННОЕ ВЫБРОСЬ.

373

И те, кто изучал диковины земли,
И те, кто горний мир высматривал вдали,
Едва ли, думаю, смогли дойти до сути
И вряд ли что-нибудь уразуметь смогли.

374

Почтенный! Не считай, что в «завтра» ты проник,
Пустыми соблазнясь пророчествами КНИГ.
Кто предпочел познать «сегодня», тот постиг
И суть грядущего: век мирозданья - миг.

375

Не порыбачил ты, но хвалишь свой улов!
Не блещешь знанием, но говорун каков!..
Наставник истины добиться хочет сути,
А не звучания запомнившихся слов.

376

Хитры, пронырливы и вертки, как ужи,
Столпы невежества - «ученые мужи».
Они не расплетут загадок вековечных,
Зато уж наплетут такой красивой лжи!

377

«Путей за полог тайн земным созданьям нет.»
«Людей, готовых в путь к высоким знаньям, нет.»
«Коль не считать могил, в дороге сна им нет...»
Помилуйте! Конца таким стенаньям нет!

378

О многознающий! Мы спорим без конца,
Так заверши наш спор сужденьем мудреца.
Вот сказано: был Бог, и больше ничего, мол...
Совсем уж ничего? И - места для Творца?!

379

Коль завтра и мечеть, и нечестивый храм
Развалится, представь, как тяжко станет нам.
Без проповедников Бог знает что начнется!
Кто сам помчится в ад? Кто в рай захочет - сам?

380

дай благости, ходжа, хотя б немного нам:
Примолкни, чтоб разок расслышать Бога нам.
Мы вроде прямо шли, но ты так косо смотришь...
Иди лечи глаза. И дай дорогу нам.

381

Что у тебя, ходжа, плутающий во тьме,
Помимо зависти вселенской, на уме?
Мы всеми мыслями - в Творце, в Его творенье,
Ты - в женских месячных и всяческом деръме.

382

На то и сердце: Жизнь без суэты постичь,
Чтоб разгадать и Смерть, ее черты постичь.
Сегодня сам себя не понял. Ну так завтра,
Покинув сам себя, что сможешь ты постичь?

383

О светочи ума, ученый цвет земли,
Столпы обычаев, вы с факелами шли,
Но из пещерной тьмы не вывели наружу,
Нам сказок наплели, а сами спать легли.

384

Не жизнь, а черновик!.. Довольно пачкотни.
Журчащих кубков я не слышал в эти дни.
Восстань, возвеселись и пиалу наполни:
Мы сокрушим печаль, теперь мы не одни!

385

Возрадуют народ мои дела пускай!
А все клеветники сгорят дотла пускай!..
Беда, взамен друзей, ласкает бедолагу;
Ей, бескорыстнейшей, звенит хвала пускай.

386

Мужать и ликовать, коль жизнь отдать вину.
Черстветь и замерзать, коль быть у книг в пленау.
Иди вина испей, обзаведись румянцем:
Жевание сабзы вгоняет в желтизну.

387

В питейной лавочке спросил я старика:
Что ведомо о тех, ушедших на века?
А он: «Напейся впрок. Дорога далека,
Никто из них назад не приходил пока».

388

Всем грешникам страдать и корчиться в огне,
Но жадных я припекь советую вдвойне.
Ведь сам пророк сказал: «Коль жаден мусульманин,
И щедр христианин, - второй дороже мне!»

389

Пока не рухнул ты, от кубка Смерти пьян,
И пахарями в прах не втоптан, как бурьян,
С деньгами к нам иди! Монеты в мир загробный
Брать не советую, на них не тот чекан.

390

О мертвые сердца! Чтоб над судьбой восстать,
Утраты и года вернуть и наверстать,
Чтоб сразу в двух мирах два урожая снять,
Возможность лишь одна: ожившим сердцем стать!

391

Явилось чудище, обличьем – сатана,
Рубаха в адовом дыму закопчена, –
Разбило вдребезги оно (не «он» и не «она»)
Усладу страждущих, мою бутыль вина!

392

«Не пей вина!» – кричат, пророчат гибель мне,
Шумят про Страшный Суд, про пьяницу в огне.
Все так!.. А я на пир, и ну их, оба мира!
Блаженство и восторг – единственно в вине.

393

Твой обетшаает век – обновы нет, учти.
И мало лишь мечтать про лучшие пути.
Кувшином пей вино, отвергни чашу скорби:
Коль не разбить ее, кувшина не найти.

394

Покинув истину, скитаться – это что?
По тропкам алчности метаться – это что?
Уютное жилье покинуть – безрассудство.
А предпочтеть покой, остаться – это что?

395

Гони из сердца, друг, враждебный дух скорбей:
С красавицей вина прозрачного испей,
Сядь возле юноши, лицом его любяясь:
Сорочку старости сдери с себя скорей!

396

Гони из сердца спесь. Гордыне все не в прок,
Спесивцу не постичь один простой урок:
Сгибайся, как и все! Ведь жизнь как женский локон,
Где долго ли отстричь строптивый волосок.

397

Пускай там гурии кого-то в рай манят,
Нас виноградный сок и чаши знай манят!
Наличное бери, обещанное выбрось,
И бубны вдалеке других пускай манят.

398

Чуть песней словья прервется тишина,
Пора спуститься в сад, да подливать вина,
Пока не слышен плач завистливых кретинов:
«Кому-то пиалу налили дополна!»

399

Хмельное, лунный свет, игра свечи... Саки,
Хмельны и горячи уста в ночи, саки!
Живое сердце - ПРАХ, ОГНЕМ одушевленный, -
Чтоб ВЕТЕР не унес, ВОДОЙ смочи, саки!

400

Рассвет уж налился лазурью в тишине,
Пора бы и вином наполнить чашу мне.
Что истина - горька, давно известно людям;
Пора бы заключить, что истина - в вине.

401

Предвечный Птицелов подсыпал нам зерна,
И стайка поймана, «людьми» наречена.
Сам из добра и зла связал Он сеть вселенной,
А жертве говорит: себя винить должна.

402

Рассветной свежестью повеяло в окно.
Еще - прозрачность бы да прелесть заодно:
Пускай прелестница блаженством одаряет,
Смыает горести прозрачное вино.

403

На пир, влюбленные!.. И в круг мы сели все,
Про плетку Времени забыть сумели все,
Дозволенным вино хозяйствское сочли мы,
Довольны и вольны, так захмелели все!..

404

Испей вина! Мечтал бессмертным стать? - так вот!
И, юность воскресив, опять блистать? - так вот!
Под ливнем алых роз, друзьям хмельным на радость
На миг увидеть жизнь как благодать? - так вот!

405

Пока могу любить, пока вино я пью,
Плевать мне, лицемер, на проповедь твою.
Коль уготован ад способным упиваться,
Кто ж упоение почувствует в раю?

406

Те отдают вину и день и ночь подряд,
А те свою вину молитвой смыть хотят...
В неведомых волнах барахтаемся, брат.
Единый - бодрствует. Все остальные - спят.

407

Что в жизни вкривь и вкось, - когда-нибудь пройдет;
И радость, как и злость, когда-нибудь пройдет.
Благодарю, Аллах, что мир непостоянен,
И что бы ни стряслось, когда-нибудь пройдет.

408

Ваятель чудных чаш... Как не сказать о том,
Каким ваятель наш владеет мастерством:
Он чашу до краев наполнил черной желчью,
На пиршественный стол поставив кверху дном.

409

Что мне укор, Господь, что похвала? Избавь!
Ты слишком любишь лезть в мои дела. Избавь!
Меня, пока я трезв, добро и зло терзают.
Дай опьянеть! От пут добра и зла - избавь!

410

Печально: наша плоть из глины создана,
Поэтому всегда и влага ей нужна...
Ты снова от вина меня остерегаешь?
Зачем напоминать, что нет у нас вина.

411

Мой старый друг! Зачем переживать до срока,
Зачем внушать себе, что небо так жестоко?
Упрячься где-нибудь в укромном уголке
да и посматривай на развлеченья рока.

412

Ты мечешься, как мяч. Попал ты в кутерьму!
Тебя човганом Рок гоняет - почему?
Жестокая игра, как видно, одному
Ему понятная!.. Ему! Ему! Ему!

413

Коль к умному судьба безжалостна весьма,
И без ума от тех, кто вовсе без ума,
Смытай вином свой ум! Авось, судьба сама,
Безумца пожалев, откроет закрома!

414

Коль ты постиг, мой друг, в чьей воле этот свет,
К чему терзания, в которых смысла нет?
Вершил бы ты дела, тогда б и нес ответ...
Живешь единожды. Будь весел! - мой совет.

415

День-два отсрочки есть. Попьем же перед сном,
На жизнь оглянемся и постигать начнем:
Наружный этот мир разрушиться обязан.
Так разрушай себя - не чем-нибудь - вином!

416

Вот - чаша. Пьяница отчаянный, и тот
Скорее рухнет сам, но чашу сбережет.
А вот - гончар-судьба. Представьте: диво-чаши
Сама же создает - и тут же оземь бьет!..

417

Лишь сердце в горести, упав под ношей злой,
И о любви вздохнет, и вспомнит хмель былой.
Но нет вина? Постой, я принесу такого,
Что черпай пригоршней его как пиалой!

418

О сердце! Ты живешь, чтоб кровью истекать,
На миг вбирать ее и мигом иссякать.
А ты, душа, зачем явилась в это тело?
Итог твоих трудов - шагнуть отсюда вспять.

419

Мир – постоянный двор, мы только гости здесь.
Куда уж тут навек, на миг бы хоть присесть:
И здесь и там – Творец, Он занял оба мира,
Он всюду и всегда. А нас куда? Бог весть.

420

О сердце! Ворох тайн ты разберешь едва ль,
Уловку мудрую само найдешь едва ль.
Так вот: вино, шербет отлично рай заменят,
А в тот, небесный рай, ты попадешь едва ль.

421

О сердце! Прояви над этим миром власть,
Средь луга сад взрасти и радостью укрась,
Тогда и веселись, ночной росе подобно
Сев на заветный луг, а утром... испаряясь.

422

Пока за гранью тьмы вдруг не остался ты,
Испей вина! Смотри, с тоской расстался ты.
Распутай локоны подруги, прядь за прядью,
Пока, за прядью прядь, сам не распался ты.

423

Боготворю вино, его служитель – я,
Всегда хмельной страны счастливый житель – я.
Отшельник! Что внушил тебе тупица Разум?!
Не слушай, веселись. Его учитель – я!

424

душа над пиалой хмельной вдыхает дух:
Одушевивший жизнь, там отдыхает дух.
В недвижной жидкости – клубящееся пламя,
Рубин, журчащий так, что замирает дух!

425

Смотри, сколь дивный дух скрыт внутри кувшина,
Как будто розою чреват бутон жасмина!..
Нет, лучше так скажу: вот доброе вино,
Снаружи как вода, внутри – огонь рубина!

426

Саки! Так хочется свободы сердцу!.. но,
Как морю, из себя излиться не дано,
Не то что суфию: он так наполнен мутью,
Что льются: чушь – из уст, и мимо рта – вино.

427

Пируем над ручьем – вот так и надо жить!
Невзгоды нипочем – вот так и надо жить!
Уж коль нам десять дней отмерено, как розам,
Смеемся да поем – вот так и надо жить!

428

Ты, всеблагой Господь, и вправду всеблагой?
Но, кем же изгнанный, покинул рай изгой?
Безгрешного простить – насмешка, а не благо.
Я грешен. Награди! Тогда Ты – Всеблагой.

429

Кувшин, уста в уста, нашептывает стих:
«Сейчас твои уста теплее уст моих,
Сейчас беспечен ты... Но здесь никто не вечен,
Теченье времени оледенит и их».

430

Вино – всей жизни цвет. Нам дух застольй люб.
Вселившийся в бутыль, нам дух веселый люб.
Конечно, ни к чему любить людей тяжелых,
Но винный кубок нам как раз тяжелый люб.

431

Ту чашу красного в ладонь мою вложи,
Живого, страстного – в ладонь мою вложи,
Игристого, как цепь колец переплетенных
Безумья с разумом, в ладонь мою вложи.

432

Сколько можно весел будь. Еще страдать придется.
По телу павшему душе рыдать придется.
Вот чаша – голова. Но день пройдет иль два,
И снова гончарам ее топтать придется.

433

Так предписал калам: мечусь туда-сюда.
Добро и зло – его, а я виновен, да?
Я не был здесь вчера; я и сегодня не был!
Но что Судье прочтут назавтра, в День Суда?!

434

К чему зароки мне? Хоть умори меня,
Но винохлеб – не я, и не кори меня.
Для гостя знатного запретов нет, не так ли?
Презнатный винохлеб гостит внутри меня.

435

Смотри, не отдались, обманутый тоской,
От виночерпия, от чаши огневой:
Немало простаков прошло до нас с тобой,
Нашедших только скорбь в кормушке мировой.

436

Да что запрет вина! Взялкал – и выпивай,
Под музыку – рассвет, закат ли – выпивай.
Рубиновым вином когда наполнят кубок,
Ни капли не пролив, до капли выпивай.

437

Мой друг! Наш ветхий мир – угрюмый старый враль.
Неужто невидаль, что нас ему не жаль?..
Прошедшее – прошло, грядущее – туманно.
Сбылось ли, не сбылось... Подумаешь, печаль!

438

Твоя любовь ко всем – божественный чекан;
Тебе милей душа, чем слава или сан.
Ты примешь муравья, как гостя дорогого,
Хотя сейчас тебя ждет в гости Сулейман.

439

Наполню я вином однажды кубок свой,
Блаженствуя, склонюсь хмельною головой
Над сотнями чудес, раскрытых предо мной -
Над книгой пламенной, над речью ручьевой.

440

Вино среди друзей возносит - лучше нет,
А кубок, полный слез, уносит - лучше нет!..
Не хочет подлый мир обещанным делиться.
Напьюсь я, подлый мир! Подкосит - лучше нет.

441

Вино смывает хворь и дух питает мой.
Вино - подсказчик там, где ум витает мой.
Что ярче я найду, коль оба мира блекнут,
Когда глотком вина хрусталь сверкает мой!

442

Не важно мудрецам, светло или темно,
В аду заночевать, в раю ли, все равно,
Как и любовникам: атлас на них, палас ли,
Под жаркой головой подушка ли, бревно...

443

Везде Твои силки, Ты в них манишь меня,
И так разгневан Ты, когда пленишь меня!..
Ты повелел - огни вселенной воссияли.
Уж мне ль ослушаться? А Ты клеймишь меня.

444

Я под ноги Тебе однажды пьян свалюсь,
Расплескивая в пыль последний жбан, свалюсь,
Роняя с головы льняной тюрбан, свалюсь,
Запутан в локонах, как истукан, свалюсь...

445

Ты винный мой кувшин расколотил, Господь!
Из радости изгнал и дверь забил, Господь!
Багрянью струю небрежно пролил наземь!
да чтоб мне землю есть - Ты пьяным был, Господь?!

446

Творец! Каким хотел меня Ты сотворил,
Ты пламенем вина напев мой озарил...
Но ведь каким хотел меня Ты сотворил!
За что горю в аду? Ты что же натворил?!

447

Я в мире праха прах пошевелил... Конец.
Для ста врагов-друзей был мил-немил... Конец.
Но как?.. Но почему?.. Напрасные вопросы:
Как чашу, Ты меня налил, пролил... Конец.

448

Коль чаша гончару хоть малость удалась,
И спьяну б на нее рука не поднялась.
Как можно красоту прелестных рук и глаз
Любовно так лепить - и разбивать, озлясь?

449

Кувшин, уста в уста, прошу в тоске хмельной
Сказать о способе продлить мой век земной.
В ответ, уста в уста, секрет он шепчет свой:
«Я прожил, как и ты, лишь миг!.. Побудь со мной».

450

Как много раз весна цвела до нас с тобой,
И сколько прежних зорь погашено судьбой!..
Ступай нежней! Не пыль, - прекрасные когда-то,
Угасшие зрачки тревожишь ты стопой.

451

Придет однажды срок, и сгинем мы с тобой,
Усталые тела отринем мы с тобой.
О, сколько же веков луне сиять над прахом,
Который навсегда покинем мы с тобой!

452

Примерно семьдесят учений разных есть.
Я культ любви к тебе хотел бы предпочесть.
Что «грех» и что «ислам»? Что «святость» и «смиренье»?
«Мечтаю о тебе!..» И слов превыше - несть!

453

Вот сердце казни ждет, а ты приветь добром;
Зло наплело узлов, распутай сеть добром.
Ты зла или добра? Ты ослепила друга.
Коль нужен добрый друг, придет он - встреть добром.

454

Столь редкостный нарцисс любить никто не прочь,
Красу китайских див забыть с такой не прочь!..
Лишь подмигнула ты владыке Вавилона,
Его ладьи с доски, и ферзь, и кони - прочь!

455

Полураспахнуты призывно полы роз!..
Твой воротник душист, как те подолы роз.
Ты так пленительна, что даже бисер пота
Прелестнее росы, пленившей долы роз.

456

О, как возвеселить умеешь праздник ты!
И сердцем, и лицом согреешь праздник ты,
Во славу праздности и в честь любви и счастья
Впусти на свой порог скорее ж праздник ты!

457

Твои любовь и гнев сумел создать Творец,
Былые рай и ад приняв за образец.
Пирую у тебя - в раю, и виноват ли,
Что путь в небесный рай забыл уже вконец!

458

Привстань, подай вина. Довольно болтовни,
Сокровищницу уст на эту ночь замкни.
Как мил румянец твой!.. Плесни ж и нам румянца.
Как локоны твои, коварно вьются дни.

459

Мечту в объятия поймать нам не дано,
Вина заветного вкусить не суждено,
Нам - гуща горькая со дна лазурной чаши,
Ни для кого из нас - небесное вино.

460

Сошлешься: некогда, мол, не сейчас, - и ладно;
Знакомой песенкой согреешь нас, и ладно.
К чему кинжалный взгляд? За что нас убивать?
Привычной плеткою согреешь раз, и ладно.

461

Брось пыжиться, кумир! Кривляние смешно,
Зазнавшихся божков и без тебя полно.
Спокойно предстань, узлы бровей распутай,
А на влюбленного кричать совсем грешно.

462

Любовью всяк из нас к тебе влеком пускай,
Сгорает в пламени он мотыльком - пускай!..
Но обжигать его увертками - доколе?!
С увертками в любви я не знаком пускай!

463

Невежда! За любовь меня страшать нельзя,
А спорами о ней тебя смущать нельзя.
Нам дан шербет любви, как лакомство мужское,
Скопцов и немощных им угождать нельзя.

464

В душе бесчувственной любовь не воспитать;
И сладострастнику ее не испытать.
Так не подсматривай сердечные влеченья.
Себя ограбил ты - как человеком стать?!

465

Опять про Первый День? Опять про Вечный Свет?
Науку я ценю, но это пустоцвет.
Вернемся к радости. Вину замены нет.
И коль вопрос глубок, дает вино ответ.

466

Вино - багряных роз хмельной настой, не так ли?
Бывает ал, как лал, хрусталь простой, не так ли?
Рубинами горит волна порой, не так ли?..
Луна - не Солнце ли, но под чадрой? Не так ли?

467

Хайям! Судьба дарит пеняющему ей
Такой позор и срам, что пыток пострашней.
Так наполняй хрусталь, под пенье чанга пей,
Пока не твой хрусталь сверкает меж камней.

468

Достоинство: Творцу покорствовать в делах.
Вот я смиренно пью, как начертал Аллах,
Вино смиренно пью и не посмею бросить,

469

Как сердцу-птице знать, кормушка здесь иль сеть?
Вот это к чаше путь, а это путь в мечеть...
Привычно пьян, влюблен, что должен предпочесть?
В монастыре я ноль, а в кабаке мне честь.

470

Привет тебе, кабак, где славно жили мы,
Где зарекались пить и тут же пили мы.
Коль я не нагрещу, откуда быть прощенью?
Прощение красно, коль нагрешили мы.

471

Бог глину замесил, составил мой костяк,
Вложил клубок страстей, внушил мне каждый шаг...
Прикажет, и греха не избежать никак.
А в день Суда - в огонь?.. Он что, задумал так?!

472

Уж будто Божий раб в аду, в огне - сгорит?
Наружный слой грехов, понятно мне, сгорит.
Я руку в рукаве, вином его смочивши,
Могу сто раз в огонь, обратно... Не сгорит!

473

К нам подойди, кумир, а то в печали мы,
Без помощи твоей в тупик попали мы:
Пока не стали мы кувшинами в гончарне,
Охотно бы кувшин сейчас почали мы.

474

Скорее! Пусть рубин зажжется в хрустале,
Пусть наш душевный друг возникнет на столе.
Все мирозданье в пыль вот-вот развеет ветер!..
Успей подать вина, пока мы на земле.

475

Здесь пировал Бахрам... Но пищественный зал
Теперь убежищем лисы и лани стал.
Как ловко ты, Бахрам, охотился на гуров!
И доохотился, и тоже в ГУР попал.

476

Хмельной, из кабака к мечети направымик
С молельным ковриком и кубком шел старик.
Спросил я: «Согрешил, ты не боишься, старец?!»
А он в ответ: «Испей! Все выветрится вМИГ».

477

Испей же! Во хмелю забыться можно так,
Что сгубит сам себя беснующийся враг.
«Кто трезв, тот и богат». Увы, к несчастью сердца,
Богат он мыслями про замогильный мрак.

478

Про время что гадать: имею или нет,
Век радостно дожить сумею или нет?
Плесни скорей вина, а то ведь сам не знаю,

479

Я с миром призрачным особо не чинюсь,
Внушениям забыть вино – не подчинюсь.
«Вот искупать вину Творец тебя заставит!»
Заставит? Лично сам?.. И то не повинюсь.

480

Власть, Божьей равную, имел бы я когда,
Нелепый небосвод низверг бы без следа,
Потом бы заново воздвиг иное небо,
Сердцам благих людей послушное всегда.

5. ВТОРИЧНО НЕ ЦВЕТУТ
УВЯДШИЕ ЦВЕТЫ

481

Кто здесь не очернен грехами, объясни,
Какими занят он делами, объясни?
Я должен делать зло, Ты – злом воздать за это.
Какая разница меж нами, объясни?

482

Ты, покорив меня, не многого достиг.
И от грехов моих убыток не велик.
Вручать и отбирать не утруждайся больше:
Вручаешь поздно Ты, а отбираешь вмиг.

483

Господь! На твой призыв: «Покорствую!» – скажу.
«Смирись!» – «Но разве я упорствую?» – скажу.
«Приди ко мне, Я щедр, и Я прощаю», – скажешь.
Приду. «Жестокое притворство!» – я скажу.

484

Я – возмущенный раб: Твое вниманье – где?
Когда на сердце ночь, Твое сиянье – где?
Ты раем наградишь покорных?.. Как постыдна
Торговля щедростью! Благодеянье – где?!

485

Колючка пусть одна на площади на всей –
Бедняк из бедняков поранен будет ей.
Вот уж воистину: повсюду и любые
Весы склоняются туда, где тяжелей.

486

Вот чаша – чудный труд великих мастеров!..
Но видишь ты теперь лишь россыпь черепков.
Не вороши ногой дорожный мусор, помни,
Что эти черепки – из прежних черепов.

487

Саки! Твой кубок чту страною Золомат,
К живому роднику всегда припасть я рад.
В сей жизни только ты достоин восхваленья,
Ты стал Мухаммедом – тебе наш «салават»!

488

Просвета в жизни нет, недолго до сумы,
Тщета людских хлопот заразнее чумы... .

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

Зато причинами для бед и кутерьмы,
Хвала Всевышнему, всегда богаты мы.

489

Прелестный наш саки! Мы любим жить взахлеб.
Порадуй страждущих, устрой хмельной потоп!
А кто в тайфун скорбей боится окунуться,
Пускай бежит в ковчег спасаться, словно в гроб!

490

Саки! Мы вроде чаш. Вот я люблю и пью,
Поскольку начертал лепивший плоть мою:
«Се - для красавицы и для вина земного,
Потом - для вод хмельных, для гурии в раю».

491

Саки! Какой глоток ты выплеснул во ПРАХ!..
А как же наш ОГОНЬ в заждавшихся сердцах?!
Ты нес лекарство нам, но выпустил на ВОЗДУХ
Струю живой воды!.. Прости тебя Аллах!

492

К чему в саду твоем тоска и грусть растут?
На Книгу радостей направь душевный труд.
Будь упоен вином, а с робким сердцем крут:
Ведь видишь бег минут! Ведь все оставишь тут!

493

Два мудрых правила, мой милый, не забудь,
В них опыт вековой и жизненная суть:
Жить лучше впроголодь, чем есть все без разбору,
И лучше одному, чем вместе с кем-нибудь.

494

Добрь и враг, и друг ответствуют добром,
И эта доброта не знается со злом.
Врага получишь ты, злом отвративши друга,
И друга обретешь, став ласковым с врагом.

495

Поможет мне чужой - почту его своим;
А отстранился свой - сочту его чужим.
Врученный другом яд - противоядьем станет;
Подаст противник мед - вонзит и жало с ним.

496

Пусть у меня давно не жизнь, а стыд и срам,
А ты утратил счет удачливым годам,
Но так или не так, посматривай на небо:
Что там, за пеленой, теперь готовят нам?

497

Хочу в Небытие! Шагнув за пелену,
Со скверного пути на верный поверну.
О жизни, простаку одолженной Всевышним,
Зачем переживать! Потребует - верну.

498

Завлек меня Творец в трясину бытия.
Что за корысть Ему растерянность моя?
Мы с отвращением сбежали, знать не зная:

499

Власть бестолковую подальше обходи:
«Немедля сделай, мол, но делать погоди!»
Попало, как в капкан, в Его запрет и волю
Все человечество: «Склонись! Не упади!»

500

Ты - пепел! В пекле вновь тебя испепелят.
О, пламенем тебя уже доставший ад!..
Не хватит ли, Омар, возвзаний к милосердию?
Считаешь, твой урок Творец услышать рад?

501

Когда кувшин вина возник перед тобой,
Спокойно распивай в компании любой.
Создатель создал мир и мирно почивает.
Теперь и сами мы с усами, с бородой.

502

Жасминам - по весне цвести, лаская взор,
Влюбленным - по ночам искать звезду Алькор...
Садись! Попьем вина! Вот и лужайке этой
Столетьями дремать под чай-то разговор.

503

Напитком вечности зовут вино. Испей.
Веселье мира в нем воплощено. Испей.
Пускай захватит дух и обожжет, как пламя,
Зато огонь беды зальет оно. Испей!

504

«Оттуда, где про хмель и представленья нет,
Где дивного лица для вдохновенья нет, -
Пусть это даже рай, стремглав беги оттуда!..»
Вот так слагай слова. В твоих - горенья нет.

505

Вот на небе Тельца блистающий венец,
А под Землею скрыт подобный же Телец.
Меж этих двух быков - прозрей же, наконец,
Взгляни, каких ослов порасплодил Творец!

506

Невежды, падкие на шутки Бытия!
О хитростях его предупреждаю я.
Чем на ветер пускать прелестнейшие годы,
Друзей ищите здесь, где винная струя.

507

Благоухающий подай мне лал, саки:
Я вновь от спорщиков сюда сбежал, саки.
Подай кувшин вина, пока в ладонях рока
Наш прах - и мой, и твой - горшком не стал, саки.

508

Не кубок джама, нет! - мне мил твой лик беспечный;
Твой скоротечный путь милее жизни вечной.

Спеши, саки! Взвивай светящуюся пыль,
Чтоб в небо вознеслась и Путь затмила Млечный!

509

Саки! Без вожака бредем по тропам лет,
И только старец-хмель способен дать совет.
Скитальцев отогреть – что может лучше хмеля?
Глоток живой Воды? Струя Кавсара? – Нет!

510

С уроков, от наук всегда сбежать прекрасно,
Подругу милую к себе прижать прекрасно!
Пока Судьба твою не проливает кровь,
Кровь лоз по кубкам лить, в траве лежать – прекрасно!

511

О хмель прозрения! Рабам рассудка нет
Спасения от пут; но коль из кубка лет
Питать тобою дух, – вокруг забрезжит свет,
И вдруг сверкнет в руке заветный самоцвет.

512

Намазу и посту поменьше доверяй,
Зато почаще дом кутилам отворяй.
Тебя Омар Хайям напутствует, послушай:
Богатых обирай, а нищих одаряй.

513

Вопрос незрячего: где кубок Джама взять?
Ты должен все и вся сомненьем истерзать,
Чтоб той, потом другой допрошенной пылинке,
А там уж и всему – волшебным кубком стать.

514

Когда сподобишься испить вина, гляди,
Не рухни в обморок, в безумство не впади!
Чтоб заслужить к вину рубиновому доступ,
Людей не притесняй и буйства прекрати.

515

Тебе ли до конца понять наш бренный свет,
Где все кончается – конца началам нет?
Как праздник принимай занявшийся рассвет,
А прежний – не мечтай найти под грудой лет.

516

Как буйно в медресе, и в кельях, и в церквях
Растут стремление в рай и перед пеклом страх!
Но тот, кто разгадал и вызнал тайну Бога,
Не сеет сорняков в доверчивых сердцах.

517

Пируй! по крохе плоть рассыплется, а там –
Кувшином кочевать уж по чужим пирам.
Не слушай слов про ад, не обольщайся раем:
Умно ли доверять торгашеским речам?

518

Корану мудрому – заслуженная честь,
Но нету времени, чтоб за него засесть.

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
На донце пиалы волшебный стих начертан,
Который надо бы еще разок прочесть!..

519

Укройся, как огонь, в земную твердь, саки,
Так и туда водой проникнет Смерть, саки.
Не прах ли этот мир?.. Певец, порадуй песней.
Не ветер ли - душа?.. Вином приветь, саки.

520

Не проходи, саки, прости, спаситель мой,
Что я издалека тянусь к тебе с мольбой!..
Когда ты прочь идешь, любому сердцу гибель.
В любой душе восторг, когда мы вновь с тобой!

521

«Представь, - я слышу, - ад, огонь, горящий там,
И вспомни, что тебе воздастся по грехам!»
Но кто бывал в аду? Кто зrimо грех мой видел?
А если нет, зачем такие страсти нам?

522

Пристрастие к вину - великая вина,
Но свойствами вина оправдана она.
Зачем я пью вино? Дыханье очищаю
Благоуханием прекрасного вина.

523

Питье греховное, для нас вино - услада,
Такой красавицей поднесено - услада!
Как сладостно горчит запретное вино!..
Так вечно: если что запрещено, - услада.

524

Чтоб только в рай попасть, терзает плоть аскет.
Кому столь жуток ад, - не муж, а пустоцвет.
«В раю не ведают печали и страданий».
Выходит, рай - для тех, в ком состраданья нет.

525

В горячке я лежу. Какой плачевный вид!
И так-то нет вина, и лекарь запретит!..
Уже по-всякому лечился я и знаю:
Коль не считать вина, мне все сейчас вредит.

526

Не время ли цветам?.. чтоб яркий луг возник,
Придется шариат нарушить напрямик.
Цветущих созову, чьи щеки как тюльпаны,
Присяду на траву, глотну, взгляну, - цветник!

527

Дать нищему вина - царем предстанет он;
Лисенка подпоить - на льва восстанет он;
И мудрый во хмелю по-юному воспрянет;
А юный будет пить - мудрее станет он.

528

О сердце! Твой урок: «Прими печаль и кровь,
Иль все сочти игрой, войдя под звездный кров,

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

Иль, зная наперед, какой здесь беспорядок,
Внуши себе, что ты живешь вовне миров».

529

Соль мироздания - в красавице и хмеле;
Я здесь освоился и не хочу отселе.
Не зная, пьян ли, трезв, блаженствую, пока
два мира дарят мне один глоток веселья.

530

Рука черпнуть воды искала!.. Не сбылось.
А ноги жаждали привала!.. Не сбылось.
Но более всего обидно мне за сердце:
Как сладостно оно мечтало!.. Не сбылось.

531

Мечтаю вырваться из клетки Бытия,
Из буйнокрасочной расцветки Бытия
В благоуханный мир иной, где можно счистить
С души позор и срам, как метки Бытия.

532

О тайнах Бытия, что стали ясны мне,
Тайком пишу в тетрадь: болтать опасно мне.
Во всей вселенной нет такого человека,
Кто понял бы меня... Вот что ужасно мне.

533

Про Зло с Добром ни с кем нельзя мне говорить,
Хотел бы, но совсем нельзя мне говорить,
И маленький намек нельзя себе позволить!..
Хранитель тайны - нем. Нельзя мне говорить.

534

Нет, солнце глиною замазывать не стану,
О тайнах времени рассказывать не стану.
Из моря мудрости жемчужину мою
Не только что сверлить, показывать не стану.

535

Неужто б я возвел хулу на Божество!
Здесь не было сердец вернее моего.
Но если даже я дошел до богохульства, -
Нет мусульманина! Нигде! Ни одного!

536

Живым и мертвцам, всем досаждашь Ты.
Не мирозданье - хлам нагромождаешь Ты.
Порочен я, Твой раб, так принуждаешь - Ты.
На людях нет вины! Грех порождаешь - Ты!

537

Покинуты Тобой - рыдаем? Нет и нет!
В отчаянье живем, страдаем? Нет и нет!
Хоть мы от нищеты порой в тоску впадаем,
Но по Тебе тоски не знаем: нет и нет.

538

Когда проник бы я к Скрижали мировой,
И стер бы прежний текст, и начертал бы свой,

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
Освободив сей мир от скорби вековой...
Вознесся б до небес счастливою главой!

539

Обязанность небес - жестокая страда:
Чуть роза расцветет, растопчут без следа...
Когда бы тучей прах вбирался, как вода,
Кровавые б дожди лились до дня Суда.

540

«Какое золото вокруг швыряла я,
Какою радостью вас одаряла я!..
Теперь я ухожу, - пожаловалась роза. -
Был полон кошелек, все разбросала я».

541

Рок, обожающий преступный произвол,
Ты храм насилия и глупости возвел.
Лжеца одаришь ты, а мудреца ударишь...
Ты выжил из ума? Иль отроду осел?

542

Испей вина! В земле заснешь навечно ты
Без милой, без врага, без друга, без четы.
Загадку не постичь, хотя слова просты:
«Вторично не цветут увядшие цветы».

543

Когда пришла пора печали превозмочь,
Пытай, мятежный дух, трудись, гони их прочь:
В день первый, во второй, и в третий, и в четвертый,
И в пятый, и в шестой, в субботу, - день и ночь!

544

Вино у гурии певучей если есть,
Ручей под ивою плакучей если есть,
Неужто это все про ад тебе напомнит,
Коль даже дивный рай - не лучше (если есть!).

545

дни, как любых бродяг, побором облагай:
На ложе радости пред кубком возлегай.
Хулоj, как и хвалой, пресытился Всевышний,
Желанное - своим без спроса полагай.

546

«Гуляка! - звонкий зов я слышу по утрам, -
Оставь безумный мир! Беги в питейный храм!
Скорей, пока вино доступно в полной мере,
Пока не налили по полной мере нам!»

547

Саки! Ведро вина багряного неси:
Похмельем болен я, вот хмелем и спаси.
Я - павшая бутыль, кровь вылилась из сердца!..
Тут мешкать можно ли, у совести спроси!

548

Зачем я пью вино? Шататься под луной?

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

Прохожего пугать бравадою хмельной?..
Я из беспчувства вытягиваю душу,
Затем и пью всегда, причины нет иной.

549

С подругой на лугу вино из кубка пью,
А рай обещанный, желаешь, отдаю.
Вы все на «ад» и «рай» так дешево купились!
Кто в ад заглядывал? Кто побывал в раю?

550

Пусть гурию опять я завтра обниму!
И чашу пусть опять я завтра подниму!
«Ах, подари, Господь, раскаянье ему!»
Да не подарит он. Да я и не приму.

551

Угомонись и брось весельчаков корить,
Подножки ставить им и пакости творить.
Однажды ты поймешь, как мало жить осталось,
Тогда разучишься мгновеньями сорить.

552

Как жалко мне вельмож! Наградам несть числа,
Но нет и радости в плена алчбы и зла.
Однако честный муж, от жадности свободный,
для них не человек. Вот странные дела!

553

С тоской никто из нас не дружен. Хорошо.
И пусть ни крошки нет на ужин, - хорошо.
С незримой кухни тайн мы получаем пищу,
И чужакам наш хлеб - не нужен. Хорошо!

554

С души страдания снимают пелену:
Дождинка жемчугом становится в плена.
Стал неимущим ты? Так голова целее.
Испил ты кубок свой?.. Я вновь тебе пlesну.

555

Прожить за шестьдесят себе как цель не ставь,
Ни в грош хулу ханжей и пустомель не ставь.
Пока что из тебя кувшин не изваяли -
Кувшина в сторону, пока в нем хмель, не ставь.

556

В кабак собирались те, кого терзает жизнь,
Кого палит огнем и истязает жизнь...
И кубок возле губ замрет под звуки песни:
"Печали уплывут... как ускользает жизнь".

557

Постой! Пустой игрой страстей тебя манят.
И меч уже сверкнул, а ты, беспечный, рад!..
Не лепечи хвалу, халву судьбы вкушая:
Густой как патока в нее подмешен яд.

558

Уж как воззрился ты, глазастый!.. Но, заметь,
Страница 86

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

Без сердца ничего не сможешь разглядеть.
Из кубка винного спеши хлебнуть сегодня:
до послезавтра, что ль, намерен так сидеть?

559

Где та прелестница - где лал твой бадахшанский?
Где прежний мир в душе и новый хмель рейханский?
Мой друг, не пировать грешно, а горевать! -
Слегка ослышался законник мусульманский.

560

Омоемся вином: воды достать нельзя.
Дурному имени отмытым стать нельзя...
Давайте ж пировать! Халаты чести нашей
Поизодрались так, что залатать нельзя.

561

В мечеть мне путь закрыт, на церковь я плюю -
Бог знает что Творец пустил на плоть мою.
Как девка гнусен я, как иноземец пью...
Нет веры, нет судьбы, местечка нет в раю.

562

Кутила в кабаке всегда царит пускай!
Ханжа разгневанный в огне горит пускай!
То рванью дервишской, то синею сутаной,
Чтоб ноги вытирать, порог покрыт пускай.

563

Вон розовый бутон, он как бутыль навис;
Став кубком, ждет вина раскрывшийся нарцисс.
Блаженство в день такой кувшином опустевшим
У входа в майхану пасть головою вниз!

564

Усами все полы подмел я в майхане.
Возня добра и зла давно постыла мне.
И если, все круша, столкнутся бездна с небом, -
«Ха, где-то звякнул грош!..» - пробормочу во сне.

565

Найду кирпич, и тот в кабак немедля сдам
Хоть за глоток вина. И пусть пеняют нам:
«Ах, расточители! А деньги где на завтра?» -
«Продам халат, чалму. Ткала их не Марьям!»

566

Уж так меня честят распутником всегда...
Но я почти святой! Нет у людей стыда!
Я строже их блюду запреты шариата!
Что? Мужеложство, блуд и пьянство?.. Ерунда!

567

Вернитесь! Все, кто здесь непраздно жил, вернитесь,
Кто пьянством и хулой ханжей страшил, вернитесь,
К порогу нашему, в компанию друзей -
Любой, кто брал зарок и вновь грешил, - вернитесь!

568

От божьих-де щедрот распутным проку нет,
Страница 87

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
и без зароков-де преград пороку нет.
Но сладкоустых тут, но среброгрудых сколько!..
По-мусульмански ли склонять к зароку? Нет!

569

Господь! Саму Любовь Ты сотворил, гляди,
Душистый плен кудрей!.. Но как же, посуди,
Ты запрещаешь мне красою любоваться?
Запрет совсем как тот: «Склонись! Не упади!»

570

Пусть адрес мой – «кабак», пусть «Винный Омут» – я,
Пусть «Виноверец» я, по мнению дурачья.
Но я – вселенский дух в зороастриском храме,
Грешит по кабакам одна лишь плоть моя.

571

Секрет от подлецов приходится скрывать,
От болтунов-глупцов приходится скрывать.
Смотри, для всех людей ты что-то делать начал?
От всех людей лицо приходится скрывать.

572

Задумай людям зло, и будешь сам не рад,
Другим напортишь раз, зато себе стократ.
К тебе – с добром, а ты – со злобой!.. Но поскольку
Добра не видишь ты, вся злоба – невпопад.

573

Людей не трогаю, когда хмельное пью,
И знает лишь фиал назойливость мою.
Куда мне до тебя! Перед вином склоняюсь,
Но самому себе поклонов я не бью.

574

Про гордость в нищете, достоинство и честь –
И про бездушие, заносчивость и спесь:
Меня в огонь сажай, скажу спасибо, сяду,
Тебя к столу зови, побрезгуешь присесть.

575

Над улочкой лачуг возвысилась луна,
Шатер на небесах раскинула она.
И вдруг ослиный рев из стойла: «Ночь черна,
И жить не стоило, коль миру грош цена!»

576

Коль ты не пьешь вина, так нас позорить рад,
Излитъ поток хулы готов на всех подряд.
Нашел гордиться чем: пускай вина не пьешь ты,
Но сотни дел твоих презреннее стократ!

577

Ушедший, хоть один, вернулся бы хоть раз,
Из-за покрова тайн принес тебе отказ:
«Коль в чем нужда у вас, так нужен не намаз!..
И что был за намаз? Так, для отвода глаз».

578

Мрачна в тебе душа. Гашишем допьяна

Возьми и накурись, не то - испей вина.
Не хочешь этого, того не хочешь, суфий?..
И впрямь ты каменный. Грызи же камни, на!

579

Лозы-невесты честь, безумец, пожалей!
Смывай с себя грехи, но кровью-то - своей.
Всю землю искровавь, тысячекратно каясь,
Но ни глотка вина на землю не пролей!

580

Вина хлебнув, гора, и та сплясать не прочь.
Порочный выродок, вино-то не порочь!
Да в чем мне каяться, когда вино - наставник,
Так помогающий пороки превозмочь!

581

Во мне противник мой все время видит зло.
О Боже, до чего ему не повезло!
В меня ли он глядит? Он в зеркало глядится
И видит там весьма отвратное чело.

582

От ненависти все, что ты мне говоришь:
Безбожник-де, попрал святыни, говоришь.
Ты верно говоришь, но сам, сказать по чести,
Куда как мерзостней, а ты не говоришь.

583

Как богословские ты вызубрил вершки!
Вот и запутался, где Бог, а где божки.
Начнешь молиться, лбом покрепче оземь трахни,
Чтоб наземь вытряхнуть мякину из башки.

584

Пленившись блеском чаш, рука моя права,
Уж ей ли книжные вычерчивать слова!..
Ты - высохший аскет, а я - не просыхаю.
Смешно пугать огнем размокшие дрова!

585

Эй ты! Кляня пьячуг, хватил ты через край,
Здесь люди добрые, слова-то выбирай.
Ишь важность: пьют, не пьют... Испей вина, опомнись:
Пока творишь ты ад, тебя не пустят в рай.

586

Того, что радости хранителем зовут,
Сердце разрушенных целителем зовут,
Мне кубок, два, и три, полней, да поскорее!
Спаситель!.. А его губителем зовут.

587

Дороже сласть вина, чем власть царя Кавуса,
Кубада грозный трон, наместничество Туса.
И на рассвете стон влюбленного - святей
Молитв отшельников, сбежавших от искуса.

588

Мечтаю, лицемер, чтоб ты оставил вдруг,
Не портил нам нытьем хмельной разгульный круг.
Ты вздохи предпочел и четками оплелся,
Остались нам - вино и юный смех подруг.

589

Молельный коврик чтить пристало лишь ослам:
Ханжи и плуты в рай ползут по тем коврам.
Святыми - чудеса! - становятся святоши,
Что сделали себе подстилкою ислам.

590

«Полно у казия и муфтия бумаг,
Весь Божий путь по ним обскажут, что и как», -
Так прежде я считал, в конце пути лишь понял:
Невежды, как и я. За кем я шел, простак!..

591

Вчера, безмерно пьян, иду в кабак ночной,
Навстречу мне кувшин несет старик хмельной.
«О старец! Почему ты не стыдишься Бога?» -
«Господь всемилостив. Испей вина со мной».

592

Блудницу шейх корил: «Ты любишь пить и петь,
Тебя любой ловец заманивает в сеть!» -
«Ты прав. Я такова, какой меня ты видишь.
А то, что вижу я, - таков ли ты, ответь!»

593

И стыд: венцом заслуг хвалу толпы считать, -
И срам: на небеса кивая, причитать.
Душистым торговать вином предпочитаю,
Чтоб тяжкий дух ханжей поменьше замечать.

594

Тот не мужчина, в ком настолько нрав дурной,
Что не польсти ему, избрьзжется слюной.
Вон тот наглец - «Ладонь, дарующая Благо»?
Хитрец! И впрямь ладонь... но тыльной стороной.

595

Сторожевого пса в тебя вселился дух:
Где речи бы звучать, одно рычанье вслух,
Обличием - лиса, опасливостью - заяц,
Броском коварным - барс, к слезам по-волчьи глух.

596

«Путем Аллаха» слыл ходжа - «Рохалло Ку»,
Ох и потешил спесь он на своем веку!
А нынче на его дворце сидит кукушка
И вспомнить прозвище не может: «Ку... Ку-ку..»

597

Вот и вернулся ты! Но - с согнутым хребтом,
Забыт по имени, ты вьючным стал скотом.
Холеных пять ногтей срослись в одно копыто,
Сместилась борода и сделалась хвостом.

598

Вокруг – толпа ослов. У каждого, увы,
Бездумный барабан на месте головы.
Ты хочешь, чтоб они тебе лизали пятки?
Прославься чем-нибудь. Они – рабы молвы.

599

Достоин славы тот, кто впрямь не пустослов,
Кто стать как кипарис, как лилия, готов:
Он – сотней рук своих – и не взмахнет ни разу.
Она всегда молчит – десятком языков.

6. ЧТО ЗНАЧИТ «ПУТЬ КУТИЛ»,
ЧТО ЗНАЧИТ «ЗЕЛЬЕ ПИТЬ»?

600

Спросил ты: чем узор земли и звезд рожден?
Мир древен. Многолик. Как море, протяжен...
Такой узор порой покажется из моря,
А вскоре в глубину опять уходит он.

601

Стихии сочетав, Хозяин сплел узор.
За что же выбросил его в ненужный сор?
Коль вышло хорошо, уничтожать – зачем же?
Коль вышло кое-как, тогда – кому укор?

602

Довольно плакаться! Подумаешь, беда,
Что так стремительно проносятся года.
Подумай, кто-нибудь остановил бы Время,
Пришел бы твой черед родиться? Никогда!

603

На роскошь Бытия не зарься, ни к чему,
Добро и зло судьбы равно влекут во тьму.
Ты жив, и хорошо... Круженью неба тоже
Прерваться точно так, как веку твоему.

604

Где скверное вино, пируют без помех;
Где церемоний нет, царит веселый смех.
Кончай завидовать завидной чьей-то доле,
Возрадуйся, что ты живешь не хуже всех.

605

Подай вина! От мук один бальзам – оно.
Надежду на любовь дает сердцам оно.
Милей, чем небосвод – кошмарный череп мира, –
Единственным глотком дороже нам – оно!

606

Как миской нас накрыв, небесный кров лежит.
Под ним, растерянный, его улов дрожит.
У неба к нам любовь, как у кувшина к чаше:
Склоняется он к ней, меж ними кровь бежит.

607

Пьянчуги! Суть миров в вине воплощена.
Вон – солнце: пиала небесного вина.
Хоть цель творения от всех утаена,
В брожении хмельном отышется она.

608

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
Винопоклонникам известен мир иной.
Мы будем за вино платить любой ценой.
Я во хмельном пылу непостижим? Не диво.
Хмельной понятен тем, кто знает пыл хмельной.

609

Вести себя умно – с какой же стати нам?
Ни в чем и никогда нет благодати нам.
Так наливай вина, покуда не случилось
В гончарной мастерской кувшином стать и нам.

610

В какой-то день вино закончится, тогда я
Отвергну и бальзам, в нем яд подозревая.
Мой отравитель – мир, вино – целитель мой:
Хлебну, и не страшна отрава мировая.

611

давайте же, друзья, беспутство освятим:
Не Богу пять молитв, а дружбе посвятим.
Где пиала – мы там; несут кувшин – смотри-ка,
Как шеи все длинней, как тянутся за ним!

612

Скажи певцу, пусть он свистит, а не поет.
Что странного? Взгляни на трезвый этот сброд.
Возьми такую же безмозглую скотину:
Насвистываешь ей, тогда скотина пьет.

613

Зароки прочь, когда дарю тебе вино я,
Не то стократною измучишься виною.
И роз любовный зов, и грэзы соловьев...
Ну, кто же на себя зарок берет весною?

614

Ах, насладись вином! Пускай спасет тебя
От скорби двух миров, от всех забот тебя
Глоток живой воды, струящееся пламя!..
Вот ветер вздует прах – и унесет тебя.

615

Хлебни! – и жалких благ, лишений – больше нет.
Семидесяти двух учений – больше нет;
Не презирай хмельной алхимии: единий
Глоток, и тысячи мучений – больше нет!

616

Рассудок выпряги, а кубок – запрягай!
Кавсаром, как ремнем, свяжи и ад, и рай.
И шелк сними с чалмы, пропей. А что такого?
Без шелка голову подкладкой обмотай.

617

Сегодня пятница. Сегодня день святой.
Вино из чаши прочь! Где емкий кубок твой?
Ты каждый будний день по чаше принимаешь,
Коль праздник отмечать, то мерю двойной.

618

Где музыка - воспеть рассветное питье?
Восторгом, сердце, встреть рассветное питье.
Три счастья на земле: любовь, нетрезвый разум,
Но главное, заметь, рассветное питье.

619

Невинный чистый дух спустился в грязь и прах,
Покинув горний мир, он у тебя в гостях.
Все утро подноси вино, за кубком кубок,
И скажет он: «Весь день - храни тебя Аллах!»

620

Пусть нищ я, нечестив, пусть я в грехах тону,
Отчаянье нельзя поставить мне в вину.
С похмелья чуть живой, не прочь из ада рвусь я,
Не в рай хочу, да нет, к любовнице, к вину!

621

Дороже сотен душ - вина один глоток,
Короны мировой - кувшинный черепок.
О Боже! Как чисты лохмотья в пятнах винных!
За сотни платьев их не отдал бы знаток.

622

Со всех сторон кричат, когда я пью вино:
«Остановись, не пей, исламу враг оно!»
Вино - исламу враг, и это мне известно;
Ей-богу, вражью кровь пить не запрещено.

623

Вино дурную спесь сбивает в пять минут;
Хлебнешь вина еще - избавишься от пут.
Испей же, Сатана! Не будешь сердцем лют,
Поклонов тысячи ты нам отвесишь тут.

624

Что значит «путь кутил», что значит «зелье пить»?
Наперекор судьбе всегда веселым быть:
Не веселить народ, когда и так веселье,
А в невеселый день веселье всем дарить.

625

Рассветный ветерок погладил луг рукой.
Заметил кипарис: «Ишь, немощный какой!
Меня-то он качнуть не смог бы». Я ответил:
«Да, ты весьма большой... чурбан, мой дорогой».

626

Запойный соловей в мой сад весну вернул,
Багрянец лицам роз и блеск вину вернул,
И снова тишину тревожит чудной песней:
«Как жизни коротки! Кто хоть одну вернул?»

627

«Не я ль - сама краса? За что ж меня - под гнет,
Где кровь мою палач выдавливать начнет?»
И соловей стенал над розой обреченной:
«Кто, день повеселясь, потом не плакал год?»

628

Прохладный ветерок – гонец весны сегодня:
Свершают тяжкий грех, кто не пьяны сегодня.
Так пей вино! Сюда собрались мудрецы,
Кровь лоз, богатства роз разрешены сегодня.

629

Потом мы в этот мир не попадем, боюсь,
А там – друг друга вновь мы не найдем, боюсь.
Наш миг не плох, клянусь, я им сполна упьюсь,
Не то последний вздох, и мы уйдем, боюсь.

630

Доколе жалобы, что участь нелегка,
Да слезы на глазах, да на сердце тоска?
Пьяни себя вином, усердствуй в наслажденьях,
Из круга этого не выгнали пока.

631

Ты алый, как тюльпан, весенний кубок взял;
Как этот же тюльпан, румянец милой ал.
Пей, радуйся, пока скрипучий обод неба
Тебя, как глину, вдруг с презрением не подмял.

632

Лепешка хлебная, вина кувшин-другой,
Бараний окорок, развалины, покой...
Как дивно просидеть с любимой день-деньской!
Не смог бы и султан устроить пир такой.

633

Ну, как же хорошо, когда прохладно днем,
И на лугу цветы, омытые дождем,
И роза желтая с веселым соловьем,
И кличет он: «Лечись рубиновым вином!»

634

Мудрец на берегу остался: он извлек
Из бедствий працелов спасительный урок.
Смакует он вино, красавиц он ласкает.
В безумном мире он спокойствие сберег.

635

Гулять пошел вчера, спустился на лужок
И вижу: лепестки рассыпаны у ног.
«Кто подвенечные сорвал наряды, роза?» –
«Увы! К невинности подкрался ветерок...»

636

Тюльпан приотгибал багровый лепесток –
Жасмину открывал сердечный свой ожог:
«Не мне снимать чадру с лица прекрасной розы.
Увы! К невинности подкрался ветерок...»

637

Там роза, вижу я, поникла на лужок;
Поодаль – вырванный помятый лепесток.
«Кого теперь винить? Чадру с меня сорвали...
Увы! К невинности подкрался ветерок...»

638

Гуляя по лугам, заметил я у ног
Алеющий в траве печальный лепесток.
«Я разве не тебя вложил в письмо любимой?» -
«Увы! В твое письмо прокрался ветерок...»

639

Вот мы, вино, певец и этот ветхий дом.
И сердце, и душа наполнены вином,
Свободны от надежд, от страха пред Судом,
От праха с воздухом и от воды с огнем!

640

Прозрачной радостью дарящее вино
В руках моих приют нашло себе давно.
Не всматривайся, что держу в руке всегда я,
Вгляделся б, держит как меня в руках оно!

641

За кубок хмеля я сто вер отдал бы, право,
И за глоток вина - Китайскую державу.
А кроме хмеля, что мы видим на земле?
Для тысяч милых душ горчайшую отправу.

642

Печали мира - яд, вино - целитель твой,
Испей и не страшись отравы мировой.
С зеленым юношей пей на лугу зеленом,
Пока твой прах не стал зеленою травой.

643

Не медли, ибо долг не выплатишь потом:
Не прячь свои куски от нищих пред столом.
Коль в этом мире ты приветишь их вином,
Я выступлю твоим заступником - в ином!

644

Не думай про мечеть, намазы и посты.
Кабацкий пьяница и жертва нищеты,
Испей вина, Хайям! Что будет с этой плотью?..
Горшком... а повезет - кувшином станешь ты.

645

Сказал я Сердцу: «Рай на всех устах подряд...» -
«На всех ли? Мудрецы о нем не говорят». -
«Но он, наверно, есть, коль все туда стремятся?» -
«Потешиться мечтой любой на свете рад».

646

А где-то не под гнет покойников кладут,
Так те не ждут Суда, они назад бегут.
И ты все говоришь, известий нет оттуда?
Но мы о тамошнем - откуда знаем тут?

647

В мечеть мы для себя добра искать пришли,
Но, Боже, не намаз мы совершать пришли.
Здесь как-то повезло украсть молельный коврик,
Он обветшал уже, так мы опять пришли.

648

Повсюду говорят, что близок пост опять,
И к чаше будет вновь запретно подступать.
Закончу я Шабан блистательной попойкой,
Чтоб спьяну Рамазан до праздников проспать.

649

Пришел великий пост, и стал трезвее люд,
Нигде кабатчики вина не подают,
Запасы прежние недопиты остались,
Шалуны милые нетронуты уйдут.

650

Мерило дней моих, вино, твоя струя
Журчала мне про суть земного бытия.
Но месяц Рамазан силком нас разлучает,
Среди священных книг обязан сохнуть я.

651

Не пей вина в Шабан! - гласит святой закон.
Раджаб - избраннику Аллаха посвящен.
Пропустим месяцы Аллаха и пророка,
Напьемся в Рамазан: святой наш месяц - он.

652

Благочестивые зароки не для тех,
Кому вино милей дозволенных утех.
да, в месяц Рамазан, бывает, заречешься...
Но сделаешь намаз - и смоешь этот грех.

653

ни мига трезвого! Пока живу, я пьян.
И в эту ночь, когда ниспослан был Коран, -
Уста к устам пиал, грудь на груди кувшина,
Бутыль-наложницу ласкаю, как султан.

654

Нарушил Рамазан и днем я вдруг поел!
Не по незнанию, мой милый друг, поел:
Я света белого от мук поста не взвидел,
Подумал, это ночь, темно вокруг, - поел...

655

Смиренно, от души я в пост поклоны бил -
К ручью Спасения полз из последних сил...
Молитву как-то раз я ветром опоганил,
Теперь глотком вина весь долгий пост сгубил.

656

Ликуйте! День-другой, и месяц настает,
Когда попразднует постящийся народ.
Вон - месяц: отошел, согнулся, еле виден,
Измученный постом, скончается вот-вот!

657

Наш праздник подошел и воссиять готов.
У виночерпия кувшин опять готов.
Узду намаза и намордник воздержанья
С ослиных этих морд наш праздник снять готов.

658

Измученным, вино вновь крылья нам дарит,
На лице Мудрости вновь родинкой горит.
Прочь, трезвый Рамазан! Уж серп новорожденный
Шаввала над столом пирующих царит.

659

Шаввала дождались! Ликует праздный люд;
Сказители, певцы, плясуны там и тут;
И бурдюки кричат, на плечи взгромоздившись:
«Спина, посторонись! Носильщики идут!»

660

О нежная, станцуй, взяв чашу для вина,
Пусть у ручья с тобой покружится она.
Была она, как ты, прекрасна и стройна,
Вращением небес во что превращена!

661

Бухарским богачом был этот прах когда-то,
Бразды могущества держал в руках когда-то.
Еще шагни... Теперь - истлевшая ладонь:
Был славен Шахсавар - в былых веках, когда-то.

662

И жемчуг алым стал: мерещится вино.
Ах, кубок тяжек мне, расплещется вино...
Уж так мы жадно пьем! Вино повсюду хлещет,
Мы плещемся в вине, в нас плещется вино!

663

Ну, вот и праздники. Какое чудо: пьем!
Под стоны чанга мы, под звоны уда пьем!
Сейчас как усидим с подругою вдвоем
Кувшин-другой вина!.. Совсем не худо пьем!

664

Зачем мы свой позор из их посуды пьем,
Постыдное нытье судьбы-пакуды пьем?
Сейчас как усидим с подругою вдвоем
Кувшин-другой вина!.. Совсем не худо пьем!

665

Зачем мы свой позор из их посуды пьем,
Кривляния и ложь судьбы-пакуды пьем?
Ликий: закончен пост и всенощные бденья.
Спеши на пир, сюда: такое чудо пьем!

666

А ну, вставай! Сюда! Какое чудо: пьем!
Под стоны чанга мы, под звоны уда пьем!
Смотри: закончен пост и всенощные бденья.
Скорей давай сюда: такое чудо пьем!

667

На праздник! В толчею веселья и затей!
В азарте игроки, в восторге ротозей...
Тебе заранее Предвечный Суд пометил
Печатью Вечности страницы праздных дней.

668

Нас на развалинах сыскали в этот раз,
Перенесли в кабак и напоили нас.
Освоясь, говорим: «К вину жаркое надо!»
И... вынули сердца - и жарят их сейчас!

669

В наш мир забредший дух, о, как тебя спасти
От буйства Четырех, Семи, Пяти, Шести!
Испей вина! Забыл, откуда ты явился?..
У нас пируй! Забыл, куда теперь идти?..

670

Смотри же! В суть входить ты не устал пока,
Среди добра и зла ты не застрял пока,
Ты - путник, ты - и путь, ты - и привал; иди же,
Путь от себя к себе не потерял пока.

671

О чем кричит петух, как только звезды прочь,
О чем он плачет так, что слушать нам невмочь?
Он видит в зеркале светлеющего неба:
Из Книги Бытия вычеркивают ночь.

672

Светило в сеть огня поймало каждый кров,
И в чаше бусинкой отметил день Хосров.
Пора открыть вино. «Вставай! Упейся утром!» -
Со светлой башни к нам летит рассветный зов.

673

О юноша, вставай! Для встречи с новым днем
Хрусталь наполни вновь рубиновым огнем.
Какой блаженный миг нам дали на мгновенье!
Такого же, хоть плачь, не выпросишь потом.

674

Все радостней рассвет, вино все розовей!..
Бутыль молвы о нас - на свалку, и разбей.
Из паутины грез выпутываем руки,
Нам путы локонов и музыка - милей.

675

О милый юноша, напомнил нам рассвет:
Недопит кубок наш, напев наш недопет.
Сто тысяч - как Джамшид! - царей минувших лет
Небрежно смыло прочь теченье зим и лет.

676

Сердца счастливые нельзя тоской губить,
Минуты радости камнями тягот бить.
Не ведает никто, чему в грядущем быть,
И надо - пировать, блаженствовать, любить.

677

Опасно стать рабом высокомудрых дум,
«Прозреньями» терзать неискушенный ум.
Лишь в вызревшем вине мы сами дозреваем.
Незрелый виноград, какой из вас изюм?

678

Рубином звать вино, так флягу - рудником.
Вино - душа, кувшин - ее телесный дом.
Хрустальный кубок мой, играющий вином,
Так на слезу похож!.. И капля крови - в нем.

679

Там туча омывать тюльпаны принялась,
Тут чаша (наливай!) хмельного заждалась.
Весеннюю траву беспечно мни сейчас,
Пока из нас с тобой она не поднялась.

680

На улочке богинь как мы хмельны сегодня,
Поклонники вина, как влюблены сегодня,
Избаваясь от оков земного бытия,
В божественный чертог вознесены сегодня!

681

Подругу обними уверенной рукой.
Презрев добро и зло, создай себе покой.
Оглох от страсти ты, с трудом доходит мудрость?
Так в ухо мой совет вкoli себе серьгой.

682

Дороже старое вино, чем новый трон,
Оно желаннее, чем дань со всех сторон,
И этот глиняный венец - обломок хума -
Стократ прекраснее властительных корон.

683

Короне-черепку завидовал бы джам!
Глоток вина вкусней, чем яства Мариам!
С похмелья смутный вздох прекрасней ваших гимнов,
Святой Абу-Сайд и праведный Адхам!

684

живи с улыбкою, о горестях забудь
И с доброю душой пройди недобрый путь.
Вселенная всему небытие готовит.
Не жди небытия, до жизни жадным будь.

685

Встречаемся с весной, прощаемся с зимой...
Год выпал, будто лист из книги мировой.
Пей хмель, а не печаль, мудрец недаром молвил:
«Мой отравитель - мир, вино - целитель мой».

686

Будь рад, что не спешит стрелу нацелить Рок,
И даже шестьдесят - почти возможный срок,
И что добро и зло тебе, как прежде, странны,
И замыслы Судьбы все так же невдомек.

687

Судьба еще беды заставит нас хлебнуть...
Не лучше ли, мой друг, вина сейчас хлебнуть?
Не жди, что небосвод вращенье остановит,
Чтоб ты успел воды в последний час хлебнуть.

688

О роза! Ты лицу прелестному сродни.
О хмель! Ты яхонту чудесному сродни.
А ты, Судьба, со мной воюющая вечно,
Ты просто чужаку бесчестному сродни.

689

Благоуханных роз настала вновь пора,
Теперь и нам с тобой достать вино пора.
Чертоги, и чертей, и гурдий, и геенну,
И болтовню про них забыть давно пора.

690

И вновь пыланье роз, ручей и поля край...
С одной-двумя-тремя игривыми играй!
Кто пьет вино с утра, потерян для мечети,
Зато не забредет в кумирню невзначай.

691

Приснился мне мудрец и так сказал: «Ты что ж,
Каких-то радостей от сновидений ждешь?
Считай, что ночь не сну, а смерти отдаешь.
Успей вина испить! Успеется, заснешь».

692

Святой одеждой мы кувшин вина прикрыли;
Для омовенья нам - щепоть трущобной пыли.
Ах, если б в кабаках мы заново нашли
Года, что в медрессе когда-то распылили!

693

Пока со мной ручьи и розы заодно,
Мне с дивноликою блаженство суждено.
И сколько жил, живу, и сколько жить я буду,
Всегда я пил, и пью, и буду пить вино.

694

Над кубком радости блистанье глаз прекрасно.
Стенанье томных флейт в рассветный час - прекрасно.
Аскет, не смыслящий, что значит в кубке хмель,
За тысячу холмов сбежал от нас. Прекрасно!

695

Вот несколько корон. Им грош цена, продам!
Вот шелковый тюрбан. За песню - на, продам!
Оружие лжецов - смотри, какие четки! -
Всего-то за один глоток вина продам!

696

Как много выпало тебе сегодня счастья!
Так что ж на кубок свой смотришь без участья?
Судьба промешкала обрушиться с напастью,
Так пей, так пользуйся промашкой самовластья!

697

Всегда я радостью и хмелем окружен.
Мне ни безбожие, ни вера не закон.
Скажи, невеста-жизнь, какой ты хочешь выкуп? -
«Будь так же сердцем юн и вечно в жизнь влюблен».

698

Эмиром обряжал меня, бывало, Рок
И тут же обдирал, как будто я - чеснок.
Но больше не хочу вникать в капризы неба,
И без ненужных дум состарюсь, дайте срок.

699

Как мяч катящийся, миры в глазах кружат.
Вселенной грош цена!.. Блуждает пьяный взгляд.
Ах да!.. Вчерашний день я пропил этой ночью.
Кабатчик ликовал: «Ого, какой заклад!»

700

На пиршестве ума сверкнула мысль одна,
Сегодня на земле на всех устах она:
«Когда заявят, мол, вина лежит на пьющем,
Не слушайте! Творец, и тот сказал: "Вина!"»

701

Довольно суеты, когда одно я чту:
Из рук прелестницы в шатре хмельное чту,
Блаженство нищеты в гульбе, в запое чту,
Меж Рыбой и Луной - вино земное чту!

702

Над глиною гончар опять занес кулак...
Глазами видит он, а разумом - никак:
Не зная удержу, он топчет и колотит
Несчастный прах отцов. Ну, разве можно так?!

703

Все тысячи веков до нас тут ели-пили
То нищий, то богач, валились спать средь пыли.
Сушило солнце прах, дожди его мочили...
Куда ни наступи, все это люди были.

704

Зачат я и вспоен водой Небытия.
Огнем страдания горит душа моя.
Как ветер, я теперь по всей земле скитаюсь,
Ищу: где взяли прах, чтоб вылепить меня?

705

Возможно, Ты к земле вернешься, Небожитель;
Проникнет стон людской в небесную обитель;
Тогда, будь милостив, не признавайся нам,
Что ничего не знал, что ничего не видел!

706

Сравнить Тебя и нас - послужат образцом
две стрелки циркуля на центре на одном.
Движенье времени разносит нас по кругу;
И все ж мы встретимся с тобой, к лицу лицом.

707

Качнутся небеса и рухнут в никуда,
Вдогонку пролетит отставшая звезда,
Тебя я в этот миг на площади Суда
Поймаю за полу: «Так Ты убийца! Да?!»

7. В ШКАТУЛКУ С ЛАЛАМИ
ПОДСЫПЛЮ ИЗУМРУДА

708

Вселенная сулит не вечность нам, а крах.
Грех упустить любовь и чашу на пирах!
Меня - поглотит прах? Тебя - возьмет Аллах?...
Мы попросту уйдем. При чем здесь Бог и прах!

709

Взгляни-ка на траву, что над рекой растет:
Из ангельских ланит она такой растет.
Над головой травы зачем заносишь ногу?!
Тюльпаноликая - былинкой той растет!

710

Под колесо небес попал - в который раз! -
Еще один Махмуд, еще один Айаз.
Не долго ждать и нам. Коль пировать - сейчас:
Изгнав из Бытия, назад не пустят нас.

711

Однажды души вдруг оставят нас с тобой,
лежать на кирпичах оставят нас с тобой.
А там когда-нибудь помрут потомки наши,
и кирпичами стать заставят нас с тобой.

712

Земля в конце времен рассыпаться должна.
Гляжу в Грядущее и вижу, что она,
Недолговечная, не даст плодов нам... Кроме
Прекрасных юных лиц и алого вина.

713

Кому бродяг-планет волшба не по нутру,
Кому распутница Судьба не по нутру,
Едва ль упустит он увидеть поутру,
Как роза надорвет жемчужную чадру.

714

О кравчий! Тем вином, что сердцу стало верой,
Как чашу, душу мне наполни щедрой мерой.
Иной глупец и губ не смеет омочить,
А надо кубком пить! Так вот ему пример мой!

715

Коль вечером вина хорошего приму,
Дневное пьянство мне уж как-то ни к чему.
Ты говоришь: «А вдруг дневное пьянство слаще?»
Коль есть надежный друг, что ж изменять ему!

716

Встань! Руки отряхни от суетных затей:
Пропить былую честь - заведомо честней.
За пиалу вина продай молельный коврик,
Бутыль молвы о нас - на свалку, и разбей!

717

Пока пленяет уст вишневый самоцвет,
Пока на зов зурны душа звенит в ответ,
Лишь этим и живи, и хватит пустословья!
Пока смертельно пьян, живому смерти нет.

718

Вновь туча на луга слезами пролилась...
Чтоб так же не рыдать, свой век вином укрась.
Весеннюю траву беспечно мни сейчас,
Пока не мнут траву, взошедшую из нас.

719

Оставь тревоги, друг, и безмятежно пей.
В честь каждой женщины, красивой, нежной, пей.
Хмельное - кровь лозы. Спроси, лоза ответит:
«Коль я согласие дала, конечно, пей!»

720

Кувшин с холодною водой для батрака -
Из сердца ханского и шахского зрачка.
Зато фиал, вином согревший старика, -
Из уст прелестницы и щек весельчака.

721

Вчера я ночью был в гончарной слободе.
Две тысячи горшков шептались в темноте.
Вдруг загудел кувшин, висевший на шесте:
«Кувшин лепивший - где? Кувшин купивший - где?»

722

Под мартовским дождем торжественно расцвел,
Неизнаваем стал вчерашний суходол.
С зеленым юношей пей на лугу зеленом
И друга поминай, что зеленью взошел.

723

Пора! - и влагою луга обновлены,
Сияньем рук Мусы сады озарены,
Дыханием Исы поля увлажнены,
Ключами облаков ключи отворены.

724

Пришла весна. Про все забыть скорей хочу,
От мудрой болтовни сбежать я к ней хочу.
О, хмель, заступник мой, к тебе хочу прибегнуть.
О, ива, под шатер твоих ветвей хочу.

725

Сказала роза: «Я свободы заждалась,
Чуть не сошла с ума, и вот мечта сбылась.
Не удивительно, что в кровь ободралась:
Был тесен мой бутон, наружу я рвалась».

726

Сегодня наша степь как райская страна.
С друзьями и вином гуляем допоздна!
Назавтра свой ковер опять свернет весна,
Упущенного дня нам не вернет она.

727

Травой нетронутой наш луг порос, саки,
Зарозовели вновь бутоны роз, саки,
И - воля сломлена, как веточка жасмина.
Как соблюсти зарок? Вот ведь вопрос, саки!

728

Мечты у пьяницы - о розовом вине.
Налей и рядом сядь, приятно будет мне.
Принес мне ветер пыль от твоего порога,
Навел меня на след, и вот я в майхане!

729

Ну, а теперь вина «Иная Жизнь» налей!..
что, много беготни из-за моих затей?
Таков ученый люд. Спешим, не спим ночей.
А ты как при смерти. Живей, сынок, живей!

730

Когда все признаки возьмет в расчет саки,
Надеюсь, правильно мой вид сочтет саки.
Из категории измученных угрюмцев
Меня, подав вина, пусть извлечет саки.

731

Я чаша, падкая до сладкого вина,
Я жажду исчерпать все радости до дна.
Сойдутся ли опять вино, друзья и розы?
В такой прекрасный день зарокам грош цена.

732

Что делает весна с садами, о саки!
Зарок наш побежден цветами, о саки.
Пока в засаде Смерть, присядь-ка лучше с нами,
Попьем, поговорим с друзьями, о саки.

733

Вновь про мечетей свет и про молелен чад,
Вновь как пирует рай и как похмелен ад...
Одни слова, слова! Вот на Скрижали - Слово:
Там все расписано несчетно лет назад.

734

Мы - покупатели: все вина подавай!
Мы - продавцы: за грош бери цветущий рай!
Что за вопрос: куда пойду, мол, после смерти?..
Поставь сюда вино - и хоть куда ступай.

735

Истлел и шатким стал небесный наш шатер...
Но если рядом друг, любые страхи - вздор.
Ты Время ни за хвост не словишь, ни за гриву...
Неспешно пей вино под долгий разговор.

736

А ну-ка за руки, веселый круг сомкнуть!
Уж пляской-то печаль растопчем как-нибудь.
Натешься, надышись предутренней прохладой:
Восходам впредь пылать, когда нам не вздохнуть...

737

Как славно припустить над винным кубком в пляс -
И прочь из памяти ушедшее от нас!
Мы с душ своих, несчастных узниц мира,
Оковы разума снимаем хоть на час.

738

О шах, от первых роз, от песен в стороне
Неужто усидит любой, подобный мне?
Что - рай, и гурии, и сонный плеск Кавсара,
Коль сад, вино и чанг - прекрасней по весне!

739

Так свято чтим вино, так влюблены мы все,
Что жить близ кабака осуждены мы все.
Уродство, красота - забытые заботы.
И хватит к разуму взывать, пьяны мы все.

740

С тех пор, как лунный серп украсил небосклон,
Рубиновым вином наш гордый дух пленен.
Спасибо продавцу!.. Но все же странно, что же
Прекраснее вина купить задумал он?

741

Хоть гибельно для нас блуждание планет,
Печальные сердца ласкает лунный свет.
Луна, мы пьем, луна!.. Тебе, луна, веками
Искать нас по ночам... А нас давно уж нет.

742

Коль хочешь, пред тобой склонится небосвод,
Делам твоей души способствовать начнет.
Возьми пример с меня: сильнее рока тот,
Кто пьет вино, а скорбь вселенскую не пьет.

743

Ветшает жизнь твоя, крошатся дни и ночи,
Щебенкой под ноги ложатся дни и ночи.
И ночь и день ликуй: они - твои пока!
Потом уж без тебя - кружатся дни и ночи...

744

За чашу в горький час едва возьмешься ты,
И сердце отошло, и вновь смеешься ты...
Какой тайфун беды, смотри, летит навстречу!
Спускай ковчег в вино! Как Ной, спасешься ты!

745

Я вспомнил про вино и рад пораньше встать,
Чтоб зарумянилось лицо мое опять.
А королю зануд, ворчливому рассудку,
Плесну в лицо вином - пусть продолжает спать.

746

Торопятся, летят за часом час, саки.
Ты кубок для меня уже припас, саки?
Заря уж занялась! Мы в дверь замком колотим.
Уж солнце хлынуло!.. Впусти же нас, саки!

747

Саки! Вот мы в дверях, и не уйдем вовек,
С порога, хоть убей, не отползем вовек.
Коль головы поднять из праха не поможешь -

748

давно уж рассвело. Ты что же? Эй, саки!
Ты, видно, страждущих забыл мужей, саки!
Что?.. О спасенье речь? Для чьих ушей, саки?!
Спасайся! Шептуна гони взашей, саки!

749

Саки! Забыты мы, как вдовы. Бога ради!
Молиться на тебя готовы, Бога ради!..
Мы рыба снулая, а ты вода живая, -
Ожить хотелось бы нам снова, Бога ради!

750

Саки! Мы как земля, любовь к тебе - зерно,
И только вечности снять урожай дано.
Но коль махнешь рукой на страждущих от жажды,
Так мы махнем туда, где повкусней вино!

751

Ты прибедняешься, саки. Поменьше ной,
Да поскорей кувшин поставь передо мной.
Закладом за вино прими молельный коврик,
За дивный аромат добавлю болтовней.

752

Того текущего огня налей, саки,
Плесни рубиновых живых огней, саки,
И кубок выбери потяжелей, саки,
Наполни радостью мой кубок дней, саки.

753

Саки, как дивна ночь, как светит нам луна!..
Пока не грянул гром, подай-ка нам вина.
Смерть - молнии удар в копну сухой соломы:
Пока ты вскинешь взгляд, копна уж сожжена.

754

Саки! Любуюсь я рассветом скоротечным,
Я радуюсь любым мгновениям беспечным.
Коль за ночь выпили не все вино, налей.
«Сегодня» - славный миг! А «завтра» будет... вечным.

755

Саки! Спаси, горю! Прости мою смятенность:
От лекаря-саки куда с похмелья денусь?
«Вручать надежде жизнь» я понимаю так:
Внимать твоим шагам. Пока живу, надеюсь!

756

Багряный кубок мне преподнеси, саки,
Как в воду из огня перенеси, саки.
Боюсь, рассудок вдруг меня за ворот схватит,
Рванет вино из рук... Скорей спаси, саки!

757

Багровая струя!.. Вина не стану пить.
Лоза, здесь кровь твоя! Вина не стану пить!
Мой Разум начеку: «Серьезно?!» - «Ах ты глупый,

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
Поверил, будто я вина не стану пить».

758

Рубиноцветного лишив вина однажды,
Мгновенной гибели, саки, меня предашь ты.
Так жажду!.. Не с вина ль при встречах дерзок я?
Все дерзости мои - от непомерной жажды.

759

Отрекся б от всего, но от хмельного - нет.
Забвение вина? О том и слова нет.
Где сказано, что я подамся в мусульманство,
Зороастрыйский хмель забуду? Что вы, нет!

760

Нас выбрало вино, навек приворожа.
Нет в мире ничего превыше кутежа.
Тебе ль меня учить, неопытный ханжа!
Наш Бог - уста подруг, нам чаша - госпожа.

761

«Чтоб усмирить тоску, гашиш курить - милей,
Чем слушать музыку, чем зелье пить - милей!» -
Вот слово прежних сект. А нам глоток веселья,
Чем коноплею кровь живьем гноить, - милей!

762

Четыре обсуждать и снова Семь, саки?
А тысячу забот - забыл совсем, саки?
Мы все - земная пыль. Певец, настрой-ка лютню.
Мы все - лишь ветерок. Налей-ка всем, саки.

763

Опять: «Четыре!.. Семь!..» да отвяжись, саки.
Коль до «Восьми» дойдешь, тогда держись, саки!
О! дивные слова, певец: «Уходит время».
А ну, скорей вина: уходит жизнь, саки!

764

Саки! Той чашею - на что она Творцу? -
За снисходительность воздай сполна Творцу:
Улейся в честь весны! Брось торговать смиреньем,
Сия безделица едва ль нужна Творцу.

765

Вон сколько небо кровь людскую проливало!
Вон сколько чистых роз обычной грязью стало!
Оставь на молодость надеяться, сынок:
Вон сколько бурею бутонов оборвало!

766

Плесни-ка мне вина и спой свое «гуль-гуль»,
Откликнется тебе наш соловей-гюльгюль.
Ведь как без песни пить? Из горлышка бутыли,
Представь, течет вино, не делая «буль-буль».

767

Не хватит ли читать за упокой, саки?
Ты лучше нам сейчас кредит открой, саки,
И мы от всей души помянем, как покойный

768

На смену жизни жизнь другая создана;
А прежняя, как знать, куда унесена?
Все тайны спрятаны, открыта лишь одна:
Все судьбы созданы, как меры для вина.

769

О кравчий! Раю здесь такая честь - за что?
Там тоже кравчий есть, вина не счастье, и что?
Там кравчий и вино, и здесь вино и кравчий;
Вина и кравчего превыше есть ли что?

770

В объятья гурии в раю, мол, попадешь,
Потоки меда там, ручьи вина... Но все ж
Не слишком доверяй посулам, виночерпий,
В кредит вина не лей, бери наличный грош.

771

Эй, виночерпий, глянь! Луга в цветах уже.
Неделю проморгай, и чудо - прах уже.
Пируй. Нарви цветов. Однажды обернешься,
Тюльпаны - прах уже, и луг заchaх уже.

772

Скорее - к зелени, к ликующим лугам,
Чтоб вновь зазеленеть на зависть небесам,
С зеленою юностью играть в траве зеленоj,
Пока зеленый луг не стал покровом нам!

773

Вино запретно, но... Коль пить не до конца,
И время выбирать, и не терять лица,
Получится, коль вы учили все три совета,
Не бражка пьяницы, а отдых мудреца.

774

Уж если ты мне друг, довольно болтовни!
Терпенье кончилось, вина скорей плесни.
Когда покину вас, кирпич слепи из праха
И мною в кабаке вон ту дыру заткни.

775

Когда япротрезвел, нет радости, хоть вой.
А хмеля перебрав, слабею головой.
Но вот сегодня хмель и трезвость уравнялись,
И - ты прекрасна, жизнь, я обожатель твой.

776

Вот - ясновидец тот, о коем ходит слух,
Что он умеет все делить на плоть и дух.
Что ж... Я кувшин вина себе на темя ставлю:
«Что видишь?» - «Гребень есть... Ну значит, ты петух».

777

Чтоб людям не скучать, Создатель сотворил
Контрдовод на любой логический посыл:
«Бутыль из тыквы - бес придумал!..» Ну, а тыкву

778

Когда неделю пить и просыха не знать,
Уж верно в пятницу нальешь себе опять.
Суббота с пятницей - дни Господа?.. И что же?
Нам Бога почитать иль божьи дни считать?!

779

Святошам святости не занимать, саки,
Но снисхождения и им не знать, саки.
Скорее кубок мой налей опять, саки:
Того, что суждено, не миновать, саки.

780

Об камень я зашиб кувшин мой обливной -
Как друга оскорбил, настолько был хмельной!
И вздрогнула душа на тихий стон кувшина:
«А я таким же был... Ты тоже станешь мной».

781

Мне вина старые - старинные друзья.
Без дочери лозы мне все улады - зря.
Саки! Вот говорят, у пьющих нету веры.
Но я-то пью вино, вину-то верю я!

782

Прелестный юноша! Присядь, не уходи,
Напомни молодость, сердца разбереди!..
Ты запрещаешь нам тобою любоваться?
Запрет совсем как тот: «Склонись! Не упади!»

783

Вослед любому дню даю ночной зарок:
Не трогать пиалу - мой записной зарок.
Но розы расцвели, не в силах удержаться,
Зароков не давать даю весной зарок.

784

Над розами туман не тает до сих пор,
И сердце во хмелю витает до сих пор,
И сон дороги к нам не знает до сих пор,
И - пейте! - солнце нам сияет до сих пор.

785

Возможно ль от судьбы удариться в бега!..
Как радость редкая, нам чаша дорога.
Вино - кровь мира. Мир - наш враг. С какой же стати
Откажемся мы пить кровь кровного врага?

786

Оставь себя терзать надеждой на успех
И вспомни про вино и беззаботный смех.
Ласкать нам дочь лозы запретную - милее,
Чем мать-Лозу, всегда доступную для всех.

787

Клеймите вы мое паденье всякий раз,
Когда иду хмелен, чуть на ногах держась.

О, ваши бы грехи да вас бы подкосили,
Чтоб ложно-трезвыми никто не видел вас!

788

Любовь моя, вино, я упоен тобой,
Не прячусь от молвы, презрев позор любой.
Так полон хмелем я, что слышу от прохожих:
«Бочонок зелья, эй, откуда ты такой?»

789

Сквозь тот и этот мир я зрячий путь нашел,
На каждой из вершин и в бездне суть нашел,
Но все, что я узнал, я проклял бы, коль выше,
Чем опьянение, хоть что-нибудь нашел.

790

Пораньше пробудись, премудрый книгочей,
Мальчишке-дворнику скажи про суть вещей:
«Мети с почтением! Здесь прах ты знаешь чей?
Взгляни, вот эта пыль – Парвизовых очей...»

791

В сей жизни лишь рассвет нам скрашивает путь,
Чтоб дух перевести, над кубком отдохнуть.
Упейся воздухом восхода!.. Ибо скоро
Восход – восходит, а нам и не вздохнуть.

792

Спокойно принимай судьбой даримый путь,
Чтоб лишних горестей случайно не хлебнуть.
Слетит одежда-жизнь, умолкнут и вопросы:
Замечен где-нибудь? Замешан в чем-нибудь?

793

Еще один мой день промчался без следа,
Как суховей в степи и как в реке вода.
Два выдуманных дня его мне не заменят,
Я в «завтра» и «вчера» не верил никогда.

794

Коль хочешь мудро пить, так мудрецу налей.
С подругой можно пить прелестною своей.
Но не излишествуй, не хвастайся повсюду,
Пореже, по чуть-чуть и потаенно пей.

795

О сердце, воздержись от пьянства и похмелья,
Не слишком дружбе верь привязчивого зелья.
Вино – веселый врач, но пьянство-то – болезнь.
Не накликай болезнь, и не страшись веселья.

796

Совсем не пью вина? – юнцом меня считай.
И можешь презирать, коль пью, да через край.
Вино – для мудреца, для шаха, для гуляки.
Ты не из этих трех? И рта не разевай!

797

Надежды сеем мы – сожнут потом без нас.
Останутся и сад, и старый дом – без нас.

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
Богатства до гроша друзьям раздай, иначе
Полакомится враг твоим трудом без нас.

798

Ты увеличишь век – душою умалясь;
Сокровище найдешь – смертельно изнурясь.
И станешь ты над ним похож на снег в пустыне,
День поискрясь, и два, и три, и... испарясь.

799

«Коль дух незамутнен, а также зорок глаз,
Сумеешь ты любой отшлифовать алмаз».
Так было. Но теперь без помощи богатства
Едва ли что-нибудь получится у нас.

800

О городской судья, к порокам беспощадный!
Из наших пьяных уст звучит вопрос нескладный:
«Мы пили кровь лозы. А ты людскую кровь.
Бесстрастно рассуди: кто самый кровожадный?»

801

Богатство – тот же мед. Лепешка с ним сладка,
Но ой как жалом бьет пчела исподтишка!
Правитель ест кебаб из сердца бедняка...
Вгляделся б: сам себе он обглодал бока!

802

Хоть все сокровища – давай, сгреби! А там?
Все наслаждения – давай, скупи! А там?
Ведь ай как хочется сто лет прожить! Ну ладно,
Вторую сотню лет – давай, скрипи! А там?

803

Смертельным ужасом пьяна душа твоя,
Боится вечности среди Небытия.
А я на вздох Исы откликнулся душою,
И отступила смерть. Теперь бессмертен я!

804

Всего-то раз помрешь, ну и помри разок,
Чем так себя терзать, оплакивая впрок
Свой драгоценнейший – и с жилами, и с кровью,
И с нечистотами! – свой кожаный мешок.

805

Чем желчью истекать над сундуком своим,
Чем, разорясь, людей терзать нытьем своим,
До капли насладись житьем-бытьем своим,
Пока не вздумал рок сверкнуть серпом своим!

806

Пока котел судьбы не вскипятила Смерть,
Из кубка радости допить бы нам успеть!..
Кувшинщик! Из меня кувшин слепи кувшин, который
Лишь продавцу вина захочется иметь!

807

Под круговертью звезд известны, милый друг,
два способа прожить без страхов и без мук:

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
до тонкости ль познать добра и зла секреты,
Иль намертво забыть про все дела вокруг.

808

Весельем обогрей оставшиеся дни,
Сегодня пир устрои, до завтра не тяни,
Не то друзья твои, быть может, не дождутся,
Делами здешними измучены они.

809

Пируй! Тебе пылать не дольше, чем поленьям,
Веселье сменится потусторонним тленьем.
Безбедно пей вино, а горечь бытия
Оставь расхлебывать грядущим поколеньям.

810

Сей караван-сарай вселенной мы зовем;
Вповаlkу - ночи, дни... Пестрит noctлежный дом.
Пиры здесь вел Джамшид - объедки лишь кругом;
Сюда забрел Бахрам - спит беспробудным сном.

811

Идет куда-то жизнь - бездомный караван...
Блаженством отдыха живет полночный стан.
А завтра, мой саки... что говорить о завтра!
Успей вина подать: уже восток багрян.

812

Круженье бытия, коль нет вина, ничто,
Пока иракская молчит струна, ничто.
Вселенная, уж как ее ни изучаю,
Нужна для радости, а так она - ничто.

813

О Сердце! Прояви над этим миром власть,
Мечтой про доброе застолье окрылясь.
В юдели горестной рожденья и распада
День-два, а то и три желаньями укрась.

814

На нас управы нет, один указ - вино,
Мы все поклонники твоих проказ, вино.
И вот рука саки на горлышке бутыли,
Вот-вот волшебное вольется в нас вино!

815

А ну, пока здоров, а ну, пока живой,
Чем попусту звенеть скопившейся казной,
Быстрей, чем на лету остыл бы выдох твой,
Пока не хапнул враг, для друга пир устрои!

816

Ты каплей жидкости в отцовских чреслах был,
Вчера тебя исторг огонь - любовный пыл,
А завтра высохнешь, и прах развеет ветер.
Дано мгновение, чтоб ты вина попил!

817

Вчера, позавчера, тот, этот год - прошли,
Среди пиров, трудов, забот, невзгод - прошли.

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
Сегодня радостей не упусти доступных:
Ведь и они уйдут, уже вот-вот прошли.

818

Лишь от невежества вину такой запрет,
Он может частным быть, но абсолютным - нет:
«До двадцати - нельзя. До сорока - с оглядкой.
Доступно полностью - мужчине зрелых лет».

819

Горсть пыли - в небеса, в тот неотвязный глаз,
И лишь красавицы пускай глядят на нас!
Кому поможет пост, кого спасет намаз?
Ушедший, хоть один, вернулся ли хоть раз?

820

Строитель глину мял. Вынослив и здоров,
Он не щадил своих ни ног, ни кулаков.
А глина, слышал я, обиженно пыхтела:
«Дождешься, и тебе достанется пинков!»

821

Будь камнем твердым я, полировать начнут;
Будь воском мягким я, бездумно изомнут;
Будь луком согнутым, прихватят тетивою;
Будь я прямей стрелы, подальше запульнут.

822

Безмозглый небосвод, бездарный страж планет,
Гонитель тех людей, в которых гнили нет,
Ценитель подлецов, каких не видел свет,
Растлитель мальчиков, - привет тебе, привет!

823

Не наша в том вина, что хают нас с тобой,
Злорадно высмотрев у нас порок любой.
Мы - зеркала для них, в нас не глядят - глядятся:
«Ну, хороши! Ой-ой!» - смеются... над собой.

824

Хотя на серебре и не взрастить ума,
Богатство плюс к уму сгодилось бы весьма.
В ладони нищенской фиалка сразу вянет,
А розы - рдеют там, где полны закрома.

825

О небо! чем тебя озлить мне довелось?
В безумной беготне в жару я и в мороз:
Еды не дашь, пока не пропылюсь нас kvозъ,
Воды не дашь, пока не притомлюсь до слез.

826

О колесо небес! Пытать меня - доколе?
Клянусь Создателем, с меня довольно боли!
И так-то каждый миг - ожог. А ты еще
На каждый мой ожог спешишь насыпать соли.

827

О колесо небес! Плодишь ты грязь и мразь,
Страница 113

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

Извечно с чистотой душевной не мирясь.
Недаром - колесо: стараешься, крутись.
Кто мразь, тот будет князь, а если князь, то в грязь!

828

Судьба! Сраженье вновь ты повела со мной.
К другим приветлива, уж так ты зла со мной!
Иль не на всякий лад мирился я с тобою?
Иль не на все лады война была со мной?

829

Вращаясь, небосвод запутал мне пути,
И тело мне назло клянется не дойти.
Кто знает: воспарить смогу, лишь испарившись?
Кто скажет, как еще свободу обрести?

830

За то, что к счастью я бежал, не чуя ног,
Мне руки повязал жестокосердый рок.
Увы! В число потерь бесплодный век отпишут,
Который без вина и без любви протек.

831

Как сердцу тягостно, что в клетке жить должно,
Как стыдно, что навек всего лишь плоть оно!
Шепчу: «Снести тюрьму, а стремя шариата
Стряхнуть, на камни встать - неужто суждено?»

832

Ты, небо, - прялка лет. Не хлебом кормишь, нет,
Так хоть прядешь-то - что? Как рыба я раздет.
Вот прялка женская хоть двух людей одела б,
Та - с делом кружится, о небо - прялка лет!

833

Блеск Каабы, кумирни мгла - вот рабство, вот!
Поющие колокола - вот рабство, вот!
И церковь, и михраб, и крест, и четки... Боже!
Все показное - корень зла: вот рабство, вот!

834

Решили пьянству мы установить запрет,
И даже в руки чанг, считаю, брать не след.
Легко забыл вино любой гуляка, только
На пьяницу-судью никак управы нет.

835

Ленивцев, дум ночных не знавших, сколько их!
Спесивцев, напролом шагавших, сколько их!
Слуг, из себя господ игравших, сколько их!
Скотов, чужую честь поправших, сколько их!

836

Увы! Душистый хлеб - бездушным сухарям;
Срамящим род людской - хоромы словно храм.
А диво тюркских глаз, как сердце убедилось, -
Безродной челяди, гулямам и юнцам.

837

Коль по сердцу нигде мы друга не найдем,

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

В предательский наш век себя не подведем.
В любого из друзей, пока не грянул гром,
Внимательней взглянись, окажется врагом.

838

друзей в рассаднике стяжанья не ищи.
Пощады за свои страданья не ищи.
С мученьями смирись, лечения не требуй.
Глуши весельем боль. Вниманья не ищи.

839

Прославься в городе - ославите тотчас;
Заприесь, уединись - что прячет, мол, от нас?
Уж лучше, будь я Хизр, будь даже сам Эльяс! -
И вам не знать меня, и я не знал бы вас...

840

Где голь кабацкая, непризнанная знать,
В тех кабаках меня и вам бы воспевать,
Торговцы святостью в чалмах законоведов,
Мои ученички в искусстве плутовать!

841

Гончарным рядом шел, кувшин себе искал;
Вдруг самого себя в кувшине я узнал!..
Пока действительно кувшином я не стал,
Такой кувшин вина я б мигом опростал.

842

Не розы жизнь у нас, а куст колючий? - пусть.
Геенной подменен небесный луч - и пусть.
Коль даже рубища и шейха мы лишимся,
Зуннар и колокол взамен получим, - пусть.

843

Нищает винохлеб, обогащая вас,
И жалобами всех смущает каждый раз...
В шкатулку с лалами подсыплю изумруда,
Чтоб горя моего ослеп змеиный глаз.

844

Земля в унынии, она больным-больна...
И к ней нагрянула весна, хмельным-хмельна,
В зеленою шали вновь лицо земли прекрасно,
И снова в кубках жизнь (испей!) полным-полна!

845

Вчера я шел одной из розовых аллей.
Две тысячи Лобат, проливших кровь на ней,
На тайном языке все как одна шептали:
«Ты чашу наклони! Но капли не пролей!»

846

Саки! Ночная мгла зарей разорена:
Проснись и посмотри! доспишь потом сполна.
Нарциссы сонные раскрой, как два окна,
Зороастрийского подай скорей вина!

847

Встань! Сердце снадобьем известным успокой,

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
Душистым, пламенным, прелестным – успокой:
Вином рубиновым, желая нас утешить,
да чангом яшмовым чудесным успокой.

848

Стряхни скорей, стряхни остатки сна, саки,
Плесни скорей, плесни вина-пьяна, саки!
Пока из чаш-голов не сделали кувшина,
По чашам расцеди кувшин вина, саки!

849

Саки! Как телу – хлеб, душе – рубин хмельной.
Рассветным солнцем ты встаешь передо мной.
Припасть к твоим стопам и умереть со вздохом
Милей тысячекрат, чем вечно жить, как Ной.

850

Саки! Пока скорблю, у счастья не в чести я.
Блаженства вне вина не смог нигде найти я.
Налей! Глоток с утра – тот миг, тот взлет души,
Какой из всех людей познал один Мессия.

851

Саки! Хороших вин и поутру не прячь,
Лежащим во хмелю целебный хмель назначь.
Я, развалившись, пью среди развалин Смерти.
О развалившейся вселенной посудачь!

852

Саки! Я как свеча, уставшая пылать,
Живым огнем вина зажги ее опять.
Ах! Чистое вино, рубиновое чудо:
Устами припадешь, и уст не оторвать.

853

Вставай, притопни-ка! Мы будем хлопать в лад.
Нарциссы свалит хмель, пока на нас глядят!
Что двадцать?! Хорошо, когда плясун в ударе.
А как ударим мы, коль будет шестьдесят!

854

Луна своим лучом пронзила мрак ночной.
Прелестней (пей вино!) найдешь ли миг иной?
Повеселья, другим уступим любоваться
Над прахом без конца кружящейся луной.

855

Влюбленный и про пост забудет. Будь что будет!
Толпа хмельную страсть осудит... Будь что будет!
Вам, жертвы трезвости, не мило ничего,
А пьяным любо все, что будет: будь что будет!

856

Хайям! Ты вновь хмелен, ты пьешь – как хорошо!
А к луноликой вдруг прильнешь – как хорошо!
Вселенная всему небытие готовит.
Представь: Небытие... живешь?! Как хорошо!

8. КОЛЬ НЕ САМА ЛЮБОВЬ,
ТО, ПРАВО, КТО ЖЕ ТЫ?

857

Прошлась ты по душе, как благодать. Ты кто?
И, сам не свой, прошу: пройди опять! Ты кто?
Ах, ради Бога... Нет, скорее, ради сердца,
Присядь со мной, а я начну гадать: ты кто?

858

О, Божьего письма начало! Это – ты.
О, высшей красоты зерцало! Это – ты.
Нет в мире ничего, что не было б тобою.
Ищи в себе, коль что пропало: это – ты.

859

Здесь некий муж твоей красою окрылен:
В переселенье душ и прежде верил он,
Теперь – уверился: «Вновь посрамлен Юпитер!
Юсуф Египетский на землю возвращен!»

860

Учуял в ветерке твоих духов струю,
Рванулось сердце вслед... Растерянно стою,
Совсем забытый им: в себя впитало сердце
Не только ветерок – и ветреность твою.

861

Услада сердца! Чьи волшебные персты
Ваяли дивный лик небесной красоты?
Красавицы к пирам подкрашивают лица,
Своим лицом и так пиры украсишь ты!

862

Найду твои уста – и рядом обнаружу
Ту чудо-родинку, что так смутила душу.
Неужто до того окружность уст мала,
Что центр окружности был вытеснен наружу?!

863

Пушок над розой уст – чем не письмо! Оно
Печатью родинки-фиалки скреплено.
А на луне узор – кому и чье посланье?
В кого-то, видимо, и солнце влюблено!

864

Коль не сама Любовь, то, право, кто же ты?
Смотрю, дышу, живу, и в этом тоже – ты.
Твоей души, кумир, нет ничего дороже;
А вспомню: краток век! – стократ дороже ты!

865

О королева, ты искусней всех ферзей,
Куда мне, пешему, от конницы твоей!
Слоном и королем я, бедный, загнан в угол
И получаю мат от сдвоенных ладей.

866

Пускай моей тоской твои продлятся дни:
Хоть раз в мои глаза, желанная, взгляни!
И в самом деле взгляд бросает... И уходит.
Вот так! Зажги огонь – и в воду урони.

867

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

И старцу в сеть любви попасться привелось!..
А то с чего б вино рекою полилось?
Я так зарок хранил!.. любимая разбила.
Так долго платье шил!.. В неделю порвалось.

868

Ни повода мечтать о встрече благодатной,
ни капли стойкости в разлуке необъятной,
ни собеседника для жалобы невнятной!..
О горестная страсть, восторг невероятный!

869

На что мне их уста? Твою бы ножку мне
Разок поцеловать, и счастлив я вполне.
Ах, ручка!.. И мечтой ошеломлен весь день я.
Ах, ножка!.. И всю ночь ловлю тебя во сне.

870

Как ветер, к локонам ее прильну? Едва ль.
Скачу я к пропасти, но поверну едва ль.
На то и зрячи мы, чтоб лица милых видеть...
Я вроде зряч, но ей в лицо взгляну едва ль.

871

О первозданный свет для сердца моего,
Прислала б хоть привет для сердца моего.
Разлукой болен я, так исцели свиданьем,
других бальзамов нет для сердца моего.

872

О дивная Луна!.. И солнце прячет лик.
О лалы алых уст!.. И яхонт меркнет вмиг.
Твое лицо - как сад, где родинка-фиалка
Украсила уста - живой воды родник.

873

В ловушку памяти ты заманила сердце,
Тоску-нахлебницу в мое вселила сердце...
Я в рабстве у тебя, и некуда сбегать:
Нетленным словом «Жизнь» ты заклеймила сердце.

874

Какой соблазн, какой искус, храни Аллах!..
Твое лицо и день и ночь царит в мечтах.
Вот потому и боль в груди, и трепет в сердце,
И сухость губ, и влажность глаз, и дрожь в руках.

875

Горькой моей слезой взор опалился пусты,
Скорбной моей мечтой боль утолится пусты.
Либо, чтоб боль возвратить, век мой продлится пусты,
Либо, вмешаясь в век, боль умалится пусты.

876

Сколь страстно говорит душа в минуты встреч,
И в сердце как звенит восторженная речь!
Алмазы б тайных чувств оправой слов облечь!..
Никак из языка гвоздь не могу извлечь.

877

Услада милых уст, рубинами гори,
Сокровищнице пусть завидуют цари!
Себе я заведу залог благоуханный:
Во славу нежных чувств хоть локон подари!

878

Сплетенье локонов. Желанней сети - нет.
Как свод мечети, бровь. Другой мечети - нет.
В лицо твое душа никак не наглядится:
Других зеркал душе нигде на свете нет!

879

Что истину вдали искать, любовь моя?
Могу я в двух словах сказать, любовь моя:
Стремящийся к тебе, но вдруг я слягу в землю,
Поможет из земли восстать любовь моя.

880

Иль сердцу моему так сладостны печали?
Иль мало от любви его осторегали?
Как в локонах твоих запуталось оно!..
Не за безумство ли беднягу повязали?

881

Влюбленным ночь дана, чтоб тешиться тайком.
Я у дверей твоих порхаю мотыльком.
Проснись! Любую дверь всегда закроют на ночь,
Но у влюбленных дверь - с отомкнутым замком!

882

Нет, чувственная страсть с любовью не дружна,
Их видимая связь - лишь видимость одна.
Коль птицу радости начнешь кормить распутством,
Не сможет и забор перелететь она.

883

Удача увенчать не думает меня,
Подруга привечать не думает меня.
Пусть от соблазна Бог осторегать не хочет,
Но дьявол-то прельщать не думает меня.

884

Я дерзкою рукой твою погладил прядь,
Но не спеши меня за дерзость укорять:
Я в локонах твоих свое увидел сердце,
А с сердцем собственным могу ж я поиграть.

885

Ты - дичь; охотник - ты; в ловушке зерна - ты.
Напарник, хмель, саки, черпак узорный - ты.
Однажды идолу взмолюсь в кумирне черной,
Увижу вдруг: и жрец в кумирне черной - ты.

886

Твой нос - «алеф» и «лям». Потом, моя любовь,
Над ними я твои рисую бровь и бровь.
Кружок - твое ушко. Божественное сходство!
Теперь бери читай: Аллаха славословье.

887

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

В укрытии кудрей лукавый житель – страсть.
Твой чудный лик – соблазн, а мой мучитель – страсть.
Твой глаз под бровью – жрец под аркой в нише храма:
Пленил безбожника вероучитель – Страсть.

888

Твое лицо – луна, которой не скучеть.
Прекрасна без прикрас – и прежде ты, и впредь.
Согласный умереть, охотно жизнь оставлю,
Чтоб у дверей твоих навеки замереть.

889

Очами тюркскими меня, видать, поймала,
А может, как силок раскинув прядь, поймала.
Ей мало этого: то выпустит из рук,
То вновь охотится. Смотри, опять поймала!

890

Сегодня облако пришло мой сад омыть,
Жасминов царственных престольный град омыть...
Глаза, твое лицо высматривая щетно,
Спешат лицо мое на дню стократ омыть.

891

Песчинка, что, сверкнув, на лик Земли легла,
Когда-то солнечным челом Зухры была.
И к твоему лицу прелестному прильнула
Не просто пыль, а прах прелестного чела.

892

Уж так язвителен, уж так насмешлив взгляд!
Но брови все равно ко мне благоволят.
Конечно же сошлюсь на то, что брови – выше:
«Глазами гонишь прочь? Но брови не велят!»

893

«Коль мною покорен, то докажи сперва:
Покорно отступись!» – услышал я слова.
Воистину, тебе молюсь я упоенно,
И как же отвернусь от лика божества?

894

С тобою позабыл о смертной боли я.
К чему других искать, лицо твое любя?
В тебя взглянув, себя я познаю, себя;
В себя взглянув, тебя я узнаю, тебя!

895

Прелестные уста ласкай, вино, ласкай,
Перетекая в них из кубка через край.
Счастливый кубок прав: «Чтоб уладиться лаской,
Коснуться милых уст, до капли кровь отдай».

896

Любовь моя светла, как чистая вода.
Счастливому в любви лишенья не беда.
Любовь других блеснет – и гаснет без следа.
Но ты, моя любовь, не сгинешь никогда.

897

Я за любовь к тебе любой позор приму,
А если пошатнусь, и твой укор приму.
до Страшного суда терзай меня, согласен,
Наградой за любовь свой приговор приму.

898

Я веру в идола (ты идол мой!) избрал,
Для твоего вина я путь хмельной избрал.
Мне Бытие любовь, но без тебя, дарует,
И я Небытие (чтоб быть с тобой!) избрал.

899

Сады в цвету, вино, благоуханный луг...
Все радости весны, лишь нет тебя, мой друг.
До радости ли мне, когда тебя не вижу?
А встретив, с радости не вижу, что вокруг.

900

Хвала тебе, живой родник, - устам твоим!
Не к чаше, лучше б я приник к устам твоим!..
Но если не в вине, то где ж найду отвагу,
Чтоб, осмелев, припасть на миг к устам твоим?

901

Свои зароки кто не забывал из нас,
Кто славу добрую не убивал из нас?
И мой запойный бред, прошу, не осуждайте:
Пьян от вина любви кто не бывал из нас?

902

Разлукой сил лишишь, больным и стану я.
Надеждой опьянишь, хмельным и стану я.
Тебе ли спрашивать, каким предстану я?
О ком ты грезила, таким и стану я.

903

Меня взяла в полон разлука-западня,
Все валится из рук, все плохо у меня.
За ночь с тобою жизнь отдам я! - И избавлюсь
От будущих разлук, от завтрашнего дня.

904

Живу затем, чтоб ты дарила встречи мне,
Кудрями бы в ночи пленяла плечи мне.
В засаде что ни ночь высматриваю птицу,
Но снова поутру похвастать нечем мне.

905

Неужто мы сердца познать любовь не пустим,
Изведать хмель вина и соловьев - не пустим?
Как роза лепестки, одежды мы распустим,
Покуда по ветру наш цвет садов не пустим.

906

Моя жемчужина! Успей, пока в цене,
Себя порадовать и стать отрадой мне.
Так быстро дни пройдут, придут такие ночи,
Когда не свидеться нам даже и во сне.

907

Я лунной ночью ждал свидания с Луной,
Гляжу, идет она. О сердце, что со мной?
Глаза к земной Луне, потом к луне небесной...
Небесная луна померкла пред земной.

908

О! Хмель при виде уст алеет, будто лал.
Ты встала, - кипарис прямей и выше стал.
Захочешь, и меня сразишь ты наповал:
Сними чадру, Луна, чтоб ночью день настал.

909

Огонь моей души! Судьбой гонимый прочь,
Неужто я сумел преграды превозмочь?
Теперь - умри, свеча! Теперь - луна, исчезни!
Озарена тобой сегодняшняя ночь.

910

Вчера, желанный друг, кто мне принес тебя?
В мой одинокий круг - кто мне принес тебя?
Несчастный без тебя пытал в огне, но свежим
Пахнуло ветром вдруг!.. Кто мне принес тебя?

911

Не думай, будто я от нищеты не пью,
Иль убоясь хулы и клеветы, не пью.
Я сердце отогреть хотел хотя бы хмелем;
Теперь, когда свила гнездо в нем ты, - не пью!

912

Лицо твое - заря, а кудри - мрак ночей.
Фисташка сладких уст, миндаль живых очей.
Для сердца моего сам Бог избрал хозяйку:
Когда я без тебя - потерянный, ничей.

913

К сиянию луны, красавицы ночной,
Добавлю я тепло, даримое свечой,
Сверканье сахара, осанку кипариса,
Журчание ручья... И выйдет облик твой.

914

Подробно оглядеть спешу привал земной,
Ищу сравнения, упущенного мной:
Довольно называть луной твой облик светлый
И с кипарисами равнять твой стан прямой.

915

Моей подруге кровь цирюльник отворял.
Легка его рука: едва коснуться дал
Прелестнейшей из рук легчайшему из жал,
Ростком из мрамора пробился вдруг коралл.

916

Прелестный пекарь мой, вон ту краюшку дай,
Где бок не обгорел, где пышен каравай!
Я в пальцах пекаря беспомощен, как тесто,
Боюсь, меня в огонь отправит невзначай.

917

Стать ласковой со мной старается – никак,
Смирить свой нрав крутой старается – никак.
Представьте: кипарис, прямой как восклицанье,
Согнуться запятой старается – никак!

918

Ах, каждый локон твой – ночной коварный татъ.
Кто ж волю дал ворам так сердце мне терзать!..
Ты говоришь, они освободились сами?
Ну, так попробуй их покрепче повязать.

919

К другой я и на миг не упорхну никак,
Хотел бы, да любовь не обману никак.
В сиянии твоем слезами ослепленный,
Я на лицо другой и не взгляну никак.

920

Твой локон – как выюнок. Выюнками – страсть во мне.
Глаза твои – нарцисс. Нарциссы в каждом сне.
Твои рубины – хмель. Хмелит питье любое.
Лицо твое – огонь. Огонь – в моем вине.

921

В мой предрассветный сад, где винная струя,
И музыкант, хмельной до полузабытья,
И птичий перезвон, и розы, и друзья,
О нежная, сойди! Все приготовил я.

922

Нам с милой нужен миг покоя, о саки.
Зароки? Это что такое, о саки?
Довольно лепетать про Ноя, о саки,
Ковчег моей души – хмельное, о саки!

923

Пусть мой веселый взор с твоим лицом сольется,
Иссохший кубок мой с твоим вином сольется.
Я так хочу собрать, вобрать в себя все то,
Что здесь разобщено, лишь в мире том сольется!..

924

На стрельбище невзгод я сделал щит, и им
Надежнее всего мы души охраним.
Ах, оглянись, мой друг, насколько прочно верность
Повязана зрачком заботливым моим!

925

Мне пальцы не извлечь из мускусных волос,
Рубины дивных уст слепят меня до слез.
С минуты, как тебя сравнил я с кипарисом,
Тот стройный кипарис от гордости подрос.

926

В весеннем ветерке цветам качаться – рай!
Ловить твоё лицо глазами счастья – рай!
«Вчера» упомяни – уйдет очарованье;
Забудем о «вчера», когда сейчас-то – рай.

927

Как будто флейта нам звенит с ветвей, как славно!
И булькает вино, как соловей, как славно!
Прелестный мой кумир и чистое вино!
Все горести судьбы - долой! Эгей, как славно!

928

Мне говорят: «Хмельным являешься везде,
Так повод, может быть, в какой-нибудь беде?»
Мой повод: милый лик и утренняя чаша.
Коль повод лучше есть, так подскажите: где?

929

Коль вновь, моя любовь, тебя я обниму,
Коль чашу не вина - живой воды возьму,
Зухра звенит струной, Иса ведет беседу,
Но сердце все грустит, чем угодить ему?

930

«Из сада старости благоуханных роз
Так жадно хочется!.. Нарвал бы да принес». -
«Ах, не рвалась бы ты за розами. Там глина
Давно пропитана тщетою жадных слез».

931

Неужто же всерьез так страстно ты клялась?
Всей жизни вопреки - прекрасно ты клялась!
Когда бы я не знал, как все непрочно в мире...
О свет моих очей, напрасно ты клялась.

932

Все! Я с разлучницей-наукой не знаком,
Звезду счастливую с утра почту вином!
С подругой полный лад, расклад планет удачен,
Нельзя откладывать пирушку на потом!

933

Возьму-ка хлеба я, возьму стихов диван,
Для подкрепленья сил вина веселый жбан.
Когда в развалинах сижу, любовью пьян,
Пускай-ка нам с тобой завидует султан!

934

Когда приветил нас весенней нивы край,
О гурия, полней мой кубок наливай,
И - простаку дурным покажется пускай -
Я просто жалкий пес, коль оглянусь на рай!

935

С тобой, забавница, да с лютнею твою,
Когда от соловьев слегка осоловею,
Когда вином и кровь, и нервы отогрею,
Не нужно и гроша мне от Хотама Тея!

936

Опять блестят росой тюльпаны близ реки,
Фиалок на лугу склоняются глазки...
Но есть один бутон: гляжу и наслаждаюсь,
Как он лукавых уст смыкает лепестки.

937

Едва ты вышла в сад, смущаясь алый мак,
Не успокоится от зависти никак.
А что же кипарис тебе не поклонился?
Увидел дивный стан, его хватил столбняк!

938

Я с ветреницей раз повел такую речь:
«Своей же клятвою как можно пренебречь?»
Отменил был ответ: «Мои уста надежны,
Не говорят того, что следует беречь».

939

Сказал я: «Мне с тобой светло, как при луне».
Был жаркий поцелуй ответом в тишине.
«Признайся...» - говорю. «Но в чем?» -

«Ты не изменишь?»

«Сегодня ж изменю!» И тут - смолчать бы мне...

940

«Твой локон так душист, что хочется вкусить...»
«Вкусить?! Кусай себя, не нужно и просить».
«Тогда уж покушусь на два плода желанных».
«Опомнись! Кипарис вдруг стал плодоносить?!»

941

Два локона твоих назвал бы я друзьями,
Свиданья розами, а дни разлук шипами.
Из-под щита волос твой взгляд - удар копья.
В любви - глоток воды, ты в миг размолвки - пламя.

942

Ах, сердце, наша страсть и так-то не бальзам.
За что в кострах разлук обугливаться нам?
В томленье по ее божественному лицу
Блуждаю взглядом я весь день по небесам.

943

Вздыхая по тебе, брошу меж стен пустых.
Лишась тебя, мой дом стал черным и затих.
Как слуг, тебе вслед я шлю глаза и сердце:
Всем сердцем я с тобой, твой путь - в глазах моих.

944

Да только ли глаза, казнясь потерей, плачут?
Все члены тела - как, познал теперь я, плачут!
Разлукой рождено печальное письмо;
Не только сам в слезах, пишу, и перья плачут.

945

Как вкрадчиво любовь опутала меня:
«Впустил, так поздно гнать!» - внушая и дразня!..
Теперь такая скорбь испепеляет сердце,
Как будто стал огонь - горючим для огня.

946

Мне что ни миг с тобой, то новая беда,
И что ни день, то злей несчастий череда.
Меня уже пора оплакивать, поскольку
Судьба меня с тобой связала навсегда.

947

За счастье прежнее тебя благодарю,
С тревогой на сердце вовслед тебе смотрю.
С тобою - мрачный мир каким веселым делал!
Разлукой омрачен, что с миром натворю?!

948

О, знала б ты, тоска какая без тебя:
Как будто должен жить века я без тебя.
Прислала бы кого, сама бы навестила!
Что ни взбредет на ум, пока я без тебя!

949

Резвея ветра я возник бы пред тобой!..
Но нынче, немощный, бездвижный и больной,
Я стал бессильнее горячечного вздоха:
Проник к тебе, приник - и сник бы, чуть живой.

950

Все скорби, сколь нашлось, наружу проступают:
Следы кровавых слез наружу проступают.
Не диво, если кровь закапает с ресниц:
Вот так шипы из роз наружу проступают.

951

Встречал ее не раз, но я-то и не знал,
Она была средь нас, но я-то и не знал!..
Шептал: «Неужто здесь возлюбленной не встречу?»
Пришел прощальный час... Но я-то и не знал!

952

Плачь, сердце! Уж не та она со мною стала,
Печалью занята совсем иною стала.
Об исцелении пришли мы хлопотать,
Но милый лекарь наш сама больною стала.

953

Кого любовь теперь добычей изберет?
Кому она теперь с три короба наврет?
Я отbezумствовал, с меня уже довольно.
Любовь охотится... Сегодня - чей черед?

954

Уж так пылал тобой!.. лишь начадил вокруг.
Ожогом на сердце начальный стал недуг.
Уж так старался я с тобой соединиться!..
Но если не судьба, то не судьба, мой друг.

955

А вот кувшин: как я, любовь он знал когда-то,
В оковах локонов, как раб, стенал когда-то.
Вот ручка у него на горле замерла:
Свою любимую он обнимал когда-то!..

956

Так ласково меня вдруг привечать - за что?
А после от себя вдруг отлучать - за что?
Мы с первого же дня так были неразлучны!..
На всю вселенную готов кричать: «За что?»

957

Меня чураешься - за что казня, кумир?
Ту клятву верности - вот так храня, кумир?!
Смотри, не выдержу, поймаю за шальвары:
Терпенье лопнуло, прости меня, кумир!

958

Неверную забыть? Расстаться? Ну и ну.
Уж будто брошу жить и умирать начну?
Напомню ей, как бьют изменников ислама,
И в веру прежнюю пощечиной верну.

959

Как сердце, изведясь, сожгло здоровье мне!
О, как невмоготу с его любовью - мне!
В заветный час вином влюбленных одаряют,
Но чашу наполнять привыкли кровью мне.

960

Пришла любовь - ушла, как будто кровь из жил.
Вконец опустошен - я полон той, кем жил.
Любимой раздарил всего себя до крохи,
Весь, кроме имени, стал той, кого любил.

961

Все хуже без тебя, и все полней печаль.
С утра, не как вчера, еще больней печаль.
Кто плакал на земле, не обо мне ль рыдали?
Все дальше от тебя, и все сильней печаль.

962

Размахивает рок огнivом и кремнем,
Не в силах прихватить промокший трут огнем:
То врозвъ нас разнесет, то сдвинет и ударит...
Мы врозвъ - проклятие! Но и когда вдвоем...

963

Лекарства для любви недужной не нашла
Душа: коснулась губ, но душу - не нашла.
Чем ей заполнить жизнь, чем завершить легенду
Любви? Концовки есть, но нужной не нашла.

964

Цветник твой разорен, как после кутежа;
Тюльпан твой - ворон взял и ввысь летит, кружка...
Румянец уст твоих давно уж не касался,
Багрянец уст твоих давно покрыла ржа.

965

Как, испытав любовь, ты расцвела со мной!
Как яростно и зло потом рвала со мной!
Надеюсь на судьбу: удачно повернется,
Ты станешь вновь такой, какой была со мной.

966

В лихой притон Судьбы забрел я на беду:
Она всучила мне болезни да нужду.
Как на ветвях бутон, увяну не раскрывшись,
Как на лугу тюльпан, я кровью изойду.

967

Бездомный, телом я пообвешал в пути;
добрь я находил, да некуда нести.
Вот так и прожил век, у счастья не в чести...
Со Смертью встретиться б, но где ее найти?

968

ни камня, кажется, в степях Востока нет,
Который злой судьбой не брошен мне вслед...
Я знаю, нет страны, где б отдохнул от бед,
Где б горький образ твой не застил белый свет.

969

Глаза так бережно вели слепое сердце,
Чтоб где-то встретиться смогло с любовью сердце...
Не любопытствуйте, что на сердце теперь:
Глаза заставите омыться кровью сердца.

970

Вот - горе! Кровью слез ты захлебнуться должен,
Иль мир ликующий перевернуться должен!..
Пока твои глаза не высосала тьма,
Представь, что это сон, что ты проснуться должен!

971

Вчера прощались мы. Я, стоя над могилой,
Сквозь саван узнавал прелестный облик милый
И тщетно звал: «Ответь!» О, если б навсегда
Не голос твой умолк, а мой язык постылый!..

972

чуть ночь, и снова ум в отчаянье ночном,
И жемчугами слез осыпан я кругом,
И в чашу головы не влить вина ни капли:
Старайся, наполняй, но чаша кверху дном.

973

Пустить из сердца кровь - и смоет сотню зданий.
Стократ губительней - река людских рываний.
Я на ресницах нес такое море слез!..
Обрушится потоп, коль не сдержу стенаний.

974

Палатки мудрости Хайям когда-то шил,
Но в печь беды попал, да в самый жар и пыл,
Остаток лишних лет отстриг посыльный Смерти
И за бесценок их кому-то уступил.

975

Ты в горе мудрым стал и дураком едино.
И что тебе мечеть, молельный дом? - едино.
Душой ты с чужаком, а может, со своим,
Раздвоен: стал свечой и мотыльком едино.

976

Ночами небеса гноят мне жизнь-белье;
И нитки расползлись, и воротник - рванье.
Возьмут мою судьбу, и уж начнут мытье,
Вдруг вынут из воды и снова в грязь ее!

977

Нет, храм о двух дверях нам не дал ничего;
Растрачена душа, и в сердце все мертвое.
Блажен, кто в этот мир не разыскал дороги
Иль вовсе избежал зачатья своего.

978

Ну и сокровище нашлось для нас: ничто.
От козней мира я, взгляни, что спас: ничто.
Я, светоч радости, когда погас, — ничто.
Джамшидов кубок — я... Разбей! Тотчас — ничто.

979

Поля печальных глин — родимый край для нас.
На пару дней весь ад, весь этот рай для нас.
Сегодняшний кувшин с водою ключевою
И завтрашний кирпич — вот урожай для нас.

980

Созвездье Близнецов колышет вздох печали,
И ливнем слез моих кипят морские дали.
На послезавтра пить вино к себе зовешь?
Я и до завтра-то смогу дожить едва ли.

981

Я радость за подол — но вырвалась она.
Я к чаше — но в уста не капнуло вина.
Мой век, мой долгий день уже склонился к ночи;
Все прожитые дни для сердца — ночь одна.

982

Чье сердце на лугу скосили, как траву?
Ах, локон сневшийся, былинки — наяву.
Как прядка вырвана неосторожным гребнем...
Ты — локоны травы, я — без тебя живу.

983

Боюсь, мое лицо во цвет морской волны,
Поскольку морем слез глаза мои полны.
Не следует нырять в моем соленом море,
Не зная, что за зверь всплынет из глубины.

984

Сбегая от тоски, спускаюсь утром в сад.
Над розой соловей зашелся от рулад:
«Раскрой же свой бутон! Рассмейся вместе с нами!
Красно в саду от роз! Прекрасны все подряд!»

985

Над розами звенит весна-ворожея.
Пиры во всех садах, близ каждого жилья.
На волю все, в поля, в пыланье гулистана!..
Безлюдье. Скорбь о ней. И кладбище. И я.

9. ДО МЕРКИ «СЕМЬДЕСЯТ»
НАПОЛНИЛСЯ МОЙ КУБОК

986

Служило верою и правдой сердце мне.
Усталое, взбодрить бы надо сердце мне.

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
И подал друг вчера живительную чашу.
«Не пью». Но он сказал: «Порадуй сердце мне!»
987
В угоду никогда хмельного не вкушу,
Пока и скорбного, и злого не вкушу.
В солонку друга хлеб я не макну, коль прежде
Из печени своей жаркого не вкушу.

988
С восходом солнца день в наш спящий дом заходит
И снизу доверху его с огнем обходит.
С восходом солнца день ворует жизнь у нас:
По всем ухваткам вор, коль с фонарем приходит.

989
Рукою - пиалу, другою - на Коран.
То благостен и трезв, то нечестив и пьян...
Сияет бирюзой роскошный балаган
Полубезбожников и полумусульман.

990
Трудам ученого цена невелика.
Увы! Доишь козла, и хочешь молока?
Халат невежества взирает свысока,
За весь твой ум не даст и дольки чеснока.

991
Старинной дружбы храм раздором осквернен.
Я другу доверял. Сегодня предал он.
Осталось только встать, покинуть это место,
Потом, уж издали, отвесить всем поклон.

992
Я сам - порочное, должно быть, существо:
Не в силах видеть я порочных - никого.
Настолько мерзкою мне кажется эпоха,
Что хочется сбежать из века своего.

993
Понятно, ты чужой среди ослиных стад,
Про знание твое прознают - не простят.
Хотя б однажды в год водою напоили!..
Зато сто раз на дню слезами опоят.

994
Я с нынешнего дня с наукой не знаком!
Седобородые, туда, где пьют, пойдем!
До мерки «семьдесят» наполнился мой кубок;
Боюсь откладывать пирушку на потом.

995
От глубины Земли до высшей из планет
Загадкам бытия сумел найти ответ,
Сплетенья всех причин извлек на белый свет,
Расплел я все узлы, но узел Смерти - нет.

996
Покрова с вечных тайн ни ты не снял, ни я:
Неясным письменам ни ты не внял, ни я.
Гадаем мы с тобой о скрытом за покровом...
Но упади покров - ни ты б не встал, ни я.

997

В науке странствуя, порой менял я взгляд,
В утрате цельного пути я виноват.
Такой диковинке любой зевака рад:
У однорукого в сто рукавов халат.

998

Вращения небес не разгадал я, нет.
Ни крохи из того, о чем мечтал я, нет.
И вот свои труды проглядываю с болью:
Постигшим этот мир за век не стал я, нет.

999

Наукой с Мудростью я очарован был,
В их тайны проникал, их образы лепил...
Но Мудрость - муторна, Наука - недотрога.
Как только их познал, обеих невзлюбил.

1000

Кто жемчуга идей сверлили так и сяк
И про любой пустяк шумели: «Божий знак!» -
Начала нити тайн они не отыскали.
Потешили зевак. А там и дух иссяк.

1001

Глазели в небеса, болтали так и сяк;
Жемчужины наук сверлил любой простак -
И попадал впросак, толкуя тайны неба.
Потешили зевак. А там и дух иссяк.

1002

Ушли!.. И век вослед клянет нас, возмущен:
Мол, хоть бы перл из ста был нами досверлен!
Увы! Не только сто - сто тысяч откровений
Вдолбили бы глупцу, когда бы слышал он.

1003

Каких мыслителей века смели, саки!
Все спят во прахе грез, вон в той пыли, саки.
А все их мудрости, испей вина и слушай:
Вчерашним ветерком шумят вдали, саки.

1004

Поройся в памяти: еще хранит меня?..
Никто от слез, как ты, не оградит меня.
Саки! Уж коль и ты не снимешь боль, то кто же
В стране, куда уйду, развеселит меня?

1005

Был кислым виноград, стал сладким. Но поди ж,
Чем горечь винную разумно объяснишь?
Коль дерево в лесу срубили сделать лютню,
К чему про флейту речь, про плачущий камыш?

1006

О сердце! Истина, и та - словечко, звук;
Тем более нужда не стоит наших мук.
Коль тело мучит рок, вином залей недуг:
Разбитое судьбой не воскресишь, мой друг.

1007

Я к розам и к вину без устали спешил,
Запущенностью дел я всех вокруг смешил.
Мне надо было искать иные цели...
До них я не дошел. Верней, не заслужил.

1008

Безволье пред Творцом пресечь бы - ну, никак;
Из ханжества народ извлечь бы - ну, никак.
Уж и хитрили мы, и к разуму взывали:
Осиливая рок, налечь бы!.. Ну, никак!

1009

Ученьем этим мир поправил бы дела,
Вседневным праздником тогда бы жизнь была,
И каждый человек своей достиг бы цели
И заявил бы: «Нет!» - безумной власти зла.

1010

Я сердцем изнемог. Скорей вина сюда:
Проворно, будто ртуть, из рук бегут года.
И «счастье наяву» приснилось, как всегда,
И «пламя юности» (вглядись!) уже вода.

1011

Уж раз меня сюда буквально за грудки,
Да и погонят прочь желанью вопреки,
Встань, опояшься и проворным будь, саки:
Начну смывать вином пласти земной тоски.

1012

Доколе маяться в притоне воровском,
Где так бессмысленно плетутся день за днем?
Неси вина! Скорей! - Пока остаток жизни,
Никто не умыкнул, прельстившись кошельком.

1013

Саки! Вокруг меня, в груди ли - пустота?
В лесу, где прежде львы бродили, - пустота.
Ты что ни ночь бутыль обмахивал от пены.
Мы, наконец, пришли! В бутыли - пустота.

1014

Я много по горам да по степям кружил;
Не ублажил судьбу, достатка не нажил.
Я вдоволь бедовал, и лишь одним доволен:
Жил худо, бедно жил, но - худо-бедно - жил!

1015

Я много по горам да по степям кружил,
Я из конца в конец по всей земле спешил -
И никогда никто навстречу не попался.
(Обратно нет пути, коль путь не завершил.)

1016

Саки! Истлею здесь скорей, чем под землей.
Легко покойникам: доступен им покой.
А я кровавых слез чуть отстираю пятна,
Слезами новыми подол запятнан мой.

1017

Народы, что нашли, сойдя в приют смиренный,
Забвение невзгод и нищеты презренной,
Со Смертью шепчутся: «Как жалко, жалко всех,
Кому в грядущее брести по жизни бренной!»

1018

Саки! Один бы вздох над кубком Бытия,
Один счастливый вздох, и успокоюсь я.
Мгновенье радости дороже всех соблазнов:
Надежда никогда не сбудется ничья.

1019

Пусть я разоблачен, толпа кругом права,
Не думай, что меня расстроила молва.
Забудутся дела, забудутся слова,
Едва моя во прах склонится голова.

1020

Оковы рабские не снял я до сих пор.
Ни мига радости не знал я до сих пор.
Уроки мне судьба втолковывала долго,
Но только мастером не стал я до сих пор.

1021

Душе среди наук опоры все же нет:
Ученые кругом, людей, похоже, нет.
Наполни кубок мой, чтоб я немного ожил:
Пути отсюда мне сегодня тоже нет.

1022

Друзей сомнительных, я болтунов дичусь,
Со стоном собственным беседовать учусь.
Сегодня, чувствую, в последний раз рыдаю:
Навек отплачусь ли - иль веком отплачусь.

1023

Как, небо, ни кружись, все горше тьма во мне;
Оковы можешь снять: моя тюрьма во мне.
На недостойного глупца взглянуть не хочешь?
Достоин взгляда я, раз нет ума во мне.

1024

Я знаю, небосвод, мой добрый опекун:
Смерть - камень, жизнь - стекло, а ты - палач и лгун.
До мерки «семьдесят» наполнится мой кубок,
Ты выхватишь его и ахнешь об валун.

1025

Из кабака Судьбы, где одуревший люд
Решил мне учинить позорный самосуд,
Сбегу наружу я - внезапно, прежде смерти!..
Неужто хватятся и догонять начнут?

1026

По жизни уж едва бредет душа моя,
Хоть самый ровный путь старался выбрать я.
Хотел бы загодя узнать кошмары ада?
Ад - это подлецы, пролезшие в друзья.

1027

Вновь зеркало небес подстроило мне тут
Судьбой наусыканных подонков самосуд!
Лицо – пыланьем слез наполненная чаша,
А сердце – кровью лет наполненный сосуд.

1028

О, если б дотемна ночлег найти тебе,
А лучше б увидать конец пути тебе...
О, если б, как траве, из почвы, отоспавшись,
Сто тысяч лет спустя опять взойти тебе!..

1029

Однажды прежние места искать начнешь,
Надеждой прежнею себя ласкать начнешь
На встречу с юностью, с минувшими друзьями.
«Найдем! Ведь ждут они!» – ты сердцу лгать начнешь.

1030

Здесь насадивших сад – их никого уж нет;
Здесь возводивших дом – ни одного уж нет...
«А где же их сосед, когда-то мне знакомый?» –
«Жить долго приказал: ведь и его уж нет».

1031

Хоть раз мои труды губить не стало б небо,
Свое сочувствие хоть раз явило мне бы!..
Лишь только в забытьи счастливый вздох издам,
Как распахнется дверь – всем бедам на потребу!

1032

Пришедший в этот мир, в сомнительный притон,
Успей хоть захмелеть, пока не разорен,
Пылание невзгод залить вином – на гостя
Землей обрушится, задушит ветром он.

1033

Не мучай сердце, брось, не то тебе в укор
Шепнет оно в тоске: «Господь! До коих пор?...»
Богатство и красу не полагай защитой:
Одно утащит вор, другую – злая хворь.

1034

Хоть сладостна, хоть зла, а жизнь уйти должна.
То Нишапур, то Балх, вот чаша и полна.
Так пей! И после нас чередоваться будут
То оскудевший серп, то полная луна.

1035

Откупори бутыль и алой чистоты
Плесни, а то вокруг так мало чистоты.
Пожалуюсь вину: устал я убеждаться,
Что в остальных друзьях не стало чистоты.

1036

Не я храню, не я пинаю черепки...
Предпочитаю хмель на берегу реки.
Не стать огнем, коль все чадят как угольки,

1037

Во цвет багрянника вина неси, саки.
Иду я к пропасти, скорей спаси, саки!
Освободи меня, лей столько, чтоб забыл я
Судьбой навязанный печальный путь, саки.

1038

Я грешен, я в огне таком, что дыма нет,
Спасения нигде от нищеты мне нет.
К мучителям тянусь за милостыней малой,
Но милости ко мне в людской пустыне нет.

1039

Осталось мне, саки, вздохнуть разок, и все.
Остался от бесед мой шепоток, и все.
Вчерашнего вина осталось меньше кубка.
А жизни?.. Если б знать: такой-то срок, и все.

1040

Мне в книгах бедствия такого не нашлось,
О стольких горестях слыхать не довелось,
Не знают смертные, что значит смерть от жажды,
Хотя над головой сомкнулось море слез.

1041

Саки! Моя беда известна всем давно,
И, как ни пью, помочь не может мне вино.
Но ты настолько юн, что я забыл седины,
И сердце дряхлое опять весны полно.

1042

Безжалостная Смерть уж у дверей, саки.
Прощального вина плесни скорей, саки.
Печали побоку, устроим сердцу праздник
Из этих двух ли, трех последних дней, саки.

1043

Судьбой обыграны все те же мы с тобой.
Хоть на прощанье мир потешим мы с тобой:
Назло судьбе, саки, вино в руках мы держим,
Вот истину в руках и держим мы с тобой.

1044

Не изумляться тут – чему, сынок, скажи?
Осмыслить бытие хоть кто-то смог, скажи?
Кто вправду счастлив был хотя б денек, скажи,
Кто не предчувствовал плачевный рок, скажи?

1045

Коль сердце от тоски томится у тебя,
Иль жуткое в делах творится у тебя,
Полезно расспросить, что на сердце у прочих,
И сердце, право же, взбодрится у тебя.

1046

Мудрец изгнал печаль и не до дна не пьет,
Иначе как налив себе сполна, не пьет.
А кто хранит печаль и отстраняет флягу?

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
Бедняга: беды пьет. Болван: вина не пьет.

1047

В мечтах я облетал вселенную кругом,
Скрижаль, и рай, и ад выискивал тайком.
Словам Учителя поверил лишь потом:
«Скрижаль, и рай, и ад – ищи в себе самом».

1048

Коль хочешь, подскажу, как в жизни клад искать,
Средь бедствий мировых душевный лад искать:
Лишь надо от вина ничем не отвлекаться,
Лишь наслаждение весь век подряд искать.

1049

Не трусь перед судьбой, тогда сверкнет во мгле
Священное вино на нищенском столе.
Сначала – из земли; в конце – обратно в землю;
Считай, ты под землей, идущий по земле.

1050

Отвергло небо мир? Тогда война. Ну что ж.
Попрали честь? Позор приму сполна. Ну что ж.
Вон в кубке – как багров стал цвет вина!.. Ну что ж,
Непьющий! Вот он – я, и камень – на. Ну что ж!..

1051

Доколь, из-за вранья и злых повадок жизни,
Доколь взамен вина глотать осадок жизни?
Так жизнечерпий подл и до того хитер,
Вот выплесну пред ним дрянной остаток жизни!

1052

О небо! Не тащи на пьяный свой дебош!
Гляди: я на ногах, а ты уж не встаешь.
И что с меня возьмешь? В руке – последний грош,
И жизнь моя – не жизнь, а горестная дрожь.

1053

О горе! Истлевать бесплодно не хотим мы,
Но жернов неба нас крушит неотвратимо.
И не успел моргнуть, как жизнь мелькнула мимо...
Что не достигнуто, уже недостижимо.

1054

Ох, небо! Скряге ты любые вещи – на!
И баню, и дворец ты, не перева, – на!
А с мудреца залог берешь за корку хлеба.
Такому небу мы – душок порезче: на!

1055

Бродягу встретил я. Ничто ему не в лад:
Ни истина, ни ложь, ни Бог, ни шариат,
Ни мир, ни монастырь, ни вера, ни разврат...
Вот это мужество! Плюет на все подряд.

1056

День в день на Новый год – и Рамазан настал,
Поститься вынудил, как в цепи заковал.
Всевышний, обмань, но не лишай застолья,

1057

Тот, чуждый зла, кувшин с поклоном навести,
Одну себе налей, другой - меня почти.
Когда судьба пинком отбросит нас с пути,
Все ж глиной на кувшин сумеем мы пойти.

1058

Все дни и ночи я в хмельной поток ныряю,
От бешеных небес я - наутек - ныряю!
Корабль моей судьбы вот-вот пойдет ко дну,
Так исчезать в воде учусь я впрок: ныряю!

1059

Сегодня снова юн и счастлив я, пока
Хмельною горечью обманута тоска.
А горечь не порок, в вине она приятна,
Привык я к горечи, вся жизнь моя горька.

1060

Хмельное в юности возносит - лучше нет.
Вино красавица подносит - лучше нет!..
Но тленный мир, увы, - руины, сон кошмарный.
Упьюсь! Вино, как смерть, подкосит - лучше нет.

1061

Не обновится мир. Он сгнил уже давно.
Здесь никому ни в чем удачи не дано.
Еще б винца, саки! Уважишь иль откажешь,
Что так, что эдак, всем свалиться суждено.

1062

Хлопочем!.. Но дела идут своим путем.
Неужто ничего не завершим путем?
Беспомощно сидим, привычно причитаем,
Что опоздали мы, а скоро прочь пойдем.

1063

Краса вселенной! Брось тащить под нищий кров
доходов и потерь бессмысленный улов.
Саки подать вино последнее готов,
Так хоть теперь забудь о жути двух миров.

1064

Без хмеля день и день связать я не смогу,
Вином не подкрепясь, и встать я не смогу.
Я чувствую, что стал рабом того мгновенья,
Когда саки нальет, и взять я не смогу.

1065

О сердце! Намекни: ну, в чем твоя услада?
Так мимолетна жизнь, что жизни ты не радо.
И мы, и мир - ничто; и плач, и смех - ничто;
И, право, за «ничто» ничем платить не надо!

1066

Сейчас бы яблоки на скатерть, да салат,
Потом жаркое бы с тархуном... Виноват,
Я гостю очень рад, но сад уже не прежний.

1067

Нет, нам с тобой судьба вина испить не даст,
Чем нас расцеловать, скорее - жить не даст.
«Покайся! - говорят. - Уже пора подходит».
В чем каяться? Господь и согрешить не даст.

1068

Кто царь пропойц, меж них и кости сложит? Я.
Кто горести свои грехами множит? Я.
Кто сердце так спалил, что и ночной молитвы
Без помощи вина вознесть не может? Я.

1069

Ошибка: старостью вершить цепочку дней.
Гранаты щек моих с годами все синей.
Хибара ветхая на четырех опорах
Вовсю шатается, жить невозможно в ней.

1070

Нет, мир не страшен мне. Не света я боюсь,
И не из смертной тьмы привета я боюсь.
Смерть - это истина. Не мне страшиться правды.
Я не всегда был добр - вот этого боюсь.

1071

Когда помру, когда отплачусь по мне,
Постелью скромною довольствуюсь вполне.
Лишь об одном прошу, кирпич под изголовье
Лепите не с водой, мешайте на вине.

1072

Взбрело душе гулять, из тела ускользнуть,
И вот гадаю, как закрыть ей этот путь.
Ах, я же виноват?.. да сто шипов ей в язвы!
Не стань гулящею, чтоб лиха не хлебнуть!

1073

Куда ни побреду, судьба плюется вслед.
делами ли займусь, ни в чем удачи нет.
Душа уходит прочь... «Постой! Ведь я погибну!»
«Мой дом разрушился», - доносится в ответ.

1074

Поскольку этот мир - колючие кусты,
Не странно, человек, что весь изранен ты.
Тот может ликовать, кто спешно мир покинул,
Блажен, кто не набрел на здешние цветы.

1075

Мой враг - степной Восток, где каждый сухоцвет
Колючкой тянется, чтоб уязвить вовслед.
Становится врагом измученное тело...
Одно спасение: с душой разлада нет.

1076

Когда б небесный свод построен был умно,
По нраву небосвод пришелся б нам давно.

Когда бы на небе судьба вершилась мудро,
У мудрых на сердце так не было б черно.

1077

Бродя под куполом, не глядя в бирюзу,
Мы ищем выхода, как муравьи в тазу.
Кружится голова. Куда свой груз несу?..
Как бык на мельнице, мы кружимся внизу.

1078

Друзей с тропы судьбы спокойный путь сманил:
Рок налетел, как вихрь, и сзади – цепь могил.
Степной мираж и нам уж не прибавит сил,
И далеко привал, и выюк осла свалил.

1079

Где счастье?.. Повторять лишь имена осталось.
Друзья ушли, хотя полно вина осталось.
Все выпустил из рук, но чашу – удержи,
Которую теперь испить до дна осталось.

1080

Друзей, с которыми сидели мы досель,
Поуводила Смерть в уютную постель.
Им так понравилось вино существованья!
И раньше нас на круг свалил их сладкий хмель.

1081

Отведавши вина, как ликовали мы!
Из грязи – в небеса, о, как взлетали мы!
Пора и чиститься. Плоть поснимали мы:
Из праха мы пришли, вновь прахом стали мы.

1082

О, как поддались мы Семи и Четырем?!

От Четырех с Семью спасенья не найдем.
Напьешься скорби ты, наполнив скарбом дом
И вдруг сообразив, что как уйдем – уйдем.

1083

Никто остановить полет планет не смог.
Людьми наесться прах за столько лет не смог!..
Спесивому – урок: уймись, пока не съеден,
Пока поужинать тобой сосед не смог.

1084

Сказала рыба: «что? Нам жарко? Не беда.
Не мог ручей пропасть, опять придет вода!»
Но утка ей в ответ: «Нас жарят, это да.
Где смерть, там хоть ручей, хоть море – ерунда».

1085

Увы тебе, щенок, мой суэтливый зверь!
Охоту счел игрой, добегался теперь.
Наверно, потому, что был к костям привержен,
Навек забыть о них клыком заставил вепрь.

1086

И дом уже подмыл потоп, меня доставший,
И плещет через край из жизни – мерной чаши.

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

Ах, сердце, не до грез! Носильщики Судьбы
Уже куда-то прочь несут пожитки наши!

1087

Взгляни, бутоны роз разнежились в тепле,
Пленяя соловья в рассветной полумгле.
Присядь под сенью роз! Дождь лепестков так долго
На землю будет лить, а мы - уже в земле.

1088

Чтоб рок войну со мной и вдруг забыл? Чудно!
И гору на меня не своротил? Чудно!
Чтоб кадий, прокутив казну своей мечети,
Гашишем медресе не совратил? Чудно!

1089

Я чашу весом в ман облюбовать хочу,
Зараз ведро вина в нее вливать хочу.
Я трижды отрекусь от Веры и от Мысли,
Я только дочь Лозы женой назвать хочу!

1090

Пусть мой питает дух струя вина всегда!
Пусть мой ласкает слух твоя струна всегда!
Когда же плоть моя кувшином звонким станет,
Пусть будет пламенным вином полна всегда!

1091

Хоть мы еще не прах, но дни скучным-скучны,
Приметы бытия для нас черным-черны...
Зато в ладоши бьем, когда хмельным-хмельны,
Продляя пляской дни, что вновь полным-полны!

1092

Кувшину этому, глядите, грош цена,
Но хмелем я его наполнил допьяна,
И так-то мне, друзья, он булькал по дороге:
«Я тоже, как и ты, полно хлебнул вина».

1093

Вот отпылали мы. Где дым остался? - там.
Весь денежный доход где проедался? - там.
Но кто честит меня пьяничугой харабатным -
Знавал ли харабат? Где обретался там?

1094

О красках мир забыл, снегами весь укрыт.
Напомним! Пусть у нас рубин вина горит,
И благовонный уд лесным дымком пьянит,
И благозвонный уд мелодией пленит.

1095

Хрусталь с рубиновым подай, сынок, сюда,
Чтоб сквозь него луна казалась молода!..
Ведь «пламя юности» (всмотрись!) уже вода,
А «счастье наяву» приснилось, как всегда.

1096

Шиповник с облачных крутых вершин летит,
Совсем как белый цвет земных долин летит.

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
Багряное вино я лью в лилейный кубок,
А из лиловых туч на луг жасмин летит.

1097

С ночных небес вот-вот обрушится беда...
Вели, красавица, вина подать сюда.
Ты, драгоценная, - не золото, глупышка,
Зарыв, откапывать не станут никогда.

1098

О милое дитя, ты робостью пленишь,
Но лучше, коль со мной робеть повременишь:
Глаза ли влажные мне рукавом осушишь,
Сухие губы ли устами увлажнешь.

1099

Поймешь, когда пройдешь по всем путям земли:
Следы блаженств и бед сливаются вдали,
Потом с лица земли добро и зло уходят.
Так хочешь, болью стань, а хочешь, исцели.

1100

Судачат: я гульбой, презрев молву, живу.
Попойками во сне и наяву живу!..
Открытое для всех, подумаешь, открытие:
Вот чем я в тайниках души живу - живу!

1101

А ну, возьми перо и вычислить сумей,
От жизни сколько взял и сколько отдал ей.
Твердишь: «Вина не пью, поскольку смерть близка, мол».
Конечно, смерть близка, хоть пей ты, хоть не пей.

1102

Стрелой ударит Смерть, и щит любой - ничто,
И жест торжественный, и клад златой - ничто.
Я в жизни высмотрел один завет великий:
«Живи и радуйся!» Ты пред Судьбой - ничто.

1103

Мы чистыми вошли - нечистыми ушли;
Мы радостно пришли - слезами изошли.
Зажгли огонь в сердцах - водою слез залили,
Отдали ветру жизнь и в вечный прах сошли.

1104

Доколе красотой пленяться должен ты,
За добрым и дурным гоняться должен ты?
Да хоть змеиный яд, да хоть вода живая,
А в землю все равно впитаться должен ты.

1105

Я в тайны проникал, давалась мне любая
Загадка ль на небе, задача ли земная.
Семидесяти двух не пожалел я лет,
И... Знаю я теперь, что ничего не знаю.

1106

Над каплей, плакавшей, сбираясь в дальний путь,
Смеялось море: «Вновь вернешься как-нибудь»:

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
От Бога мир - един. Однако не забудь:
«Движение точки» все способно разомкнуть!»

1107

дождинки-странницы мне в сердце плач проник:
«до моря бы скорей добраться напрямик!»
Прочь унесло ее, быть может, верно к морю.
«И вы - такие же!..» - ее прощальный крик.

1108

Покинув тайный мир, я соколом парил.
Как радовался я свободе сильных крыл!
Увы! Никто восторг со мной не разделил.
И я спустился вновь туда, где прежде был.

1109

Вот так и ты уйдешь, обманутый кругом
Вначале сказками, печалями потом.
По дому сквозняки. Ну, как свечу зажжешь ты?
А в поле сплошь потоп. Ну, как построишь дом?

1110

В ветвях надежды я ищу последний плод -
Который нить моих желаний разорвет.
Доколе мне искать в тюрьме существованья:
Где дверь, которая в Небытие ведет?

1111

Ушла впustую жизнь, и не вернуть назад.
И вот еда вредна, и вот дыханье - смрад.
Сперва-то каждый рад плевать на все наказы...
Потом терзаемся, из жизни сделав ад.

1112

Вином меня, друзья, спешите оживить,
Ланиты-янтари рубином подновить!
А если все ж умру, вином меня омойте
И не забудьте гроб лозою перевить.

1113

Под перезвоны чах пусть отпоют меня,
Омытого вином пусть погребут меня.
Когда захочет Бог призвать на Суд меня,
Где пахнет погребком, легко найдут меня.

1114

В заветном кабачке по-дружески сойдясь,
Красой любимых лиц, как прежде, насладясь,
Примите от саки магического зелья,
Представьте и меня, несчастного, средь вас.

1115

На что он старику, рассыпавшийся храм?
Любое по сердцу, что рок готовит нам.
Коль что-то попрошу, так тут же и отдам.
И смерть приму, как зов: меня заждались - там...

1116

Учением своим впustую обольщен,

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

Я не предчувствовал всесилия препон...
Теперь нельзя мне спать, вином снимаю дрему,
Покуда не свалил меня последний сон.

1117

В пути запуталась душа в добре и зле...
Чист от добра и зла лежащий здесь, в земле.
Немало путников пройдут по нам с тобою,
Забывшим обо всем в неведенье, во мгле.

1118

Вы снова встретитесь когда-нибудь, друзья,
Напомнит обо мне багряная струя,
И чашу, до меня дошедшую по кругу,
Вы опрокинете - как если бы выпил я.

1119

Как мимолетный гость, когда покину вас,
В преданья обо мне вложите мой наказ:
«Здесь глиной прах его становится; слепите
Кувшин для кабака, когда настанет час».

1120

От ветхости небес - и жизнь полумертвa.
Где корни дел моих? Где гордая листва?
Пока внутри шатра увязываю вещи,
Саки, подай вина. Все прочее - слова!..

1121

Дух - за уборкою жилища моего.
Он разыскал места почти что для всего.
Лишь это тело - саз... Так шелково звучал он,
Но Время, тренъкая, разбило вдребезги его.

1122

От Смерти убегать когда устану я,
Как дичь, ее рукой ощипан стану я,
Молю вас на кувшин пустить мой прах несчастный:
Почуяв винный дух, а вдруг да встану я.

1123

Когда судьба меня растопчет, как цветок,
Рассеет по земле мой каждый лепесток,
И глиной станет прах, кувшином станет глина, -
Налей вина в кувшин, чтоб он воскреснуть смог.

1124

Потомков приводя, показывайте им
Могильный холмик мой, наказывайте им:
«Здесь глиной станет прах, вином его смочите
И, наполняя хум, замазывайте - им».

1125

Хозяева гробниц рассыпались дотла:
Объятья их частиц могила расплела.
Чем упились?.. Пока не выгорит дотла
Вселенная, проспят, забыв про все дела.

1126

добрю в жилище зла не верьте: ускользнет;

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

Приплясывай, лови, - как ветер, ускользнет.
Тому, что я ушел, пусть радуется тот,
Кто думает, что сам от смерти ускользнет.

1127

И сеет Рок, и жнет, не покладая рук.
Плачевен урожай невыносимых мук...
Скорей подай вина! Так захотелось вдруг
Былое помянуть: все было, милый друг.

1128

В шести... в пяти живых... нет, уже в двух!.. в одном! -
С рождения Смерть сидит в любом из нас, в любом!
А взять пиры Судьбы: сберемся за столом -
То соли не найти, то соль лежит на всем.

1129

допустим, небосвод спохватится, и вот
Порядки бытия в порядок приведет.
Но разве же друзья допраздновать вернутся?
Но разве я годам начну повторный счет?

1130

Шепнуло небо мне в ответ на злой упрек:
«Но в чем повинно я, коль мною движет рок?
О, спас бы кто меня от головокруженья,
От власти роковой избавиться помог!»

1131

В игре добра и зла, отрады и невзгод,
Коротких ясных дней и долгих непогод -
Что ж небо обвинять!.. Палач, но подневольный.
Ты лучше пожалей несчастный небосвод.

1132

Чем ближе к смерти я, тем каждый день живей;
Чем царственнее дух, тем плоть моя скучней...
Все удивительней вино существованья:
Чем отрезвленней я, тем становлюсь хмельней.

1133

Чем меньше мне дышать, дыханье все полней.
Чем медленней иду, догнать меня трудней.
И все живое мне, простившемуся с жизнью,
Чем чужероднее, тем ближе и родней.

1134

Есть время праздновать и время горевать,
И кутать нас в ковры, и снова их срывать...
Когда мудрец легко все это принимает,
Тогда окажется: легко и умирать.

1135

Когда в погоне Смерть задышит за спиной,
Когда в глазах у нас померкнет мир земной,
Сердца - веселыми швырнем на сито жизни!
И можно пылью стать под уличной метлой.

1136

Вот я смиренно лег под траурный покров,
Страница 144

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
И закопать меня могильщик мой готов...
Вино! Восстань из тьмы, покинь бутыль-могилу,
Чтоб сердце мертвое во мне забилось вновь!

1137

Пусть вечно дух хмельной, венчая путь земной,
Из глубины земной восходит надо мной.
К могиле подойдет измученный похмельем,
Вздохнет он надо мной, и съязнова хмельной.

1138

Уж Книгу Жизни мне покинуть - ах, пора,
У Смерти побывать в кривых когтях пора.
О добрый мой саки, век оставайся добрым!
Воды в дорогу дай: спускаться в прах пора.

1139

Небесный круг - на мне истлевший поясок;
Джейхун - слеза моя, смочившая песок;
Ад - из пожара мук отпавший уголек;
Рай - первый миг, когда я отдохнуть прилег.

1140

Вдруг этой ночью вновь тобою грезить стал,
Страницы давних лет в который раз листал.
Спасибо памяти, я вновь играл на лютне,
И пел, и пировал, и губы целовал...

10. ДУША ВСЕЛЕННОЙ - МЫ

1141

О сгусток, слепленный из Четырех основ!
О сущности души послушай пару слов:
То дэва жуткого, то деву райских снов -
Ты видишь сам себя: ты в этот миг - таков.

1142

Пока на золотой стремишься звон, ты - звон;
Пока душе милей не явь, а сон, ты - сон.
Вникай! Не нам, а нас цель страсти изменяет.
Любой предмет: тебя пленяет он? Ты - он.

1143

Не дай себя отвлечь, за блестками не рвись;
Добра ли, зла судьба, а все равно - трудись.
В игре не только ты, все проиграть способны:
И Мекки гордый храм, и небосвода высь.

1144

Искатель истин, ты истратишь век земной,
Но удержать в руках не сможешь ни одной.
Вот так: пока вино не льем мы в кубок твой,
Живешь в неведенье, что трезвый, что хмельной.

1145

Чтоб сана тайного достичь когда-нибудь,
Не вздумай слабого хоть раз стопой пригнуть.
Не накликай беды, не помышляй о смерти:
Они и без того к тебе отыщут путь.

1146

Пускай хоть пять веков судьба тебе дала,
Не долголетие прославит, а дела.
Будь мудрым! Чтоб молва тебя не прокляла,
Стань доброй сказкою, а не исчадьем зла.

1147

В пути не шествуй так, чтоб каждый тут и там,
Завидев, вскакивал и возглашал «салям!»,
И так в мечеть входи, чтоб люд не расступался,
Почтительно шепча: «Наверное, имам!»

1148

Великий стыд и срам: боготворить себя,
В душе презреть народ и воцарить - себя.
У зоркого зрачка полезно б научиться,
Взирая на людей, совсем не зритъ - себя.

1149

Ты думал ли о том, что предок наш - Адам?
Хоть мы разобщены благодаря векам,
Чужими кажемся и чуждыми друг другу,
Родство - мое с тобой - нельзя оспорить нам.

1150

Пусть извели тебя безрадостные дни,
Пусть яростью небес исполнены они,
Пусть ты горишь в огне! - глотком воды студеной
Из чаши подлеца - уста не оскверни.

1151

Как только хлеб себе сыскал на день-другой,
И пусть кувшин надбит, но плещется водой, -
Рабом ничтожества зачем же оставаться?
Иль делать равного себе - своим слугой?

1152

Достойней кость глодать, но вольным быть орлом,
Чем у ничтожества приткнуться за столом.
Бедняцкий хлебец грызть, ей-богу, благородней,
Чем меж мерзавцами мараться киселем.

1153

Довольно лебезить пред падалью любой,
К обедкам дармовым, как муха, льнуть душой.
Лепешка на два дня - сытней любых подачек,
Ешь лучше плоть свою, чем жирный плов чужой.

1154

О юноша! Старик дает тебе совет,
Взошедший на дрожжах преклонных мудрых лет:
Не разводи друзей, о коих мало знаешь,
Не заводи затей, от коих пользы нет.

1155

В общенье с мудрецом ищи себе оплот,
Невежду углядев - за сотню верст в обход.
Коль поднесет мудрец, и кубок яда выпей,
А потчует глупец, выплескивай и мед.

1156

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

«От харабата зла», - частенько говорят.
Но зло таится в нас. При чем тут харабат!
Все видится кривым, когда глаза косят,
И видит кривизну лишь выправленный взгляд.

1157

Пока с самим собой дружить мне тяжело,
Не вправе я судить ничьи добро и зло.
Я должен сам себя постигнуть до предела,
Чтоб сердце понимать других людей смогло.

1158

Прекраснокудрую обнимешь - хорошо!
И чашу сладкую поднимешь - хорошо!
И пусть рука судьбы еще помедлит малость:
Хоть малость у судьбы отнимешь - хорошо!

1159

Вот из твоих минут еще одна пойдет.
Ее украсят смех и блеск вина? - Пойдет!
Доверилось тебе сокровище вселенной -
Жизнь. Поведешь куда, туда она пойдет.

1160

Судьбу-насильницу в ночной покой не пустишь
И память скорбную сгубить тоской не пустишь,
И по ветру любовь своей рукой не пустишь,
Тогда и на ветер свой век земной не пустишь.

1161

Проснешься ль поутру, ложась сегодня спать?
Так семена добра не мешкай рассевать.
Неужто этот мир промедлят отобрать?
Так сердцем торопись друзей распознавать!

1162

Уж будто мудрецу не виден мир невзгод?
Однако посмотри, как весело идет!
Пойми же: хорошо подходит к жизни тот,
Кто кубок жизни пьет, но горечи - не пьет.

1163

Сердечным прихотям влюбленно угождай,
По крохе дней своих сбирай урожай.
Со всех сокровищниц, куда стремится сердце,
Сбери свой урожай и сызнова раздай.

1164

Вот дело доброе. Любушься. Но все ж
Суди не прежде, чем с изнанки повернешь.
Портных бери в пример: хотя на лицевую
Глядят, ведя стежок, с изнанки вид - хорош.

1165

На поиски того, что есть, что надевать,
Конечно, сколько-то душевных сил потрать.
Весь прочий ворох благ и взгляда-то не стоит,
А уж отдать им жизнь... Ведь это жизнь отдать!

1166

Кому завидуешь – на царство возведешь,
А кем побрезгуешь – до рабства низведешь.
Но спохватишься, пока помочь посильно можешь,
Так и в беспомощном помощника найдешь.

1167

Тому, кто ни хвороб, ни голода не знал,
Кто на чужой дворец свой кров не разменял,
Прислуги не держал и сам слугою не был, –
Завидуй: с бытия такие сливки снял!

1168

В верхи не лезь; вперед стремясь, других не сбей.
Отбросив яд, дари бальзам души своей.
Чтоб зло тебя на злой земле не поразило,
Злу не учись, злу не учи, зло не лелей!

1169

Лишь только пожелай, добьешься без хлопот,
Чтоб уважала знать, любил простой народ.
Прошел христианин, еврей ли, мусульманин,
Восслед им не злословь – и обретешь почет.

1170

Храни свои слова надежнее монет:
Дослушай до конца, потом давай ответ.
Тебе, при двух ушах, язык один достался,
Чтоб выслушал двоих, но дал один совет.

1171

Эй, путник! Не проспи, не проморгай свой путь,
Стрелою, без толку порхающей, не будь,
Иль тем учеником плетельщика веревок:
Историю о нем в дороге не забудь!

1172

На тропах мудрости умом не умались
И на беззлобного попутчика не злись.
В себя влюбить людей мечтаешь, так старайся:
Влюби себя в людей (но не в себя влюбись!).

1173

Блажен, кто увлечен людской мольбой не стал,
За шелк и за парчу платить собой не стал,
Симургом воспарил над тем и этим миром,
В развалинах сидеть слепой совой не стал.

1174

Искатель жемчуга, на трудный путь решишь,
В пучину, к жемчугу, ты сам нырнуть решишь.
Пусть у веревки друг, жизнь на его ладони...
Не трусь над бездною и вниз шагнуть решишь.

1175

Каким ты видишь мир, таким и создавай,
Живым движением над смертью восставай.
Сказал ты: «Самому б пошевелить рукою...»
Нет, не посмеешь ты; а смеешь, так давай!

1176

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

Винопоклонникам – рассветы и цветы.
Сокровища – в сердцах, а кошельки – пусты.
Нас от незнания не знания спасают,
А постижение всеобщей красоты.

1177

Цель жизни – в радости. Нельзя невзгодой жить,
Без тайного тепла под непогодой жить.
Чтоб не терзаться, то, чего лишишься завтра,
Сегодня отсекай! Учись свободой жить.

1178

Не накликай беды, вгоняя сердце в дрожь,
О горестях забудь, и станет мир хорош.
Зови к себе друзей пропить последний грош,
Который в мир иной никак не унесешь.

1179

Не придави рукой могучей никого,
Обидой не ошпарь горючей никого!
Коль ты измучился по вечному покою,
Терпя мученья сам, не мучай никого.

1180

Кто в сердце мудрые начертит письмена,
Тот будет каждый миг использовать сполна:
Иль Божьей милости усердно добиваться,
Иль обретать покой над чашею вина.

1181

Стихии подчини хотя б на краткий вздох
И радостью души застань судьбу врасплох.
Спознайся с мудростью, хотя в основе нашей –
Пылинка, искорка, кровиночка и вздох.

1182

Кто беготню презрел и преспокойно жил,
Природе следовал, ее законом жил,
Везеньем полагал, что жить ему случилось,
Спокойно пил вино... Вот он – достойно жил.

1183

Толпа в суждениях подобна всем ветрам.
Дай сердцу радости, построй ее как храм,
Не выстуди ее, поверив болтунал..
Таких и помнит мир, кто был подобен нам.

1184

Мы – солнечный росток, – ключи в корнях черны;
Свободой рождены – на гнет осуждены;
Темны – просветлены; мощны – измождены;
И ржа на зеркале, и чаша Джама – мы.

1185

Мы – мудрость древняя, мы вскормлены вселенной,
И сами стали мы ее закваской пенной.
Мы – остов бытия и крепь его частиц.
Вселенная – лишь тень, мы – дух ее нетленный.

1186

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

От плоти от моей – плоть мира, круг земной.
А сердце – духовна обитель, мир иной.
Стихии, небеса, животные, растенья –
Во мраке отблески костра передо мной.

1187

Все мирозданье – плоть; душа вселенной – мы;
Связуем суть ее и лик явленный – мы.
Познать их только нам доступно; это значит,
Миров обоих центр – один, нетленный – мы.

1188

Быть целью Бытия и мирозданья – нам,
Всевидящим умом, лучом познанья – нам.
Пойми же, человек, что круг вселенной – перстень,
Где суждено сверкнуть алмазной гранью – нам!

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ХАЙЯМ ?..

1189*
Завесы роковой никто достичь не смог,
Предначертаний смысл никто постичь не смог.
По тропкам логики все колесим привычно,
Догадки с истиной никто сличить не смог.

* №№1189-1192 – это почти Хайям (Здесь и далее прим. переводчика)

1190

На что он старику, рассыпавшийся храм?
Любое по сердцу, что рок готовит нам.
Но кто честит меня пьянчугой харабатным –
Знавал ли харабат? Неужто был он там?

1191

Хмельным багрянцем роз окрасилась весна.
Под переливы флейт испей и ты вина.
Я жизнью упоен, я сердце услаждаю.
Не пьешь?! Чем угощу?.. Грызешь ты камни? – На.

1192

Хоть зельем Бытия шатер наш разорен,
Тем более вина чураться не резон.
Дивлюсь, кто продает хмельную влагу: благо
Превыше, чем вино, купить задумал он?!

1193*

О дух души моей и благо Бытия!
Воздать Тебе хвалу бессильна речь моя.
Ты – зрение мое, я прозреваю это,
Ты – знание мое, и это знаю я.

* №№1193-1236 – сомнительно, что это Хайям.

1194

Он – всех великих дел начало и венец,
И форм изменчивых, и смыслов образец.
Так, например, Адам оставаться мог бы глиной –
В мир Сердца и души привел его Творец.

1195

Со дня, как возвели для нас лазурный кров
И завершили свод созвездьем Близнецов,
И Изначальный день свечой лучистой вспыхнул, –
Снопом лучей с Тобой связала нас Любовь.

1196

О сердце! Не спеши стенать, что одиноко,
И что твоя Зухра скрывается далеко.
Сперва в разлуке скорбь ночную одолей:
Что скажешь ты любви, не выучив урока?

1197

Мне дервиши – друзья, но я пред ними слаб,
Душа возвыситься до них и не смогла б.
Наглец! Ты дервиша почел за попрошайку!
Но перед дервишем султан – и тот лишь раб!

1198

Морщины скорбные скорей сотри со лба:
К селению не ведет угрюмая тропа.
Как жить тебе и мне, решать не нам с тобою.
Смирись-ка лучше с тем, что нам дает судьба.

1199

Ключарь, державший ключ державных чар, – Али.
Чарующих садов души – ключарь – Али.
Пресветлый государь, духовный царь – Али.
Душа рассветная, для душ – фонарь – Али.

1200

Я в мире предпочел два хлебца да подвал,
Отвергнув мишуру, оковы я порвал.
За нищенство души какую цену дал!..
И в этом нищенстве – каким богатым стал!

1201

Дервиш. По имени его не знает свет.
Былым желаниям не глянет он восслед.
В пожаре нищенства горит он дни и ночи,
Но алчностью себя не допекает, нет!

1202

Кто понимает Глас божественный, тому
Все эти мелочи земные ни к чему.
Вот я, на взгляд толпы, всего лишь попрошайка:
Ведь кланяются все – одежке, не уму!

1203

Безгрешен набожный: ведь как страшашь Ты!
А мы кругом в грехах: ведь их прощаешь Ты.
«Страданьем» он Тебя назвал, я – «Состраданьем».
Какое из имен предпочитаешь Ты?

1204

О, не скрывающий прозренья всех грехов,
Хоть каждый прячется в обманчивый покров.
Вот я – по всей земле из худших наихудший,
Но ты и к худшему нисколько не суров.

1205

Терпи смиренно боль, и облегченье будет;
С мученьями смирись, и исцеленье будет.
Умей благодарить и за лишенье благ –
От Повелителя благоволенье будет.

1206

То Солнце, что всегда над небом есть, – Любовь.
Та Птица, что несет благую весть, – Любовь.
Любовь ли – соловьем, стеная, разливаться?
Вот не страдать, когда смертей не счасть, – Любовь.

1207

Уж вот и пик любви, и близко торжество,
И вдруг – неверный шаг рассудка твоего.
Ты хочешь, головы при этом не теряя,
Достичь любви? Поверь, не выйдет ничего.

1208

О Птица дивная! Ночная пелена –
Твой сад; а блестки звезд – не россыпи ль зерна?
А это – я: взгляни в Зерцало мирозданья,
Вон та, в твоей груди кровиночка одна.

1209

Вдруг ночью – глас: «Меня совсем не там ты ищешь.
Лишь там, где нет Меня, по сторонам ты ищешь.
Сумей-ка на себя взглянуть со стороны:
Я там, где ты, Я – ты! Себя же сам ты ищешь!»

1210

Мудрец: «Един во всем – единосущ Аллах».
Глупец: «Выходит, Он живет в моих врагах?»
Хоть волны на море совсем не знак волненья,
Камыш: «Оно, как мы, испытывает страх?..»

1211

Кто Истине чужды – всю ночь, вотще молясь,
Намазом заняты и не смыкают глаз.
А нам он ни к чему: мгновенье рядом с другом
Значительней для нас, чем вековой намаз.

1212

Порою, как Муса, насмешками прибит,
Порою, как Яхья, отчаяньем убит...
Для сердца своего сбираю ожерелье,
Коплю я, как Иса, жемчужины обид.

1213

Не забегай вперед, но и отстать не смей,
Утратившим себя растяпой стать не смей.
Однажды в океан нырнув единобожья,
Лукавомыслием над ним восстать не смей.

1214

Будь добр, по-доброму смотри на все вокруг,
что получаем мы из Высочайших Рук.
Над нищетой моей не торопись смеяться:
За это, может быть, со мной и дружит друг.

1215

На блюде Бытия – узоры дивных стран:
Портрет чеканщика содержит сей чекан.
Древнейший океан волною плещет новой –
Безбрежной Истины поющий океан.

1216

Саки! Твой лунный лик весь мир животворит,
Он в сердце и в моем, как и во всех, царит –
Как солнце!.. Или нет: как солнышко в росинках,
На всех – единое, и все ж во всех – горит!

1217

Саки! Твоя слюна – напиток наш хмельной.
Нам не узреть Тебя, но след мы видим Твой.
Щедры Твои уста – источник благодати,
Сто Хизров и Мессий поит родник живой.

1218

Начало. В небе диск помчался золотой.
Конец. Прекрасный мир рассыпался трухой...
Нет, силой разума не охватить такое,
И для сравнения нет меры никакой.

1219

Как изумляет нас кружение небес!
Загадками полно движение небес.
Идет во все дела вторжение небес,
Но как обжалуешь решение небес!..

1220

Земля и небеса добры вначале были,
В избытке радости, а не печали были.
Но испокон веков грызня, скандалы были,
Вопросы тщетные: «Чего им мало?!» – были.

1221

Где два-три неучи сойдутся за столом –
Верхи премудрости на поприще земном! –
В осла преобразись, не то ослы потом
Любого не-осла ославят – кем? – ослом.

1222

Не слыша мудрости, что ж мудреца бранить!
Медяшке золото в цене не уронить.
Представь невежду – псом, ученого – рекою.
Собачьим языком реки не осквернить.

1223

Мужчина только тот, кто пемзой черных дней
Сдирает ржавчину и грязь с души своей.
На то и мужество: чем чище, тем трудней,
Светлее белизна – заметней пыль на ней.

1224

В любви, и только в ней, вся наша красота.
Лишившийся любви – последний сирота.
А кто вином любви омыть не хочет сердце,
Тот отличается не многим от скота.

1225

Кагану, кесарю и шаху – блеск дворца.
для праведника – рай, и ад – для подлеца.
Невозмутимый лик – привратнику Эдема.
А нам – возлюбленных прелестные сердца.

1226

да что с красавицей? Твой Ангел неземной
Преобразился вдруг: шайтан перед тобой!
Понятно, что сбежишь: огонь зимой приятен,
А нынче адский пыл – ну, как тулуп весной.

1227

Бровям твоим легко пленять сердца у нас:
Глаза избегались, по воле их кружась.
Прекрасный трон бровей превыше глаз-прислужниц
Настолько, что тебе на них не вскинуть глаз!

1228

Затеют проверять твои счета, ходжа,
Как шило вылезет подчистка та, ходжа,
И Суд начнет допрос: что значит то, что это?
Сегодня думай, честь иль срамота, ходжа!

1229

Фальшивый золотой здесь не найдет своих,
Из Дома Радости изгнал наш веник их.
Из харабата шел и пел старик мой стих:
«Не спи, а пей вино, живой среди живых!»

1230

Саки! Я обожжен печалью по тебе.
Не хмелем сокрушен – печалью по тебе.
Прохожим кажется, я с чашею сражался.
Бог с ними! Я сражен печалью по тебе.

1231

Коль жизнью ты спален – простой совет поймешь
И станешь сведущим, любой секрет поймешь;
Когда лишился ты возлюбленной – отыщешь
Подспорье для души, коль вздохи флейт поймешь.

1232

Кто вспыльчив, подловат, дурак и пустозвон,
Не пей вина с таким, а то сплошной урон:
Сперва всю ночь бузит, попойкой возбужден,
Потом весь день скулит, прощенья просит он.

1233

Пошел вчера к ручью с красавицей побить
И алого вина под звездами попить...
И вот из тьмы встает жемчужница рассвета,
Из перла страж зари выходит зорю бить.

1234

душа моя! Вина! Печален сердцем я,
Очиститься хочу от тягот Бытия.
Колышется трава над пылью... Поскорей же,
А то окажется, что эта пыль – моя.

1235

Хоть иудеем ты, хоть правоверным будь,
Все это внешнее. Душе важнее суть.
Коль ты прямей стрелы - лети в любую веру!
А если крив как лук - куда?.. В колчан заткнуть?

1236

В траве о чем ручей журчит, свеча Тераза?
Подай вина! Зарок уж нарушать, так сразу.
На чанге подыграй воде, журчащей так:
«Уйду - и снова здесь не окажусь ни разу».

1237*

Порой, чуть высветлит развалины заря,
Встречаю ворона над черепом царя.
Сидит, на все лады покойника журя:
«Вот видишь! Ты ушел, не взяв и сухаря».

*№1237-1252 – предположительно подражания и подделки под Хайяма.

1238

Я видел ворона на древней башне Рея.
Он перед черепом сидел Хатема Тя,
И вот что каркал он: «Создатель! В нищете я -
Подай! А то просить хотел Хатема Тя...»

1239

В намазе и посте аскет года проводит.
Двухлетний хмель найдя, влюбленный сумасбродит.
Но вот не ясно: друг кому из этих рад?
Всяк заблуждается, кто свой ответ приводит.

1240

Любовно выпечет и духом наделит...
Но вскоре талисман разбит и позабыт.
И хоть бы кто спросил у труженика Рока:
«Зачем-то созданный - за что же вдруг разбит?»

1241

Во власти Вышнего, Его игрушки - мы.
Конечно, Он - богач, а побиушки - мы.
Из дверцы - по дворцу (и что за лицедейство?),
Толкаясь и спеша, мчим друг за дружкой мы.

1242

Саки! Познание - священное вино,
Не знавших знания лишать его грешно,
Незнающий живет и трудится бесцельно.
Познание как цель живущим суждено.

1243

Такому снадобью для стольких мудрецов -
Доколь вину страдать во мраке погребков?
До тех неужто пор (вот было бы обидно),
Когда ему краснеть на пиршестве глупцов?!

1244

Я нарывался всласть. Неси мне чашу, кравчий.
Уж мир насторожил ловушку нашу, кравчий...
Подай вина! Хотя б остаток дней - нельзя
Пускать нам на ветер. Неси же чашу, кравчий!

1245

Саки с наполненным сосудом лучезарным,
Неоценимый миг дарует Государь нам.
Будь весел! Нам простит проступок Тот, кто дал
Вино святое всем созданьям благодарным.

1246

Ты не стесняешься. «Хочу!» - и весь твой сказ.
И что тебе Его запрет или приказ...
Ну ладно, допущу: весь мир возьмешь ты в руки.
Что дальше? Выпустишь, как и любой из нас?

1247

Те, кто духовный мир как тайну берегут,
На вид бездельники. Но уж таков их труд.
Без горестей любви жилось бы горько тут -
дорогами любви всю жизнь они идут.

1248

Уединение кто полюбить не сможет,
Тот тяжкой будничной тоскою занеможет.
Несвязанная мысль восторгом нас дарит,
Земные привязи людское горе множат.

1249

О сердце! Позабудь, что нам про хмель напели:
Для веры, для ума урон - да неужели?
Ты душу уладишь, испив вина в саду,
Где розе соловей поет свои газели.

1250

О сердце! Радости не стало? Веселись!
Вогнали знанья в грех? Невеждой объявишь.
А хочешь избежать обиды от злодея -
Как пери, от людей скрывайся и таись.

1251

О сердце! Что за страх, откуда слезный взор?
С чего глядеть на смерть, как тополь - на топор?
Святая простота, гулена, будь же весел!
Там - отряхнешь с себя земных забот позор.

1252

Пускай ты - Арасту, премудростью обильный,
Великий цезарь ты иль богдыхан всесильный, -
Вином в стекле витом укрась к могиле путь.
Заявишь: «Я - Бахрам!» - послышится:

«...Могильный».

1253*

Художник удалял шершавости литья,
Из Хаоса вязал структуру Бытия,
Слова слагал из букв, частиц и междометий...
Частицы стали - мной, частицей мира - я.

* №№1253-1293 - это почти наверняка не Хайям.

1254

О, в грозных небесах шагов победный гром,
О, взвившийся халат, поднявший ветр кругом!..

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

Потом – от властного прикосновенья пальца
Горит клеймо луны на полотне ночном.

1255

Ни мудростью Твое величье не объясть,
Ни разумом Твое бессмертье не понять.
В познании Тебя никто не преуспел бы –
Сколь от Тебя далек, успеть бы распознать!..

1256

Вот удивительно: кто путь узрели Твой,
Те попросту никто в глазах толпы слепой.
Еще загадочней: кто верою проникся,
Тот за безбожие шельмуется толпой.

1257

В теснине окажусь – Ты в тот же миг узришь,
Вслепую забреду в глухой тупик – узришь,
В беде отчаянный безмолвный крик – услышишь,
А если я лукав, в мольбе двулик, – узришь.

1258

Вон – Ты, всех государств всесильный господин,
А вон – в пути к Тебе влюбленный раб один.
Я Слово Истины молитвой повторяю:
«Погибнет мир земной, но вечен Властелин!»

1259

Ты Сулейманов трон вручаешь голытьбе;
Ты сироту влечешь к пророческой судьбе...
Но отчего меня, Господь, овеять ветром
Из Сада Милостей задумалось Тебе?

1260

Господь! Ты бережешь меня от козней Рока,
О неприятностях не говоришь до срока,
И если уж никак беду не обойти,
Стараешься, чтоб я не пострадал жестоко.

1261

Саки! В ковше Твоем весь мир – лишь пузырек.
Сто Храмов Духа въявь сошлись на Твой порог.
Немыслимая честь – дойти до Храма Духа!..
Почетна даже смерть в пыли святых дорог.

1262

Саки! Как хорошо от взгляда Твоего,
Как сладостны плоды из Сада Твоего!
Твое пресветлое и любящее сердце –
Как чаша джамова для чада Твоего.

1263

Божественным письмом расписан прежний мрак;
На стан возлюбленной похож был первый знак.
«Алеф» – «один» – теперь стократ выводят дети
Свой самый первый знак, везде на свете – так.

1264

Дух мира – Истина, и зрямый мир – лишь тело.
Сонм ангелов считай его глазами смело,
Стихии – кровью, свод небесный – костяком...
Единство бытия опровергать – не дело.

1265

О ты, шлифующий шагами небосвод,
О вестник джебраил, был дивен твой приход!
Ты стал посредником меж разумом и Богом,
Когда, слугу Творца, узрел тебя народ.

1266

Как можешь, Господа, о сердце, познавай,
Как тяжко б ни было, пути не прерывай.
Оковы серебра и золота сбивая,
Иди! И «ла аллах илля аллах!» взвывай.

1267

Чтоб Истина тебя отметила: «Мой сей!» –
С ног сердца надо снять сандалии страстей,
Путь вызнать у души и восходить на ощупь
На истинный Синай, как новый Моисей.

1268

Меня тот червь изгрыз, по виду мал и слаб,
От коего страдал Айюб, господень раб.
Но не стенал Айюб: рыданьям радо небо,
Лишь повод дай – и месть его друзей ждала б.

1269

И гору тяжкую искупит легкий мох,
И сто грехов любых один искупит вздох.
Где милости один попросит, там прощенье
Всем ста преступникам, взглянув, дарует Бог.

1270

Прочь доводы ума, все прежнее забудь
И сердцем устремись, как тот бродяга, в путь.
Решившись пiroвать у Каландаров Сути,
Освободи себя, хмелен и весел будь.

1271

О сердце! Вот вино божественных идей,
Храни, не продавай, прильни губами, пей!
Не надо, как ручей, журчать о треволненьях,
Учись глубокому безмолвию морей.

1272

Честь береги, ходжа, так и в чести помри,
К привалу устремлен, еще в пути помри.
Но если ты Любовь не сделал метой жизни,
Чем жизнь унылого скопца вести – помри!

1273

Коль ты гордыню сам стреножишь – ты мужчина.
Коль над собою власть устроишь – ты мужчина.
Уж это ль мужество – упавшего пинать!
Коль встать упавшему поможешь – ты мужчина.

1274

Не знаниям почет, не в этом человек,
А вникни, как блюдет заветы человек.
Коль нарушать начнет обеты человек, –
Пусть важным предстает. Но это – человек?

1275

Средь добрых – силой злой остерегайся стать,
Затеявшим разбой остерегайся стать,
Подкупленным жратвой остерегайся стать,
Кичащимся собой остерегайся стать.

1276

Я в Тусе ночью был. Развалины мертвы.
Лишь где гулял павлин, мелькнула тень совы.
«Какую тайну вы, развалины, храните?»
И донеслось в ответ: «...у-вы ...у-вы ...у-вы!..»

1277

О благостях Судьбы блажные голосят.
Не слушай. Взяв вино, уйди с подругой в сад.
Сегодня выпавший из мамкиной утробы –
Увидишь, завтра уж полезет в бабий зад.

1278

Не знаю, с солнцем лик сравнить или с луной?
Не знаю, сахар уст – песок иль кусковой?
Стройнее – кипарис иль этот стан прелестный?
Не знаю, гурия – наш мальчик? Иль – земной?

1279

Не лик твой – белизна жасминов майских въявь,
Не локон – аромат краев китайских въявь,
Не зубы – жемчуга в рубинах райских въявь!..
Вон у дверей – не я ль? – кто ищет ласки въявь.

1280

«Как вспомню, – говорят, – луга весной... Восторг!
А тучи!.. А в саду звенят струной – восторг!
Над розой соловей, а там другой – восторг!»
Глупцы! С подругой бы, тогда такой восторг!

1281

На скатерти Судьбы где сахар, там и соль:
Любовь без слез-разлук сладка уже не столь.
Хоть, правда, никогда день не бывает в радость,
Зато наверняка любая полночь – боль.

1282

Во имя щедрых роз – подайте мне дирхем!
Мне вешнее вино желанно, как и всем.
Эй ты, напыщенный: учен, ума палата –
Никчемный ты, ходжа, коль ты не щедр совсем.

1283

Рок научил тебя разбою – ну и как?
Плач обездоленных тобою – ну и как?..
Не поразить тебя предсмертным стоном жертвы;
Живи – но с проклятой судьбою. Ну и как?

1284

Кузнец-мальчишка был неопытен и мал,
Взамен подковы дас к копыту примерял.
Не он ли лунный серп, похожий на копыто,
Подковы не найдя, тарелкой подковал!

1285

Неужто грозных бурь боится океан?
Ты – человек. Ищи людей средь обезьян.
Добро плодиться злом, а зло добром – не может.
В поступки их вникай: где правда, где обман.

1286

Как шашки по доске, так по чужбинам мы;
То парами, то врозь, пока не сгинем мы;
Трецим под колесом – под небом синим мы;
Тщету путей земных вот-вот покинем мы.

1287

Вслед юности гляжу – лихому табуну,
Который мне вдыхать оставил пыль одну.
Мой стан, прямей стрелы, теперь как лук согнулся,
За посох я держусь – как тетиву тяну!

1288

Жаркое день за днем вкушающий – уйдет,
С изысканным вином вкушающий – уйдет.
Дервиш, из чашечки для скудных подаяний
Болтушку перед сном вкушающий, – уйдет.

1289

Кому там барабан охотничий рокочет?
То сокола с небес вернуть охотник хочет.
Зачем стремятся в высь распахнутые очи? –
Сужденную судьбу узреть из здешней ночи.

1290

О, свыше прозванный: Махмуд и Мухаммад!
Служение тебе превыше всех наград.
Тот не изведает глотка из кубка Смерти,
Кто был из твоего пригубить кубка рад.

1291

О Величайший! Ты – и в мире том, и тут.
для нас ты – Мухаммад, для вечности – Махмуд.
Пред морем нежности привязываю сердце,
Под взором ласковым из глаз ручьи бегут.

1292

Правитель царствия пророков – кто он? Ты.
Вожак сквозь заросли пороков – кто он? Ты.
Оценщик горестных уроков – кто он? Ты.
Оплот отшельничьих зароков – кто он? Ты.

1293

Десять разумов, девять шатров, восемь уровней рая,
Семь блуждающих звезд, шесть сторон я как книгу читаю:
«Бог пять чувств и четыре опоры триадой души
В двух мирах увенчал лишь однажды – тебя создавая».

1294*

Жемчужины любви растут в морях иных.
Влюбленные приют найдут в мирах иных.
У Птицы, что клюет зерно любви печальной,
Гнездо – вне двух миров, оно – в горах иных.

* №№1294-1305 – источники для «ответов» Хайяма и «ответы» Хайяму.

1295

Не делавший добра, наделавший нам зла!
Чтоб Истина тебя доверьем облекла?!
Не жди прощения! И никогда не будут
«Безделье деланьем, безделицей дела».

1296

Легко же оправдал, что ты кругом в грехах!
Такого болтуна не видывал Аллах.
Сочтя всеведенье истоком прегрешений,
Ты – рядом с мудростью! – остался в дураках.

1297

В бокале, думает, он сердце отыскал,
И шага не пройдя, считает, что устал,
Познать и аскетизм, и радость благочестья
Он как-то упустил... Ну что ж, ходжа, привал.

1298

Мы – фляги, если дух с вином отождествишь.
Любой из нас – камыш: стенаешь – песнь творишь.
Ты знаешь ли, Хайям, что в сути человека?
Как лампа, ты внутри светильника горишь.

1299

Хайям! Забудь шатер телесный, вникни в суть:
Твой дух – султан в пути, решивший отдохнуть.
Но разбудить его придет посыльный Смерти
И разберет шатер: султан продолжил путь.

1300

Дружище! Даже так, для красного словца,
Уместно ль говорить про «место для Творца»!
Спроси себя: а где душа моя таится? –
И отповедь мою постигнешь до конца.

1301

Хайям! В шатре небес, в глухой голубизне
Где дверь, чтоб ты спросил, чтоб был ответ извне?
Ты в кубке Бытия как пузырек в вине.
Их столько показал Всевышний Кравчий мне!

1302

Пока ты любишь уст вишневый самоцвет,
Пока, заслышив най, готов бежать вослед,
Бог видит: ты – дитя, любитель погремушек.
Пока не бросишь их, тебя как будто нет.

1303

«Молельный коврик чтить пристало лишь ослам:
Ханжи и плуты в рай ползут по тем коврам».
Но те ослы – в цене: из клочьев драной шкуры
Чеканят золото, всучаемое нам.

1304

Доколе над землей кружиться небесам,
Дотоле и зверью плодиться по лесам.
Пока внимаем мы небесным письменам,
Должны мы исполнять предписанное нам.

1305

Не хмурься! Над землей - кружиться небесам,
Легендам о тебе - кружить по городам.
Пока планетам плыть кругами вековыми,
Тебя оберегать предписано векам.

1306*

Свою любимую - которой равных нет,
Которая во тьму собою вносит свет, -
Чтоб дивной красоте владыки поклонялись,
Пером смиреннейшим живописал поэт.

* Посвящение Хайяму.

II. ВАРИАНТЫ

26 (4)

В обличии - твоем, а не каком-нибудь.

29 (3)

Влюбленно красоту вбирая дни и ночи

50 (3,4)

Мгновенно все, что здесь; нетленно лишь возмездье.
Ты царство вечное на миг не променяй!

133 (1,2)

Растенье Истины, как видно, не найти;
Сдается по всему, мы не на том пути.

140

Оставил я мечты, закрылся на засов
От благодетелей - ничтожеств и столпов.
В мечети ль суфий - я? Монах ли иноверец?
Ведь он - такой, как я... Но сам-то я - каков?

171 (3)

Небесным пламенем глаза нам выжигают...

189 (3,4)

По шахматной доске немного поплясали,
Но кончилась игра - и снова в сундучок.

194

Когда бы сам решал, я б не пришел сюда;
Но, если б сам решал, и не ушел туда.
Уж лучше, чем бродить среди развалин мира,
Ни здесь бы я, ни там, никак и никогда.

202?

В любви доступно ль нам слияньем душ блеснуть?
Дано лишь мудрецам слияньем душ блеснуть.
Пока не выплескан, себе пlesни чуть-чуть:
За всеми ты пришел; за всеми завтра в путь.

202??

В любви доступно ль нам слияньем душ блеснуть?
Спроси у стариков: согласны ли? Ничуть.
Всех порознь - и тебя - судьба спешит

сглотнуть:

За всеми ты пришел; за всеми завтра в путь.

220 (2,3)

Возней добра и зла себя губить нельзя.
У нас с тобой дела... дела у нас с тобою -

230

Будь славен Человек – вершинное творенье, –
дарящий всем любовь, лишь сатане – презренье.
Все тайны естества Творец вручил – тебе!..
Подумай, дорогой. Похоже, ты в сомненье.

241

Невежда! Явью нам воплощено Ничто,
«девятым небом» – там – водружене Ничто.
В юдоли горестной рожденья и распада
Мы – рябь на Времени, но и оно – ничто.

246

Тот – ревностный, а тот – с сомненьем пополам...
Путь веры для себя ты избираешь сам.
Однажды вдруг, боюсь, любой из нас услышит:
«Вы заблудились! Путь лежит ни тут, ни там!»

266 (1)

Невзгоды – временны. Перед судьбой не трусь.

293 (4)

Чуть отхлебнул вина, и – вдрывг! – любой зарок.

306 (1,2)

У гончаров судьбы я побывал вчера,
Над глиной что ни день колдующих с утра.

308 (3,4)

Во славу господа – в подолы небосвода,
Во глубину земли – творимые идут.

311 (1)

О Ты, чьей сущности никто постичь не смог!

323 (3)

Присядем на траву!.. Не долго ждать придется,

329 (3,4)

Сей мир убыточен Тебе и правоверным;
Вкусней бы стряпал Ты, барыш бы он принес.

330 (3)

Ведь наш прекрасный мир – недолгая забава;

346

Теперь нельзя сказать, что я баклуши бью:
Кумирни я отверг и на божков плюю.
Вином, возлюбленной украсить ночь свою
Неужто так бы смог в аду или в раю?

363? (2)

Был адским выходцем иль царствует в раю?

363?? (1,2)

Не знаю, из кого слепили плоть мою:
В аду он мучится иль нежится в раю?

369? (1,2)

И грудь мою, печаль познавшую, прости,
И душу, с сердцем в плен попавшую, прости!

369?? (1,2)

Мечту мою, печаль познавшую, прости,
Господь! И сердце, в плен попавшее, прости!

371 (1,2)

Ты зрячым сделал здесь, и привечаешь Ты,
Хранишь меня, растишь и просвещашь Ты.

393 (2)

405 (3,4)

Влюбленных и пьянчуг коль верно в ад изгонят,
То человек тебе не встретится в раю.

420

Похоже, ворох тайн ты разберешь едва ль,
Уловку мудрую ты сам найдешь едва ль:
Вином рубиновым и здесь ты рай устроишь,
А в настоящий рай ты попадешь едва ль.

421 (1,2)

Все в мире сделаешь, лишь весел будь, трудясь.
Вот луг: для праздника, для радости укрась.

431 (3,4)

Чьи пузырьки как цепь опутывают ноги
Лишенных разума, - в ладонь мою вложи.

435 (1,2)

Смотри! Пока тебя ласкает мир живой,
Лишь о хорошем вздох он должен слышать твой.

436 (4)

Лишь каплю отплеснув, до капли выпивай.

443

Везде Твои силки, Ты в них манишь меня,
Притом грозишь убить, коль полонишь меня.
В силки поймав, убив доверчивую жертву,
За что ослушником Ты заклеймишь меня?!

448 (2,3)

Неужто на нее рука бы поднялась?
А юную красу - как может мирозданье

449 (4)

«Обратно - пей вино! - не пустит мир иной».

457

Твоей любви ко мне и нежности Творец
Былые рай и ад принял за образец.
Рай - это пиршество, а что за пир без хмеля!
Какой еще мне рай? И где он, тот дворец?

480 (3,4)

По планам бы своим возвел иное небо,
Где были бы сердца свободными всегда.

491? (2)

Сумел залить ОГОНЬ в заждавшихся очах.

491??

Саки! Какой глоток ты выплеснул во прах! -
Залил огонь тоски в пылавших там очах.
А ты по-прежнему простым вином считаешь
Струю живой воды! Прости тебя Аллах!

499? (3,4)

А нам-то каково? Его запрет и воля
Просты как будто бы: "Склонись! Не упади!"

499??

Власть бестолковую подальше обходи.
Ведь почему душе так тягостно в груди?
«Пей зелье!» - слышит плоть. «Душа! Блюди

запреты!»

Ну да, легко сказать: «Склонись! Не упади!»

518 (3)
По краю пиалы волшебный стих начертан,

525 (1,2)
Я болен, и меня любимая корит,
Считает, от вина такой плачевный вид.

548? (3)
Держать в бесчувствии приходится мне душу,

548?? (3)
От самого себя ищу освобожденья,

549 (3)
Пускай про ад и рай болтают что угодно:

556 (3)
Саки, держа кувшин, замрет под звуки песни:

571
Секрет от подлецов упорно прячешь ты,
И тайну от глупцов упорно прячешь ты.
Смотри, для всех людей ты трудишься –

как

можно?
От всех людей лицо упорно прячешь ты.

576
Эй, трезвенник, уймись! Веселье – не разврат,
Коль ты зароки дашь, и я заречься рад.
«Вина не пью!» – кричишь, и тем добился славы,
Которая, поверь, позорнее стократ.

579
Слезу влюбленного ронять во прах – не смей,
Лишь кровью истекай печальною своей,
Пролей на землю кровь двух тысяч покаяний,
Но ни глотка вина на землю не пролей!

603
Уймись, не жадничай. Богатства ни к чему:
Добро и зло судьбы равно влекут во тьму.
Успей вина испить, погладить милый локон:
Миг, и вину конец, и веку твоему.

620 (3,4)
С похмелья чуть живой, куда стремлюсь наутро:
В мечеть? Во храм?.. да нет, к любовнице, к вину!

623 (1,2)
Не забывать вино, не убивать минут:
Пусть вера, сердце, ум – веселыми живут!

632
Лепешка хлебная, вина кувшин-другой,
Бараний окорок, – и вишни над рекой,
И луноликая, и радость, и покой...
Султану власти нет устроить пир такой!

639?
Вот мы, подруги, хмель и этот ветхий дом.
Долой дурман надежд и страха перед Судом!
Одежды, сердце, дух в заклад за хмель сдаем.
Прочь путы воздуха, земли, воды с огнем!

639??
Вот мы, вино, певец, без крыши ветхий дом.
И дух, и ум, и честь в долгу перед вином.
В нас плещется вино, мы плещемся в вине ли?..
Неужто мы в дому? В кувшине, да в каком!

642

Печали мира - яд, вино - целитель мой,
С которым не страшусь отравы мировой.
С зеленым юношей на зелени валяюсь,
Пока мой прах не стал зеленою травой.

647

В мечеть я для себя добра искать хожу,
Но - Боже! - не намаз я совершать хожу.
Здесь как-то повезло украсть молельный коврик,
Он обветшал уже, так я опять хожу.

657

Наш праздник подошел и воссиять готов
Невестой молодой.
У виночерпия кувшин опять готов,
Багрянцем налитой.
Узду намаза и намордник воздержанья
Опять, как и всегда,
С ослиных этих морд наш праздник снять готов.
Ой-ой, беда! Ой-ой!..

675

О сладостный кумир, напомнил нам рассвет:
Недопит кубок наш, напев наш недопет.
Сто тысяч - как джамшид! - царей минувших

лет

Песками занесло теченье зим и лет.

687? (3)

Ведь и минуты ждать не станет вестник Смерти,

687??

Проснуться поспеши, вина хоть раз хлебнуть:
Судьба еще беды заставит нас хлебнуть.
Жестокий небосвод однажды так подстроит,
Не сможешь и воды в последний час хлебнуть.

688 (3,4)

Судьба! Всех недругов ко мне настолько зле,
Что ты - приятелю бесчестному сродни.

690 (3,4)

И кубки прихвати: кто пьет с утра хмельное,
Тому не страшен ад, тому не нужен рай.

692

Под власяницей мы кувшин вина укрыли;
Для омовенья нам - щепоть трущобной пыли.
А вдруг да в кабаке отыщем мы в пыли
Года, что в кабаках когда-то распылили!

708?

Коль этот храм - для нас, но только на словах,
Грех упустить любовь и чашу на пирах.
Зачем, о прах иль Бог, надежды мне и страх?
Я все равно уйду, хоть Бог царит, хоть прах.

708??

Коль бытие - для нас, но только на словах,
Грех упустить любовь и чашу на пирах.
Быть юным, чахнуть ли, - зачем лелеять страх?
Что мне, когда уйду: мир юн или заcha?

710 (3)

Испей вина! Не жди, нам не удвоят жизни;

716?

Встань! Руки отряхнем от суетных затей,
Нам путы локонов и музыка - милей.
Не прячась пьем вино, пьем прямо в харабате.
Бутыль молвы о нас - на свалку, и разбей!

716??

Красотку за подол поймать, да поскорей,
Пропить былую честь - заведомо честней.
За пиалу вина продай молельный коврик,
А славу гордую - на свалку, и разбей!

717 (3)

Лишь этим и живи, и ни к чему стесняться!

722? (3,4)

Взгляни, как зелен луг под юношей зеленым:
«О глупый! Топчешь прах, что зеленью взошел».

722??

Под мартовским дождем торжественно расцвел,
Чтоб грусть унять твою, вчерашний суходол.
Взгляни на луг, вино, на юношей зеленых,
О ты, не знающий, что зеленью взошел!..

723? (4)

Навстречу взглядам туч глаза отворены.

723??

Весенным ветерком луга обновлены,
Навстречу взглядам туч глаза отворены,
Сияньем рук Мусы сады озарены,
Дыханием Исы поля увлажнены.

736? (3)

Вина! - пока темно. Скорей! - пока не в путь.

736?? (1,2)

Придет такая ночь - и в очи не взглянуть!..
давай плясать! Печаль растопчем как-нибудь.

767 (3,4)

В тот день, как нас несли в кабак кредитоваться,
И должен был звучать заупокой, саки.

768 (4)

Увидишь ночью вдруг, что мера-жизнь - полна.

776 (3,4)

Ну нет, я от вина не стану отделяться!
Кувшин на голове. Считайте, я - петух.

779 (1,2)

Святых по внешности не угадать, саки,
Совсем не напоказ их благодать, саки.

783 (3)

Но разы расцвели, - мои зароки где же?

788? (1)

О, мой чистейший хмель, небесно-голубой!

788??

О, мой шербет, - вино, баюкатель ты мой!
Так пылко я влюблен, так упоен тобой,
Что издали меня приветствует прохожий:
«Почтенный дядя Хмель, откуда ты такой?»

792 (4)

798

Ну что ж, коль хочется, возьми над миром власть,
Сокровищицы вскрай, себя и трон укрась.
Ты станешь, редкостный, похож на снег в пустыне,
день поискрясь, и два, и три, и... испарясь.

805

«Не то пришло!...» И что, желтеть лицом своим?
«то не пришло!...» И что, чернеть нутром своим?
Чем плакать, пользуясь взахлеб добром своим,
Пока не вздумал рок сверкнуть серпом своим!

812

Круженье бытия, коль нет вина, не в радость;
И без иракских флейт сама весна не в радость.
Мы, пасынки небес, оправдываем жизнь
Подругой и вином, а так она не в радость.

813? (1,2)

О Сердце! С мира взяв, о чем мечтало всласть,
Сполня за доброе застолье расплатяся,

813??

О Сердце! С мира взяв, о чем мечтало всласть,
Богатым сделай дом и праздностью укрась,
В юдоли горестной рожденья и распада
День-два попировав - и мирно удалясь.

832 (3)

Вот прядка женская давно б народ одела,

845

Любовь - страна пустынь, и я бежал по ней,
И негры жуткие - две тысячи смертей -
С безумной яростью все как один кричали:
«Ты чашу наклони! Но капли не пролей!»

929 (1)

Саки! Коль я к груди красавицу прижму,

932 (1)

Все! Я с разлучницей-тоскою не знаком,

934 (3,4)

И - хоть такую речь назвали б непристойной -
Я буду хуже пса, в иной поверив рай.

976 (1,2)

Ночами небеса латают жизнь-белье,
Во тьме не доглядев, что воротник - рванье.

994 (1)

Над книгами зачах, измучен я постом.

1001? (2,3)

шутя творенье-перл сверлил любой простак.
Но каждый видимость принял за очевидность.

1001?? (2,3)

Жемчужины наук сверлили кое-как;
Любой попал впросак со всем своим искусством.

1003 (1)

Какие умницы до нас прошли, саки!

1006

О сердце! Истина, и та - словечко, звук;
Зачем же столько пить отраву бед и мук?
Уймись! Не вырваться из беспощадных рук.

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
Разбитое судьбой не воскресишь, мой друг.

1007 (4)
Обратно нет пути, коль путь не завершил.

1014
Я столько по горам да по степям кружил!..
Вращаясь, небосвод дела мои крушил.
Единственная жизнь пришлась на время злое:
Ну, раз - неплохо жил, а в общем - разве жил?

1031 (3,4)
В тот час, как в забытьи счастливый вздох издам,
Тотчас пора искать, от бедствий скрыться где бы.

1039 (2)
Друзей упомянуть: обман, подлог, и все.

1057 (3,4)
Когда-нибудь, кумир, для жаждущих в пути
На глиняный кувшин сумеем мы пойти.

1061
дела здесь никому наладить не дано.
К желаниям твоим глух этот мир давно.
Еще б винца, саки! Уважишь иль откажешь,
Но рухнуть так и так вселенной суждено.

1062 (2)
А мы свои труды бесплодными сочтем.

1069 (1)
О старость! - кипарис без листьев и корней.

1074 (1,2)
Наш мир - солончаки. Источники пусты,
И в жажде, человек, пьешь эту горечь ты.

1080 (4)
Свалил их раньше нас необоримый хмель.

1082
О, задолжавшие Семи и Четырем!
От Четырех с Семью спасенья не найдем.
Испей вина! Твержу тебе тысячекратно:
Сюда возврата нет, когда уйдем - уйдем.

1089 (1)
Грусть - чашей весом в ман я убивать хочу,

1095 (1,2)
Вина во цвет зари подай, кумир, сюда,
Багряным соком роз окрась мои года.

1104 (3)
Да хоть родник Земзем, да хоть вода живая,

1105? (3)
Но вот пришла пора подбить итог делам,

1105?? (3)
Но око мудрости прорезалось во мне,

1105???
Я прежде хвастался: дается мне любая
Загадка ль на небе, задача ли земная.
Но око мудрости прорезалось во мне,
И вижу: жизнь ушла, а ничего не знаю.

1109
Вот так и ты уйдешь, обманутый кругом

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
На радужную жизнь похожим миражом.
Ты в жены ветер взял - а зажигаешь свечку.
По хлябям странствуешь - ну, как построишь дом?

1113 (4)
Во прахе погребка легко найдут меня.

1117 (1)
Взгляни: бутоны роз разнежились в тепле...

1122
От Смерти убегать когда устану я,
С корнями выдернут из жизни стану я,
Молю вас на кувшин пустить мой прах несчастный:
Наполненный вином, а вдруг да встану я.

1124
Потомков приведут, мой склеп покажут им,
Припомнят мой завет и перескажут им:
«Здесь глиной станет прах - вином его размочат,
И вот, наполнив хум, пускай замажут - им».

1127 (1,2)
К чему он, урожай невыносимых мук?
да, мы - посев небес; уж ниву жнут вокруг.

1144? (3)
Ну что ж! Хотя б вином наполни кубок свой.

1144??
Искатель истин, ты истратишь век земной:
Вот-вот они в руках, и снова - ни одной...
Хоть кубок удержи, воистину ручной,
И жизнью насладись - ни трезвый, ни хмельной.

1163 (3)
Вникай, угадывай, к чему стремится сердце,

1173 (3)
Кто, как Симург, один парит над Каф-горою,

1175 (3)
Сказал ты: «Самому б не шевельнуть рукою...»

1189 (3)
Семидесяти двух мне жалко лет убитых:

1191 (3)
Я жизнью упоен. Да здравствует напиток!

1301
Хайям! В шатре небес, в глухой голубизне
Не балуют тебя ответами извне.
Хайянов - тысячи. Вы - пузырьки в вине.
Вон сколько пены сдул тот Кравчий в вышине!

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Источниками переводимых рубаи были названные в сносках к вступительной статье и некоторые другие зарубежные издания, а также двух- и трехъязычные книги стихов Хайяма, в общей сложности около 30 рукописей и книг. Ритмической основой для стихотворного перевода выбран шестистопный ямб, из всех классических размеров наиболее близкий к размеру оригинала как по информационной емкости, так и по числу слов. Менять стихотворный размер и тем нарушать строгую (по длительности звучащей строки) форму рубаи переводчик счел недопустимым. Однако строка рубаи имеет несколько десятков ритмических вариантов. Это дает переводчику право в случаях острой необходимости использовать остро акцентированные вариации шестистопного ямба: например, делить строку цезурами на три части вместо привычных двух, смещать ударения и т.п.

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

Во всех переводах воспроизведена структура рифмовки (на три или на четыре строки); почти всегда воспроизведен редиф (повторяющееся слово после рифмы), если редифом является не служебное, а смысловое слово; в ряде случаев передано и расположение внутренних рифм и созвучий. По возможности сохранены и специфические приемы Хайяма: многократное повторение какого-либо слова внутри четверостишия, рефрены и параллелизмы, обыгрывание дополнительных смыслов слов, каламбурные созвучия, применение пословиц и т.п.

Читатель, несомненно, заметит дословные повторения отдельных строк (иногда – частей строк) в различных четверостишиях и в их вариантах. Это было предметом особой заботы переводчика: все случаи таких дублирований в оригиналах выявлены и почти всегда воспроизведены; на большинство дублирований указано в примечаниях – в виде перекрестных ссылок. По мнению переводчика, такие повторения появлялись не только по вине средневековых переписчиков, иногда это и авторские самоцитирования.

Порой в текстах оригинала встречаются тавтологические рифмы (точнее, вместо рифмы – повторяющееся слово в двух строках из трех). Очень редко это рассматривалось как специфический авторский прием и воспроизведено в переводах; в прочих же случаях это ошибки переписчиков, что обычно подтверждается более точными текстами из других источников, и даже когда неискаженный текст не удавалось найти, в переводе восстанавливалась полноценная форма четверостишия (причем нередко, опираясь на лексикон Хайяма и содержание рубаи, удавалось сделать это и в исходном тексте).

Иное дело рифмы однокорневые. Это явно авторская игра, в ряде случаев она воспроизведена и в этих переводах. Здесь переводчик шел на риск: в практике русского стихосложения такие рифмы осуждаются.

Художественные образы, когда это возможно практически и не вызывает у читателя недоумения, даны в переводе без адаптирования, пусть даже звучат они на русский слух непривычно. Сохранены и все случаи обращения к виночерпию (саки), применения Хайямом собственного имени и имен легендарных героев и царей, названий местностей и городов.

Нарочитая витиеватость, которая многим кажется непременным признаком старинных восточных поэтов и порой наблюдалась в переводах стихов Хайяма, на самом деле ему не свойственна: его язык ближе к разговорному, часто резкий и жесткий. Говорить «высоким штилем», если только не с Богом (в ранних стихах), он избегает.

В этих комментариях, помимо разъяснения малопонятных мест, уделяется также внимание сопоставлению с известными переводами, когда трактовки их сильно отличаются от наших. Такого рода сопоставление нарушает общепринятую традицию, и хотелось бы его избежать; однако оно неизбежно, когда необходимо понять причины разных прочтений.

В первых девяти главах расстановка четверостиший приблизительно повторяет ту последовательность, в которой они (как предполагает переводчик) создавались автором. Разбивка их на главы отражает путь Хайяма от искреннего воспевания Творца, через суфизм, через нигилистический период к сомнениям, постепенно перерастающим в бунт против шариата и божественной воли, путь поэтапного формирования хайямовского учения. Особняком стоит 8-ая глава – любовные стихи, органически сложившиеся в цельную поэму. Они настолько мало знакомы русскому читателю, что даже в работах специалистов можно встретить мнение, будто тема любовных страданий была чужда Хайяму. 10-ая глава – подборка этических уроков Хайяма, которые актуально звучат и сегодня. Завершается она четверостишием, может быть, самым важным для нас из его поэтического наследия. Оно выглядит как напутствие Хайяма последующим поколениям. Переводчик позволил себе сделать более явной для читателя и ноту предостережения, скрытно звучащую в этом великом четверостишии: человечество не вправе за сиюминутными распрями забывать свое великое предназначение.

В особую главу – «Хайям?..» – выделены четверостишия, относительно которых переводчик серьезно сомневается в авторстве Хайяма или даже категорически отрицает его, опираясь на анализ словаря, стилистики и содержания. Однако это не более чем личное мнение, так к нему и следует относиться, тем более что некоторые из выделенных в эту главу стихов исключительно широко распространены как хайямовские.

Несколько слов о числовых критериях, приводимых в этих комментариях. Проблема поиска «самых достоверных» четверостиший Хайяма – одна из самых трудных и болезненных. На протяжении последних десятилетий неоднократно предпринимались попытки создания численного критерия для оценки достоверности; наиболее надежным из них был до сих пор критерий, учитывающий одновременно и популярность какого-либо четверостишия в средневековых рукописях, и удаленность этих рукописей от времени Хайяма. Автор этих переводов и комментариев, выступающий одновременно и в роли

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

хайяноведа, разработал метод, позволивший ему установить генезис древних рубайятов Хайяма, а тем самым и выявить все случаи переписывания стихов из одной рукописи, известной научному миру, в другую известную рукопись.

Очевидно, что из критерия следует исключить все явно обнаруженные «вторичные» появления в них какого-либо рубаи. Суть разработанного в итоге критерия, если перевести его математическую характеристику на обыденный язык, такова: он показывает, в какой степени четверостишие Хайяма было популярно – не на всем протяжении средних веков (это оценивает старый критерий), – но именно при жизни Хайяма и в самые первые десятилетия после его смерти, в ту пору, когда формировались его первые рубайаты, до нас не дошедшие, но послужившие первоисточниками гораздо более поздних списков. В комментариях приводятся численные значения для четверостиший, занявших по этому критерию первые 100 мест (указывается и номер места). Для них же сообщается, какие иные поэты являются, помимо Хайяма, «претендентами на авторство».

Глава 1. В безмерности небес, укрытый синевой...

Восхваления Аллаха. Суфийские мотивы. Поскольку приметы индивидуального хайяновского стиля здесь еще расплывчаты, не исключена значительная примесь чужих стихов. «Любовь» здесь – суфийский термин. Некоторые четверостишия построены на противопоставлении божественной «Любви» и земной «любви», которую только позже автор начнет считать важнейшей ценностью в жизни.

8. «Сокровенное» – Бог, лучезарный взгляд которого делает зримым все сущее. Либо же «Сокровенное» – субстанция Небытия, которая является и основным строительным материалом нашего Бытия: Творец переработал ее в более грубые материальные частицы смешением Четырех первоэлементов (стихий, начал), положил в основу трехмерную структуру Шести сторон, и в результате новосозданное бытие обрело «зримый свет», стало доступно для человеческих органов чувств.

Но эти же образы можно прочесть и в плане поиска сути, изучения сокровенных законов природы – через их зримые частные проявления.

15. «Тмин везти в Керман» – пословица со смыслом тем же, как «ехать в Тулу со своим самоваром». Сулейман (в Библии – мудрый царь Соломон), принимая подарки, особо почтил муравья, поднесшего ему ножку саранчи.

18. Видимо, эти «сто дверей» – различные «ложные» религиозные секты и толки, руководимые корыстолюбивыми «стервятниками». Стать вовлеченным в одну из них – оказаться «без Тебя». Но как угадать секту «истинную»?..

25. Перечисление всех четырех стихий – своеобразная поэтическая игра. Слова, означающие стихии, здесь и в других четверостишиях этого жанра выделены.

В стихах Хайяма наблюдается постепенный переход от пренебрежения (как здесь) «плотскими» ценностями этого мира – к признанию их высочайшими ценностями не только для тела, но и для духа.

26. В некоторых источниках не «Суть», а «вино» либо «луна» – слова, создающие красивую загадочность текста, но не соответствующие никакой символической системе и потому скорей всего ошибочные. Сильно измененное, это четверостишие вошло в поэму Э.Фитцджеральда «Рубайят Омара Хайяма» под №51, откуда его переводили на русский язык И.Тхоржевский и О.Румер. Непосредственно с языка оригинала, по-видимому, оно переводилось лишь однажды, в 1901 году Т.Лебединским:

То вино, что по сути способно принять
разных видимых форм очертанья,
Что способно животным, растением стать,
изменять даже форм очертанья,
Не исчезнет и будет все то же вино,
Так как вечную сущность имеет оно.

28. Волшебный фонарь – древнее китайское изобретение, возрожденное в электрических ночниках: внутри полупрозрачного колпака потоком воздуха, нагревшего светильником, вращается цилиндр, отбрасывающий на колпак движущиеся тени. Образ людей как движущихся теней – из суфийской философии, смыкается с Платоновыми «тенями на стене пещеры» (диалог «Государство», кн. 7). Возможно, Хайям изучал эту книгу.

30. Здесь проведена четкая расстановка «действующих лиц» в отношении к Творцу: Разум жаждет распознать логику Его «путей», Сердце – увидеть Его самого, и эти тщетные усилия всегда приводят их в беспокойство; между тем дух сокровенно знает Бога и потому вправе быть безмятежным.

35. Конечно, здесь речь о сокровищах только духовных.

36. По критерию: вес = 500, 71-ое место.

39. По критерию: вес = 480, 82-ое место. Претенденты на авторство: Афзал

Каши, Насир ад Дин Туси.

40. Кааба - см. Словарь. Отвергая внешнюю обрядность как показную, суфии некоторых сект отрицательно относятся не только к молитвам вслух, но и к предметам культа, и к мечетям, и к поклонению святым местам.

43. «Беда из рук Его ценнее» радости тем, что дает возможность духу возвыситься через преодоление беды. Однако этот суфийский мотив оказался чужд Хайяму и в дальнейших его стихах развития не получил.

49. По критерию: вес = 624, 21-ое место. Претенденты на авторство: Руми, Абдаллах Ансари, Наджиб-ад Дин Джартадкани.

53. Четвертая строка в оригинале дословно повторяет вторую. Возможно, испорчен текст. Но одновременная неожиданность и уместность ее (по смыслу) позволяет предположить изощренный поэтический прием.

57. Шариат, тарикат и хакикат как ступени суфийского совершенствования - см. вступительную статью.

60. Харабат здесь - молельный дом суфиеv.

61. Суфийский мотив: Бог вездесущ, присутствует в каждом человеке, а потому нелепо взвывать к нему, как находящемуся где-то вдали, не слышащему безмолвно высказанных просьб. Поздние стихи Хайяма заставляют предполагать, что там он уже не считает Бога вездесущим.

См. также №174.

71. Муфтий - авторитетный толкователь шариата. Медресе - высшее духовное мусульманское училище. Ирония, а порой и ненависть, звучащие в адрес медресе в суфийских стихах, - от убеждения, что наставники в них устремлены больше к плотским радостям, чем к божественному.

74. См. №1294.

76. В книге Б.И.Сребродольского «Жемчуг» (М., Наука, 1985, с.4) сказано: «Согласно старинной индийской легенде жемчуг - это попавшая в раковину и застывшая в ней капля дождя. Об этом пишет древний поэт Индии Калидаса. Когда первые дождевые капли со звоном ударяются о поверхность моря, из синих его глубин медленно поднимаются жемчужницы. Они раскрывают свои перламутровые створки и ловят всего одну дождевую каплю. После этого жемчужницы медленно опускаются на дно. Там, в темноте, и превращается капля в ни с чем не сравнимый перл». К представлениям такого рода и восходит образ этого четверостишия.

87. Рустам - богатырь, герой «Шахнаме» Фирдоуси. Хатем (Хотам) - старейшина одного арабского племени, чья щедрость стала легендарной.

90. Двери - рождение и смерть.

91. Весьма важный и не простой для Хайяма вопрос: что является высшими духовными ценностями в этом мире? Ведь по-настоящему-то значение их должно проявиться лишь там, в мире ином, и не исключено, что даже самая благородная земная шкала ценностей окажется там ошибочной. Отсюда и призывы к «подсказчикам» из числа «ушедших» - увы, тщетные. Постепенно сам Хайям выработал шкалу ценностей, заметно отличную от суфийской и более ориентированную на этот, чем на тот мир.

99. Двойной смысл: число «один» можно толковать и как «одиночество», и как «Единый», т.е. Бог.

110. Религиозно-поэтическая космология: вселенная создается и поддерживается силой лучезарного взора Творца. Разглядывая вселенную, Он любуется собою, ибо вездесущ. Стоит Ему зажмуриться, как прежний мир гибнет, исчезает; открыть глаза - и возникает новый мир. Это еще не идея множественности вселенных (существующих одновременно), сформировавшаяся у Хайяма позже.

113. «Единое - двойным не называл» - значит либо не молился двум богам, либо не лицемерил, не двуличничал.

116. По критерию: вес = 473, 90-ое место. Претендент на авторство: Фахруддин Ираки.

125. Идеально точным был бы перевод последней строки - стихом Вийона: «От жажды умираю над ручьем». Удивительная перекличка великих поэтов!

128. Жалоба на засилье «ложных» сект.

130. «Семьдесят два учения», неоднократно упоминаемые Хайяном, - весь куст различных сект и течений в исламе.

131. Исключительно емкая формула противоречия: «Склонись! Не упади!», что можно перевести также: «Нагни! Но не пролей!», - настолько понравилась Хайяму, что он цитирует ее еще в нескольких четверостишиях. См. №№499, 569, 782, 845.

Глава 2. Так в чем же цель твоя, без цели маeta?

133. Основная мысль Хайяма здесь, видимо, такая: дело не в принципиальной неспособности человека познать истину, а в том, что он едва ли идет по верному пути познания. Это предположение подкрепляется четверостишием о

некоем «третьем пути» - см. №246.

137. Конь Бораг (Бурак) – мифическое крылатое существо, на котором Мухаммед совершил чудесное путешествие из Мекки в Иерусалим, а оттуда к небесному престолу Аллаха.

139. Заметим, здесь речь не о смерти, не об уничтожении, а об исчезновении из виду – благодаря слиянию частного с целым (см. примеч. к №923).

141. Видимо, это – эмоциональное впечатление от «Шахнаме» Фирдоуси. По критерию: вес = 482, 80-ое место.

146. Тараб-ханэ – «дом Радости», дом или место увеселений. Это слово только единожды встречается в стихах Хайяма (и еще один раз – среди сомнительных четверостиший). Тем примечательней, что именно его выбрал Табризи в 1462 г. как название для составленного им фундаментального свода стихов великого поэта. Здесь это слово оставлено без перевода из уважения к работе Табризи.

148. Ошибкой было бы трактовать это четверостишие в том духе, что роза, собеседница автора, выросла из крови Йусуфа (Иосифа), по аналогии с другими стихами о «цветах, выросших из...». У Хайяма роза здесь говорит: «Я Йусуфом Египетским /этого/ луга являюсь». Следовательно, смысл другой, перед нами – модель, отраженный мир: события на лугу и взаимоотношения цветов между собой как бы упрощенно повторяют жизнь людей.

Описанию жизни Йусуфа – заимствованной из Библии легенде об Иосифе Прекрасном – посвящена 12-ая сура Корана. Он, любимый сын Якуба, был из зависти сброшен другими сыновьями в колодец, откуда его извлекли случайные путники и продали в рабство в Египет. Отцу же братья показали его окровавленную рубашку и сказали, будто Йусуф растерзан волками. После различных мытарств Йусуф за красоту, благородство и способность к толкованию снов был возведен царем Египта (которому разъяснил сон про семь коров тучных и семь тощих).

Пышность, власть, богатство, красота – и одновременно трагический образ окровавленной рубашки, как символ предательства, связаны с этим именем.

151. В дальнейших стихах конфликт с Творцом, а может быть, и какая-то философская догадка приводят Хайяма к принципиальному неприятию «божественных» добра и зла – в равной степени.

156. В некоторых стихах «Дверь» или «Врата» – вход в чертоги Аллаха, т.е. истинно праведный образ жизни.

157. Здесь переводчик предположил типичную ошибку средневековых переписчиков и поменял местами пары строк, чтобы восстановить логический ход мысли.

158. Забавный образ: создание нашей вселенной приравнено к возведению крытого стадиона для конных состязаний. «Кобыла», да еще и «пегая» – вдвойне унизительно для участника скачек. Кроме того, в слове «пегая» – намек: либо на смену дней и ночей, либо на чередование удач и невезения в жизни.

160. См. №838.

162. Здесь, ради выразительности остального текста, переводчику пришлось пожертвовать редифом «смотри!».

166. «Караван-сарай», в других стихах «ночлежка», «привал», «кабак» – наш земной мир.

167. Здесь все поэты-переводчики от себя уточняют, что Хайям имеет в виду звезды или планеты. Может быть, и так...

173. Для средневекового астронома Хайяма небес – восемь или девять: это семь сфер планет, Луны и Солнца (т.е. то самое магическое число «Семь», важное для астрологии, часто встречающееся в его стихах), и восьмое небо – сфера неподвижных звезд. Здесь астрономия кончается, девятое небо, если уж так им нужно, – для богословов.

Но у богословов совсем другие представления, они насчитывают иные семь небес, «каждое толщиной в пятьсот пятьдесят лет пути и располагающиеся одно над другим. Все семь небес имеют свое предназначение, свой цвет и качества, населены ангелами соответствующих разрядов. Над верхним, седьмым, небом простирается океан, над которым помещается рай». (В.В.Евсюков. Мифы о мироздании. М., 1986, с.12.)

Так что здесь перед нами отголосок спора между ученым и богословом, которые одинаковыми словами обозначают совершенно разные понятия, это спор мировоззрений, несовместимых даже на уровне семантики.

174. См. №61.

180. См. №222.

182. «Четыре шутника» – Четыре стихии – материальная основа нашего мира. Смысл четверостишия напоминает известную сентенцию о том, что человек начинает умирать с первой минуты своей жизни.

183. Две бездны, два «Ничто» – до рождения и после смерти.

194. По критерию: вес = 473, 89-ое место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Санай.

198. Мусульманство унаследовало от иудаизма и христианства немало имен: Иисус (Иса), дева Мария (Марьям), Моисей (Муса), Иов (Айюб), Ной (Нух), Иосиф (Йусуф)... но Иса для мусульман - не Бог-сын, а просто святой (хотя и один из величайших святых), пророк, предтеча Мухаммеда, основателя мусульманства.

По Корану, возраст бытия ко времени Хайяма был всего 7000 лет. Слишком мало, чтобы успел появиться «стотысячный Иса». В другом четверостишии Хайям говорит про сотни прошедших тысячелетий. Что это? Случайные оговорки?..

200. По критерию: вес = 617, 28-ое место.

200 и 201. «Ответы» Хайяма на четверостишия №№1304 и 1305. Подробнее о них см. вступительную статью.

202. По критерию: вес = 526, 60-ое место.

Путаница, соединение строк из разных хайямовских четверостиший - частое явление в средневековых рукописях. Но, как правило, почти невозможно определить, что перед нами: отсебятина переписчика или нечаянно попавшаяся строка из неизвестного нам рубаи Хайяма. Лишь в данном случае можно достаточно уверенно сказать, что это четверостишие «притянуло» к себе две строки из другого рубаи, вторая половина которого затерялась (см. Варианты):

В любви доступно ль нам слияньем душ блеснуть?

дано лишь мудрецам слияньем душ блеснуть.

203. Хайям часто поминает не какую-нибудь, а именно китайскую державу как символ богатства и могущества. Может быть, это случайное совпадение, но любопытно вот что. В Китае именно в те века существовала поговорка: «беден как перс». Это о тех персах, которые сбежали от арабского завоевания и влакили в Китае самое жалкое существование. Между персом, который в Китае «беден как перс», и китайским императором контраст особенно велик и звучит уже саркастически.

208. См. №№440 и 1060.

209. Семь тысяч лет - от сотворения мира.

212. «Это не Хайям!» - категорически заявляют ценители стихов Афзала Каши (умер в 1268 г.), числящие это четверостишие среди его шедевров. Гарантий, конечно, нет. Как хайямовское, оно впервые возникает в рукописи приблизительно 1430 года. Когда оно появляется как стихотворение Афзала? - не знаю. В пользу Хайяма говорит и мнение Табризи, включившего это рубаи в «Тараб-ханэ»: в своей работе он был не менее строг и критичен, чем современные ученые-хайямоведы, однако находился во времени почти в три раза ближе нас к Хайяму, так что ему было намного виднее.

По критерию: вес этого четверостишия = 414, оно занимает по весу весьма престижное 131-ое место. Как хайямовское, это четверостишие переводили у нас Л.Некора, В.Державин, Г.Плисецкий.

213. Утверждение богословов, что «воздержанные люди воскреснут среди того, к чему привыкли в этом мире», Хайям обыгрывает неоднократно: см., например, №338. Здесь их «поощрение» превратилось в предостережение.

215. По критерию: вес = 679, 10-ое место.

218. По критерию: вес = 680, 9-ое место.

219. По критерию: вес = 498, 72-ое место. См. №№1237, 1238.

222. По критерию: вес = 509, 68-ое место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Санай.

224. По критерию: вес = 535, 55-ое место.

226. «Алеф» и «лям» - арабские буквы А и Л - из числа загадочных абреквиатур, которыми начинаются некоторые суры Корана.

Четверостишие №835, предположительно, - авторская версия этого рубаи, поэтому оно также помещено в основном тексте, а не в Версиях (возникших благодаря переписчикам).

227. Переводчики обычно видят в этом четверостишии не более чем привычное зубоскальство Хайяма над собственной «греховностью». Но не исключено, что здесь он вполне всерьез ставит вопрос о поисках для себя такой веры, положения которой не идут вразрез с его жизненными и научными принципами, не делают его «грешником» автоматически.

228. Здесь идут несколько рубаи, предположительно навеянных Хайяму знакомством с религией огнепоклонников - зороастризмом. Отголоски этого знакомства звучат и в стихах заведомо более поздних.

229. Интересны в высшей степени изощренная форма этого четверостишия, где рифмой в последней строке становится слово, взятое для редифа, и хитрая игра смысла: негодование соседей по поводу того, КАК он живет, Хайям простым переносом акцента превращает в философский вопрос: живет ли он? Это рубаи текстуально близко к №1100; есть основания предполагать в них равноправные авторские версии.

231. Применительно к себе «веру во Христа» Хайям упоминает лишь единожды; это упоминание можно рассматривать как отголосок поиска им «веры для себя».

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

Стилистически это четверостишие безусловно относится к «зороастриским». 235. Поэт, увы, перестарался: чтобы доказать приверженность учению Заратушты, надел ритуальный пояс огнепоклонников, и «маги» не простили ему кощунства. Прощай, зороастранизм...

236. Особый вид иронии: точно повторить чужие мысли, но озвучить их так, чтобы слушателю стало смешно. Это четверостишие целиком построено на юмористической игреозвучий и повторяющихся слов, которую здесь частично удалось воспроизвести; если ее убрать, оно рассыпается на исходный строительный материал и начинает звучать как серьезное утверждение тех глупостей, которые Хайям осмеивает.

По критерию: вес = 742, 6-ое место. Претендент на авторство: Руми.

241. См. №813.

245. По критерию: вес = 500, 70-ое место.

246. Издавна известны два принципиально различных пути познания истины: религиозный и научный. За шуткой Хайяма скрывается серьезнейший вопрос: а нет ли третьего пути, лучшего? Однако и за 900 последующих лет человечество, кажется, так и не нашло третьего пути.

Критерий: вес = 593, 32-ое место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Шах Санджан.

Глава 3. Решай, что лучше: спать иль пировать весь век.

Поиски радости в бессмысленном мире, беспечальности среди печалей.

Признание земной любви как высокой жизненной ценности. Скромное начало бунта против Аллаха.

250. Вот известные переводы этого четверостишия (по порядку: И.Тхоржевский, Л.Некора и Г.Плисецкий):

Просило сердце: «Поучи хоть раз!»
Я начал с азбуки: «Запомни - "Аз"».
И слышу: «Хватит! Все в начальном слоге,
А дальше - беглый, вечный пересказ».

В тоске молило сердце: «Открой мне знанья свет!»

- Вот это - знак алифа, - промолвил я в ответ.
И слышу вдруг: «довольно! Ведь в этой букве все:
Когда Единый в доме, другим уж места нет».

«Снизойди, - меня сердце просило, - к мольбе:
Научи меня истине, ясной тебе!»
«А!» - сказал я. «достаточно! - сердце сказало. -
Много ль надо ума, чтобы вымолвить "БЭ"?»

Итак, что же на самом деле ответило Сердце? Дословный перевод ответа: «довольно! В доме если человек есть, одного слова достаточно». Переводчикам пришлось прибегать к догадкам о смысле этой фразы - с совершенно различными результатами. Например, Л.Некора, судя по всему, предположил в слове «один» обыгрывание цепочки: буква алеф - цифра один - Единый, т.е. Бог, - и предпочел прочесть ответ Сердца примерно так: «Довольно! В доме если появился Единый, ничьи слова неуместны». Но как же быть с тем, что Бог - вседесущ, и в любом доме присутствует всегда?..

Перевод пословицы действительно труден: недосказанность, идиомы. А здесь Хайям дословно приводит пословицу, смысл которой таков: «своему человеку в доме довольно и одного слова», т.е. своему не нужно долго объяснять. Сердце понимает собеседника с легчайшего намека. Трудно сказать, знал ли И.Тхоржевский про эту пословицу, но суть четверостишия он передал достаточно близко.

Кстати, что касается перевода Л.Некоры: частично и он верен, поскольку Сердце действительно восприняло букву «алеф» как совет задуматься о Боге. 252. «философ» - слово с подтекстом; оно не только означало род научных занятий, но и было ругательством обывателей в адрес ученых, намекавшим на вольнодумство.

Концовка по-хайяновски двусмысленна: либо: «я узнаю, кем - но не "философом" (в ругательном смысле) - мне здесь следует называться», либо: «я познаю свою суть и тем заслужу звание философа - ученого».

254. Слово «ходжа» Хайям применяет всегда в одном смысле: ученый-богослов. Ходжа в его стихах - одиозная фигура, предмет насмешек. Но в данном случае и многоначитанный ходжа пригодился. Он должен напугать Сердце рассказом про легендарного стяжателя Коруна, которого поглотила земля со всеми его несметными сокровищами (Коран, сура 28, ст.76-81).

257. Речь о том, что душе необходимо осознать цель своей жизни и начать

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
соответственно работать. «Сова» у Хайяма отнюдь не символ мудрости: она
шарахается от света (т.е. от света знаний).

260. По критерию: вес=485, 78-ое место. Претендент на авторство: Сайд Муртада.

262. См. №№323, 642.

263. Здесь переводчик позволил себе небольшую вольность. Последнюю строку оригинала надо читать так: «Соскоблить приговор намеченный /РАФТЭ/ не сможешь». Однако в третьем слове соблазнительно хотя бы на миг предположить производное от слова «уборка» - РУФТЭ, какой-либо инструмент для уборки, допустим, «скребок»: «Соскоблить приговор скребком не сможешь». Этот ход, почти насилино навязанный читателю обманчиво-двусмысленным начертанием слова, успевает подсказать ему соответствующий образ. Поэтому, сохранив и содержание прочтения правильного, переводчик рискунул этот полуназванный «скребок» включить в свой текст.

265. В некоторых произведениях современной фантастики наш мир на взгляд из четырехмерного пространства-времени оказывается неподвижным слитком Бытия. Любой человек внутри него – полоска, протянувшаяся от дня рождения до момента смерти, намертво примороженная к тому или иному месту в каждый момент истории. Этот образ навеян идеей пространственно-временного континуума Минковского, автор которой, математик XX века, уподобил время одной из трех пространственных координат. Но откуда у Хайяма полностью совпадающий с этим образ «литка Бытия»?

См. №326.

270. По критерию: вес = 621, 24-ое место. Претендент на авторство: Саифуддин Бахарзи.

274. В последних строках – попытка переводчика хотя бы бледно воспроизвести фейерверк хайяновской игры словами.

275. Последняя строка – пословица, смысл которой таков: «была хороша, стала еще лучше».

277. По критерию: вес = 513, 64-ое место.

285. В этом четверостишии, в отличие от близкого к нему рубаи №669, есть некая странность: кто адресат? Заведомо не «душа» (ибо сказано в 1-й строке: «ты с душой расстанешься»). Следовательно, сам человек? Но, по всем канонам, человек – соединение души с плотью, и говорить, что «ты пришел неведомо откуда и уйдешь неведомо куда», можно не человеку в целом, а только его душе...

Для объяснения этой странности возможны две гипотезы. Первая (если попробовать отмахнуться от проблемы): перед нами склейка двух четверостиший, одно из них было адресовано смертному человеку, другое – его бессмертной душе. Вторая (если вникнуть поглубже): не отзвук ли здесь своеобразного «закона сохранения», который Хайям иллюстрирует иногда в других стихах, например, о капле воды, сливающейся с океаном? – Она одновременно исчезает и не исчезает... Ничто не исчезает в никуда и не возникает ниоткуда. Так и человек. Известен – до и после жизни – путь его «души», а также и путь его «праха». Однако порознь как то, так и другое, – еще не «человек». И все же говорить, что человек от их слияния возник, что он исчезнет бесследно, – нельзя, это противоречит тому самому «закону сохранения». Следовательно, приходится допустить, что существует какой-то пласт Бытия/Небытия, где до и после смерти пребывает «человек» – и не как «душа», и не как «тело», – нет, на каком-то более высоком уровне, без души, без тела, как идея их соединения и воплощения в одном-единственном конкретном человеке. Рай и ад – для «души». Судьба горшков – для «праха». А что для «человека»?.. Вот уж – действительно: «неведомо откуда, неведомо куда».

287. Это рубаи интересно прежде всего удивительной игрой омонимов в конце каждой из рифмующихся строк (здесь во второй строке переводчик, увы, не выдержал уровня оригинала).

288. Намек на одно из чудес Мусы (Моисея): его руки покрылись цветами.

290. По критерию: вес = 492, 77-ое место.

291. По критерию: вес = 608, 31-ое место. Претенденты на авторство: Хафиз, Муджедд Хамгар.

297. См. №405.

307. См. №596.

308. «Карман земли» – несомненно могилы. Люди как бы сыплются из «подолов неба» и проваливаются в них.

309. См. №1295.

310. Об этом четверостишии подробно говорится во вступительной статье, в главе «Не только тайным языком».

314. «Отговорка» в оригинале – слово не из привычного лексикона Хайяма, а в таких случаях полезно посмотреть: не намек ли это на какую-то ассоциативную связь. Есть пословица: «Отговорка хуже самого греха». С учетом ее

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
четверостишие начинает звучать по-хайямовски парадоксально.

315. Это «странствующее» четверостишие относят, в частности, и к стихам Ибн Сины, т.е. к началу XI века. Во всех «хайямовских» его версиях названы три стихии из четырех – можно предположить, что изначально были названы все четыре, но текст испорчен временем. Проф. Хомайи в своем издании «Тараб-ханэ» (с.170) цитирует текст из других источников, в этом смысле полноценный. Последние его строки можно перевести так:

Пусть ветры при мольбе твой гнев-огонь не вздуют!..
Как Салгар-шаха прах, мою слезу прости!

(Относительно «ветров» – см. примеч. к №655). Этот текст, увы, уже никак нельзя отнести к Хайяму, он мог быть написан лишь в конце XII века: Салгар-шах, основатель туркменской династии, правившей в фарсе в 1146–1287 гг., жил заведомо после Хайяма.
Но «ветры при мольбе» – хайямовский ход! Истина скорей всего лежит посередине: в исходном виде четверостишие было похоже на вариант с Салгар-шахом, но без его имени. Перевод сделан по реставрированному тексту. По критерию: вес = 528, 59-ое место. Претенденты на авторство: Ибн Сина, Фарйаби, Мадждуд Дин Хамгар.

319. См. вступительную статью, главу «Как попасть в рай». По критерию: вес = 495, 74-ое место. Претенденты на авторство: Абу-Саид, Сеиф ад Дин Бахарзи, Иzzад дин Каши.
322. Махмуд – основатель ислама Мухаммед. дауд – библейский царь давид. Хайям иногда цитирует и по-своему переистолковывает стереотипные обороты из богословских речей.
323. По критерию: вес = 670, 14-ое место. Претендент на авторство: Аттар.

326. См. №265.
331. По критерию: вес = 480, 83-е место. Претендент на авторство: Афзал Каши.
333 и 334. Салям – приветствие. Дуг – напиток из простокваша. Мостафа («Избраннык») – одно из прозваний основателя мусульманства Мухаммеда. Эта пара четверостиший явно написана ради юмористической концовки «ответа» (откуда следует, что у них один автор): Хайям задал глупый вопрос и потому сам нарвался на запрет вина – для глупцов. В единственном известном переводе (О.Румер) этот юмористический ход не был проявлен.

346. См. №379, 549.
348. В оригинале это четверостишие можно при желании увидеть и не таким язвительным, если «гарем» прочесть иносказательно, как «храм», «святилище». Не случайно слова «гарем» и «храм» даже в русском языке созвучны: они восходят к одному источнику.

350. Всевышним Избранный – эпитет Али, глубоко почитаемого шиитами последнего из «праведных халифов». Если допустить, что здесь действительно имеется в виду Али, тогда это четверостишие воспринимается строго в рамках суфийских иносказаний: Али как духовный «кравчий», одаряющий «вином» божественных истин. Но весь контекст четверостишия заставляет заподозрить: автор кощунственно переносит на обыкновенного кравчего возвышенное прозвище Али.

354. По критерию: вес = 556, 43-е место.
361. По критерию: вес = 474, 87-ое место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Муджидд Хамгар.

367. Древнейший прием подтасовки – цитата, вырванная из контекста: «Они спрашивают тебя о вине и майсире. Скажи: "В них обоих – великий грех и некая польза для людей, но грех их – больше пользы"». Коран, сура 2, ст.216 (219).

По критерию: вес = 515, 63-е место.
369. Шутник Хайям выпрашивает у Бога прощения не для себя, а для «пронинившихся» частей своего тела. К сожалению, в некоторых версиях оригинала (см. Варианты), а потому и в части существующих переводов этот стройный образный ряд нарушается.
371. По легенде, Хайям составил на себя гороскоп и определил, будто жить ему суждено сто лет. По другой легенде, он и в самом деле прожил 104 года. Даты его жизни точно не известны, и не исключено, что предсказание сбылось. Эти легенды переводчик знал и раньше; но полной неожиданностью для него оказалось вдруг обнаружить вот этот стихотворный отклик Хайяма на изучение своего гороскопа. Вместо благодарности... вот уж поистине язвительный характер.

372. Возможность по-разному прочесть последнюю строку позволила С.Кашеварову перевести это четверостишие в другой интонации:

Тот я, кого из ничего ты сотворил...

Много, конечно, для меня ты совершил.
Если слаб я, то меня прости:
Сам меня ты слабым из праха замесил.

Глава 4. Наличное бери, обещанное выбрось.

Развитие символического образа вина как «пищи духа».

377. В оригиналах знаков препинаний и кавычек нет – приходится догадываться... Эмоциональное восклицание в конце показывает, что Хайям в принципе не согласен с высказанным в первых строках. Следовательно, он цитирует. Первые строки – об одном и том же, но чем-то они напоминают разговор глухих. Нет логического движения. Букет из банальностей, внешне глубокомысленных. Переводчик рискнул допустить, что здесь три различных цитаты, спор трех «философов», – и реакция услышавшего их глупости Хайяма. Другие переводчики истолковывали это четверостишие иначе, в духе рубаи №1189, например – А.Старостин:

Мы разгадки вечной тайны не нашли,
Знаний о запретном не приобрели.
Место наше – сердце горестной земли.
Пей вино, тем длинным сказкам не внемли!

378. См. №1300.

379. Изdevаясь над религиозной обрядностью, Хайям часто как сходные символы предрассудков ставит на одну доску мусульманскую мечеть и места молений («храмы») иноверцев.

381. Имеется в виду, что ходжа вместо решения серьезных философских вопросов поглощен рассуждениями о том, как именно – по предписаниям шариата – следует обращаться с женщиной в период ее месячных «нечистот», и тому подобным глубокомысленным «деръемом».

389. Здесь – реставрация. Если точно переводить по сохранившимся текстам, то следовало бы во второй строке написать:

И бедствиями в прах не втоптан, как бурьян.

(дословно: «разрушен пинками несчастий».) Но это явное нарушение хайямовской поэтики: в его стихах «действия» совершают только персонифицированные «действующие лица»: Бог, Рок, Смерть, Колесо (Небосвод) и т.п., а не абстрактные понятия (такие, как «бедствия»). Переводчик предположил, что изначально здесь было другое слово, очень близкое по начертанию: «пахари», а не «несчастья»: «Под пинками пахарей – распластан станешь». Смысл тот же, но реставрация слова «пахари» возрождает зримый образ.

391. По критерию: вес = 517, 62-ое место.

397. В оригинале пословица: «Слушать барабанный бой хорошо издали». В переводе Л.Некоры дан позаимствованный здесь прекрасный русский эквивалент: «Славны бубны за горами».

По критерию: вес = 540, 53-е место.

398. Действительно, кретины, нашли чему завидовать: «пиале» чьей-то жизни, налитой до смертной черты.

400. По критерию: вес = 647, 18-ое место.

405. По критерию: вес = 468, 95-ое место. См. №297.

408. В первой строке – создаваемые Творцом «чудные чаши» голов. В последних – опрокинутая «чаша» небосвода, наполненная людскими горестями.

412. Чоуган (човган) – клюшка для игры в конное поло с мячом.

413. По критерию: вес = 483, 79-ое место. Претендент на авторство: Адип Сабир.

420. Хайям адресуется к любознательному Сердцу, допытывающемуся у Души про красоты рая; но рай в принципе для Сердца недоступен, и звучит совет создать его имитацию на земле. В другом варианте четверостишия, едва ли правильном (см. Варианты), на котором основан и широко известный перевод О.Румера, адресат – какой-то простак, напрасно надеющийся на рай. «Вино» здесь конечно же символично: это истинные ценности бытия. Печально, что именно это рубаи послужило некоторым хайямоведам поводом упрекать Хайяма за пропаганду пьянства.

421. В некоторых четверостишиях, и здесь в том числе, конкретизируется роль Сердца: не только как посредника между Душой и чувственной сферой этого мира, но и как «визиря по увеселениям»: чтобы успешно выполнять свою работу, Душе должно быть в этой жизни радостно.

В издании 1959 г. последние две строчки переведены так: «А потом на эту лужайку, словно роса, садись ночью, а вставай /только/ утром». В общем правильно; однако в смысле «вставай», «встань» – Хайям всегда использует

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

другое слово; здесь же глагол точней переводится как «поднимись». А с образом росы согласуется такой – тоже точный – перевод его: «испарись». В таком прочтении «ночь увеселений на лугу» равна по длительности всей человеческой жизни. Это соответствует образной системе Хайяма: он говорит, что «близится рассвет» – в смысле «жизнь кончается», – гораздо чаще, чем «близится вечер».

По критерию: вес = 529, 58-ое место. Претенденты на авторство: Ага Малик Шахи, Акифи. См. также №№798, 813.

438. См. примеч. к №15.

440. См. №№208 и 1060.

445. Переводчик предполагает здесь в «багряной струе», пролитой наземь, кровь, а в четверостишии в целом – проклятие Творцу за убийство его, Хайяма, – высказанное как бы после смерти. Поэт неоднократно говорит о своей смерти в прошедшем времени. Подробней об этом четверостишии – см. вступительную статью.

По критерию: вес = 581, 37-ое место.

446. Комментируя это четверостишие («Тараб-ханэ», с.18), проф. Хомайи сомневается в авторстве Хайяма, ему представляется свидетельством поэтической неумелости повторение в третьей строке и нелепостью то, что здесь автор говорит уже из ада, как бы из будущего времени. Иное дело, если кто-то вот так иронизирует над усопшим грешником – от его имени... Но можно ли большого поэта втискивать в рамки привычных ограничений? Этот пусты странный, но сильнодействующий прием (говорить из будущего, из загробного мира) Хайям, как легко убедиться, использует неоднократно.

448. Проф. Хомайи («Тараб-ханэ», с.50) приводит четверостишие Афзала Каши – «ответ» на данное рубаи Хайяма:

Последний и причин запутанная связь
Где вроде б на виду, где прячется от глаз.
Когда скрыта суть, мы видим только внешность,
Вот нам и кажется, что «кто-то бьет, озлясь».

По критерию: вес = 840, 3-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Насир-ад-Дин Туси.

449. По критерию: вес = 554, 44-ое место.

450. По критерию: вес = 472, 92-ое место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Обайд Закани, Муджид Хамгар.

454. Вавилон здесь – западные провинции Ирана.

459. В чаще неотцеженного вина на дне собирается муть – отстой. Не потому ли и людям, обитающим на дне «лазурной чаши» небосвода, достается лишь отстой, «гуща горькая» из всяческих бед и несчастий?

463. По критерию: вес = 512, 66-ое место. Претендент на авторство: Джамал Халил.

467. По критерию: вес = 664, 17-ое место.

468. Проблема, неразрешимая для теоретиков ислама: если Аллах всеведущ, и если все события изначально предписаны им (а в мусульманстве строго утверждается именно это), любые действия «рабов божьих» должны считаться совершенными, неподсудными, и грешных поступков, чреватых наказанием, в принципе быть не может...

В тегеранском издании «Тараб-хане» на стр.101 приводится «ответ» на это рубаи; автор его либо Насир Аладдин Туси, либо Афзал Каши:

Ты пьешь... А вот глупца охватывает страх,
Что ты смиленно пьешь, как предсказал Аллах.
По божьей воле жить – находит он греховным?
Он – рядом с мудростью! – остался в дураках.

Впрочем, в других источниках, включая издания Никола (Париж, 1867 г.), Даниша (Стамбул, 1927 г.) и Тиртхи (Аллахабад, 1941 г.), частично похожее стихотворение приводится как хайямовское – см. здесь №1296, среди «ответов». Нечто близкое есть и в стихах Каши:

«Соблазнов я избег и не погряз в грехах!»
Ответит Суд: «Зачем? Ведь их дарил Аллах».
По Божьей воле жить кто находил греховным,
Тот – рядом с мудростью! – остался в дураках.

По критерию: вес = 775, 4-ое место. Претенденты на авторство: Сирадж ад Дин Карми, Талиб Амали.

470. По критерию: вес = 999, 1-ое место. Претендент на авторство: Сайд Наср.

475. В одном из вариантов не «лиса», а «лев» (видимо, гепард).

В оригинале игра слов: Бахрам, легендарный царь, прославленный охотник, преследуя ГУРа (онагра, дикого осла), попал в ГУР (могилу). Тем самым намекается и на прозвище царя, не названное в тексте: Бахрам Гур. По легенде, пещера, куда он забежал в погоне за онагром, обвалилась и погребла его.

478. По критерию: вес = 542, 50-ое место.

479. См. №550.

Глава 5. Вторично не цветут увядшие цветы.

Тайные догадки о сущности бытия. Проклятия Творцу, забывшему про людей. «Вино» как хайямовское учение.

484. По критерию: вес = 557, 42-ое место. Претенденты на авторство: Абдаллах Ансари, Абу-л Хасан Хуркани.

487. Страна Золомат - Край Вечной Ночи, там находится источник живой воды. Мухаммед - имя основателя мусульманства - буквально означает «достойный восхваления». Салават - название восхваления, звучащего так: «Аллах, благослови Мухаммеда и род Мухаммеда!» Обычно же говорят коротко: «Мухаммedu - салават!»

В этом четверостишии достоин восхваления - саки; тем самым он оказывается... Мухаммедом, и поэт к нему, а не к основателю ислама, обращает «салават»!

489. Читателю может показаться, что здесь неуместно звучит слово «тайфун», родившееся в Юго-Восточной Азии. Но именно его (в звучании ТУФОН) использует Хайям - по крайней мере, трижды.

491. В пяти из рассмотренных источников, включая «Тараб-ханэ» (1462 г.) и рукопись 1475 года, это четверостишие построено на перечислении четырех стихий. Но в Бодлеянской рукописи (1460 г.), а также в популярном у поэтов-переводчиков издании Никола одна из стихий - воздух - отсутствует; видимо, их текст менее точен. Там же еще одна замена: «огонь сердца» превратился в «огонь печали», - придавшая всему четверостишию совершенно иной смысл, что хорошо видно в переводе Л.Некоры (из Бодлеянской рукописи):

О мальчик! Каждой каплей вина, пролитой в прах,
Огонь тоски залил ты в сокрытых там очах.
Хвала аллаху! Можем и сами мы с тобой
Изгнать напитком дивным из сердца скорбь и страх.

499. См. №№131, 569, 782, 845.

500. Про это четверостишие, очень распространенное в хайямовских рубаятах, проф. Хомайи сообщает, что в одном из списков «Тараб-ханэ» к этому четверостишию приписан комментарий: «Также известно, что это рубай обнаружили на изголовье могилы Хайяма, написанное на бумажном клочке». Обнаружили, надо понимать, впервые. Мистика: творчество покойника. Есть и другая легенда. Один излишне правоверный ученик Хайяма посетил его вечную опочивальню и удивился: с чего бы так пышно украсилась цветами могила великого грешника. Тогда ему приснился разгневанный Учитель и произнес это рубай. (Странно. Таким четверостишием, скорее, ученик во сне должен был бы «отблагодарить» Учителя.) Фуруги, видный иранский исследователь, считал это рубай поддельным. Но, с другой стороны, содержание и стиль его - вполне хайямовские, и оно даже не приписывается другим поэтам (известны лишь авторы пародий на это четверостишие). О своеобразном пристрастии Хайяма к «загробным» стихам, к «посланиям из ада» уже говорилось.

По критерию: вес = 672, 13-ое место.

501. По критерию: вес = 622, 23-е место.

502. Несмотря на довольно широкую распространенность этого рубай, ни в одном из доступных источников не удалось найти текста, приемлемого хотя бы как версия: осмысленного и без очевидных описок. Видимо, с той же проблемой столкнулся проф. Хомайи, комментируя в издании «Тараб-ханэ» это четверостишие в таком духе: «Это рубай встречается там-то и там-то; и раз уж мы взяли на себя труд воспроизвести все, не будем от него отказываться; здесь и так встречается многое, что немощно или легкомысленно!» Однако немощность-то - не авторская, это вина какого-то переписчика, уже в самое раннее время искалечившего текст, так что он получил распространение только в испорченном виде. Вторая половина рубай осталась при этом осмысленной и интересной, так что четверостишие распространялось, несмотря на нелепость первых строк. Или их принимали за какую-то «тайнопись».

Но в списке 1497 г. текст изменен; Тиртха в своей сводной книге даже не упомянул об этом варианте, явно сочтя его небрежностью очередного

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org
переписчика (тем более что в последней строке там содержится грубейшая описка). Между тем именно коррекция, предложенная в этом списке, представляется мне единственной верной: она возвращает ясный, причем в духе всех стихов Хайяма, смысл всему четверостишию – благодаря восстановлению мало кому понятного слова, профессионального термина астрономов: СУХО – звезда Алькор, слабая звездочка в двойной звезде Мицар, что в Большой Медведице, по которой издавна проверяли остроту зрения.

504. Видимо, это «ответ» Хайяма на стихи какого-то неумелого подражателя.

505. Намек на древнюю легенду про быка, который на рогах держит Землю.

514. Внешне это четверостишие напоминает те, где Хайям дает наставления, как именно следует пить вино. Поэтому его и переводили соответственно.

Однако при таком толковании оригинальный текст вызывает недоумение: «Если хочешь, чтобы вино рубиновое дозволено тебе стало, обид людям не ищи и бешеным не будь». Это совсем не призыв «не буйствовать спьяну». Иное дело, если имеется в виду «вино» как символ хайяновского тайного учения. Доступ к нему действительно нужно прежде заслужить. Понятным становится и предостережение для новичка: «Испробовав вина... не упади в обморок!» Учение Хайяма, откровенно и вдруг преподнесенное, действительно способно потрясти набожного мусульманина.

516. Хайям однозначно говорит: «Тот, кто тайны Бога вызнал, этих семян в сердцах ничьих не сеет», – значит, не внушает другим людям идей про ад и рай. Именно это предостережение: не сеять в чужих сердцах сомнительных страхов и устремлений – и есть главная мысль четверостишия, пожалуй, только здесь и высказанная так откровенно. Однако во всех существующих переводах она исчезла, в лучшем случае там речь идет о «посеве» внутри собственного сердца. Виной тому – испорченные оригиналы.

522. Ссылка на «свойства вина» – легкий намек на цитату из Корана (см. примеч. к №367).

523. Проф. Хомайи в своем издании «Тараб-ханэ», в предисловии на стр. 23, приводит обнаруженные им на полях одной рукописи два подражания-близнеца, способные ввести исследователя в заблуждение чисто хайяновским стилем:

Саки! И горькое, твоё вино – услада,
Лишь если горькое, тогда оно – услада.
Ты прав, лежит запрет Господень на вине.
На чем лежит запрет, все как одно – услада.

Все дни, пока для нас журчит вино, – услада,
Вся жизнь, пока в мечтах царит оно, – услада.
Исполнилась мечта – и дни летят как вздох:
Услада!.. Вот и ночь. Рассвет в окно – услада!

Кстати, если уж говорить о подражаниях Хайяму, то – приводит он и образцы текстов из другой рукописи, снабженных авторской пометкой средневекового переписчика, отметив, что, «говоря по совести, это прекрасные подражания»:

Саки! Нальем себе чуть-чуть или сполна мы,
Важней во всем найти ликующее пламя.
Чтоб выпустить кувшин, вином пьянящий нас,
Раскопан мавзолей Кубада или Джама.

Тюрчанка! Мне вина с дыханием дней сыщи ты,
Где в ликование влились и слезы чьи-то.
На царское плечо любой халат пошит,
Любой расписан ковш, как для руки Джамишида.

Цени мгновение! Миг – и вселенной нет,
Во мрак Небытия летит мгновенный свет.
Пируй и веселись, не вздумай оглянуться:
За всякой радостью печаль идет след в след.

Заметим, что здесь автор – истинный поэт, а не простой версификатор, как в первом случае: сквозь попытку подражать Хайяму виден свой стиль и, главное, свой взгляд на жизнь. Если Хайям стремится за невзгодами разглядеть всеобъемлющий смысл жизни и в этом найти ее высшую (пусть даже горькую) радость, то здесь радость от природы дана автору-оптимисту, она вне философии, и обращение к драматизму бытия – осторожно: как бы не поколебать мир, царящий в душе.

Для полноты картины проф. Хомайи цитирует также образцы из анонимного рубайята, созданного в подражание хайяновской манере; автор его, по мнению Хомайи, – умерший в 1308 г. Мохаммад Хесин Онка:

Вставай! Уже заря - как столб огня, саки.
Пора! Иди в подвал, неси вина, саки.
Вон: с гребнем в волосах, и рядом - безбородый,
Вот им и поднеси вина-пьяна, саки!

Вставай! А то проспишь свои года, саки.
Где флейта, чанг и руд? Зови сюда, саки!
Пока наш прах не стал ни кубком, ни кувшином,
Пусть кубок и кувшин полны всегда, саки!

И, наконец, проф. Хомайи сам пробует силы в этом сомнительном и в то же время увлекательном жанре и приводит в книге три собственных подражания Хайяму:

Я старца повстречал у здешних гончаров.
С собой загородив огонь от мастеров,
Рыдая, он кричал: «О, как унять глупцов,
В геенне огненной сжигающих отцов!»

Гончар! Оставь терзать то нищих, то царей,
Питаться каждый день сияньем их очей,
Сто чаш-голов слеплять в одну простую чашу!..
Присядь, задумайся и о судьбе своей.

В молитвенный экстаз впадешь - как хорошо!
Гулякой в кабаке ль запьешь - как хорошо!
Будь падишахом ты иль будь дорожным прахом,
Одно не смей забыть: живешь - как хорошо!

526. Несколько по-иному прочтено это четверостишие В.Державиным:

В дни цветения роз свою волю с цепей я спущу
И нарушу святой шариат и святош возмущу.
В сонме юных красавиц весны зеленеющий луг
Я в тюльпановый ярко-багряный цветник превращу.

Чего ради «в дни цветения роз» нужно «превращать в тюльпановый цветник» луг, и без того, очевидно, «ярко-багряный»? Видимо, первые слова оригинала: «Пора цветения!» - правильней понимать как «Пора цветению!» - с тем подтекстом, что весна запаздывает, и промашку природы надо как-то исправить.

532. По критерию: вес = 513, 65-ое место.

534. В первой строке - вариация поговорки: «солнце глиной не замажешь», в смысле: правду не скроешь. Но Хайям придает поговорке иное значение. Будь осторожен, ученый: обнародованное открытие - «просверленная жемчужина» - общедоступно, как солнце, его уже «не замажешь», не спрячешь.

536. По критерию: вес=497, 73-е место. Претендент на авторство: Шарфуд Дин Шафрух.

537. Переводчик уверен, что это четверостишие - презрительное «Прощай!» вслед Богу, ушедшему от людей, - поэтому здесь «ты» с большой буквы. Но (естественное следствие камуфляжа) можно утверждать, будто рубаи обращено к чему-то или к кому-то обогащающему либо дающему взаймы. Допустим, это экспромт вслед укатившемуся грошу. (В средневековых рукописях ни строчных букв, ни даже знаков препинания - нет... Приходится догадываться.)

539. По критерию: вес = 621, 26-ое место. Претендент на авторство: Санай.

543. Пятница и суббота имеют собственные названия, остальные дни недели зовутся именно так: «первый», «второй» ... день после субботы. Пятницу также пришлось назвать в переводе по номеру, чтобы избежать неблагозвучного стыка: «и в пятый, и в пятницу...»

546. По критерию: вес = 478, 84-ое место. Претендент на авторство: Салмон Соваджи.

548. На редкость разноречивы варианты третьей строки (см. Варианты). По мнению переводчика, только текст, данный в основной подборке, соответствует взглядам Хайяма, остальные - привнесены переписчиками, чтобы снять мнимое «противоречие», чтобы приблизить «вино» к его обыденному смыслу.

550. См. №479.

559. Примечательное сопоставление своего учения, запрещающего «пить печали», с мусульманством.

Кстати, про лал бадахшанский. В горах Бадахшана испокон веков добывается благородная красная шпинель - камень, который всегда был дешевле настоящего

рубина, привозимого из Индии. Поэтому уточнение: «Где та прелестница - где лал твой бадахшанский?» - призывает образ, звучит уже не как «где красавица?», а скорей как «где твоя красотка из предместья?» Рейхан - благовонные травы, в частности базилик.

560. «Омоемся вином...» Имеется в виду ритуальное омовение перед молитвой. Если нет воды, шариат допускает омовение песком, но, естественно, не вином.

561. По критерию: вес = 620, 27-ое место.

564. ДЖОУ во всех словарях - ячмень, ячменное зерно; либо же: ничтожно малое количество чего-нибудь. Однако, судя по старинным пословицам, этим словом обиходно именовалась и мелкая монета; как следует из контекста четверостиший, Хайям всегда употребляет это слово именно в смысле «грош». Иное прочтение дает сомнительный эффект (для примера - пер. О.Румера):

Усами я мету кабацкий пол давно,
Душа моя глуха к добру и злу равно.
Обрушился мир, - во сне хмельном пробормочу я:
«Свалилось, кажется, ячменное зерно».

565. Продать собственную чалму - кощунство ли? Вот если б ее соткала сама Марьям (дева Мария, мать Иисуса), торговать такой святыней было бы поистине кощунство... Но раз есть кощунство большее и меньшее, то где граница между кощунством и не-кощунством? Не иллюзорна ли она? Вот Хайям и сдвигает в стихах эту границу то туда, то сюда - по своему усмотрению.

566. Нужно обладать, наверное, полным отсутствием и чувства юмора, и понимания художественных условностей, чтобы видеть в этом четверостишии и подобных ему - откровенный автопортрет Хайяма. Но неверным было бы и предположить, будто здесь поэт дает сатирический портрет какого-то глубоко ненавистного ему ханжи и распутника, ведя речь от его лица.

Это действительно сатира, но художественный прием иной. Все смертные грехи Хайям взваливает не на кого-нибудь, а на себя - но лишь затем, чтобы контрастнейозвучало в адрес ханжеского окружения: «Я строже их блуду запреты шариата!» Этот прием Хайям часто использует в обличительных стихах: я - такой-сякой, но ты - еще хуже!

569. См. №131, 499, 782, 845.

571. По критерию: вес = 467, 96-ое место.

574. Более точным был бы такой перевод последней строки: «А ты - на мой зрачок побрезгуешь присесть», т.е. погнувшись моим радушием, готовностью всячески услужить. Четверостишие приписывается также Хафизу.

576. По критерию: вес = 480, 81-ое место.

577. См. №819.

578. См. №1191.

582. По критерию: вес = 534, 57-ое место.

584. Намек на адский огонь, которому заведомо будет больше по вкусу «высохший аскет», чем размокший от вина грешник.

587. По критерию: вес = 544, 48-ое место.

589. По критерию: вес = 611, 30-ое место. Претендент на авторство: Афзал Каши. См. №1303.

593. В оригинале использовано суфийское иносказание «продавец вина», означающее «духовного наставника». Возможно, Хайям намекает на себя как на распространителя собственного учения.

596. См. №307.

597. Табризи сопровождает в «Тараб-ханэ» это четверостишие такой легендой: «А еще утверждают, что иные секты в переселение душ веруют. По этому поводу рассказывают, что медресе в Нишапуре обветшало (вар.: от землетрясения разрушилось), и восстановлением его была занята община. Некий длинноухий, когда кирпич перевозили, однажды в воротах уперся намертво и дальше не шел, несмотря на побои. Хайям, оказавшийся там тогда, неожиданно сказал это рубаи на ухо ослу, и тот пошел куда требовалось.

Потом на расспросы Хайям объяснил, что любой дух, имеющий привязанность к телу, при этом попадает часто и в зависимость от него. Этот осел - бывший здешний учитель; поскольку он вознесения на небо не заслужил, то внизу остался и пришел в такое плачевное состояние: поначалу для некоторых даже ада, кроме такового, - нет. Он от конфузса на кафедру не решался шагнуть, когда же из моих слов убедился, что узнан, тотчас же покорился».

Средневековый мусульманский историк Санади в хронике «История от алефа» писал о Хайяме: «Из большинства книг известно, что он доктрину переселения душ признавал», - и как пример приводил эту историю. Современные исследователи А.А.Болотников и другие находили, что Хайям в переселение душ не верил, смеялся над этой доктриной, и в доказательство опять-таки приводили это рубаи.

Глава 6. Что значит «путь кутил», что значит «зелье пить?»

дальнейшее развитие хайямовского учения. Отсутствующий Бог. Вставной игровой сюжет: до, во время и после Рамазана.

600. Это четверостишие можно косвенно отнести к числу «подсказок», расшифровывающих хайямовские иносказания, поскольку в нем акцентируется, что слово «узор» - условно: «что же оно такое - аллегорически именуемое узором?» И поэт отвечает про рождение и смерть «узора»; отсюда, а также из намеков в других четверостишиях безусловно ясно, что здесь «узор» - вселенная.

601. Это знаменитое четверостишие, древнейшее из известных, всеми поэтами-переводчиками воспринималось как повествование о людях, которых «Хозяин» лепит из глины и разбивает. Многократность этого действия они улавливали правильно. Однако про людей ли здесь речь? «Сочетать стихии» Творцу требуется только при сотворении зрячего мира.

Во вступительной статье, в главе «Множественность вселенных», приведен один из «ответов» на это четверостишие.

По критерию: вес = 553, 45-ое место. Претендент на авторство: Афзал Каши.

605. «Небосвод - кошмарный череп мира...» Не отголосок ли это мысли, что наш мир выброшен на свалку?

608. Последние строки отчетливо понимаются так: мои речи про «вино» понятны лишь посвященным.

610. См. №642, 685.

611. Имеются в виду обязательные для мусульманина ежедневные пять молитв.

614. По критерию: вес = 465, 99-ое место.

616. По критерию: вес = 472, 91-ое место. Претендент на авторство: Садруддин Куджанди.

619. Можно понимать двояко: то ли ангел, посланный усовестить грешника, посетил героя четверостишия, то ли Хайям имеет в виду дух человека - как гостя в бренном теле. Переводчик склоняется к первому варианту: что из того, что ты сам благословишь свой день? Зато благословение ангела, возможно, имеет какую-то силу.

По критерию: вес = 493, 76-ое место.

621. О душах человеческих Хайям никогда не высказывает с небрежением, напротив, часто жалеет их. Откуда же вдруг такая низкая оценка?.. Но это смотря как понять первую строку. Можно и наоборот: один глоток хайямовского «вина» спасает от прозябания сотни душ, отсюда и такая высокая цена. Кстати - о паре «корона - кувшинный черепок», часто встречающейся в стихах Хайяма. Однажды он уточняет: «черепок от верха хума (большого кувшина)». Отсюда ясно, что он имеет в виду четкий зрительный образ: это не любой черепок, но именно кольцевая верхушка кувшина. Если надеть ее на голову - чем не глиняная корона!

623. Намек на легенду о том, что Сатана (Иблис) - единственное из творений Аллаха, кто в гордыне своей не поклонился Адаму.

624. Одна из более чем прозрачных «подсказок». И после этого нам говорят, что стихи Хайяма - призывы к пьянству?..

632. См. №933.

635-638. Три первых четверостишия найдены мною в средневековых рукописях, четвертое - любезно сообщил мне А. Ш. Шахвердов, составитель петербургских изданий стихов Хайяма (1986 и 1993 гг.). Он собрал бесценную коллекцию - многие десятки тысяч рубаи разных авторов.

641. Вроде бы нет поводов для кривотолков: превыше всего в мире - «хмель». Однако в одной из рукописей это рубаи приобрело вид откровенно суфийского - заменой всего одного слова в третьей строке (остальные разнотечения второстепенны):

За капельку вина - Китайскую державу,
А за глоток вина сто вер отдал бы, право!..
Прекраснее вина что в мире назовешь?
Для тысяч милых душ горчайшую отправу.

Внезапно возникший здесь суфийский мотив воспевания горестей как высшей ценности бытия - лишь единожды встречается среди хайямовских стихов, в четверостишии №48.

642. По критерию: вес = 590, 33-е место. См. 262, 610, 685, 722.

643. Здесь «вино» - символ человеколюбия и отзывчивости.

Чтобы втискивать такие рубаи, как это, в привычное изображение Хайяма пьяничугой, чтобы видеть в их «вине» обычное вино, приходится основательно «редактировать» стихи, подменяя серьезный разговор зубоскальством. Для

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
примера – перевод Г.Плисецкого:

Если ты не впадаешь в молитвенный раж,
Но последний кусок неимущим отдашь,
Если ты никого из друзей не предашь –
Прямо в рай попадешь... Если выпить мне дашь!

645. Итак, уроки Сердцу пошли впрок, и теперь оно отвечает грамотно даже на провокационные вопросы.

647. Во всех известных стихотворных переводах этого четверостишия на русский язык, как и в большинстве оригинальных списков, действующее лицо – «я» (см. Варианты). Персонаж намекает на свою крайнюю нужду, толкающую на греховные поступки, и уже сама попытка оправдаться говорит о его

богобоязненности, которую не всякий читатель сочтет притворной.

Но в «Тараб-ханэ» обнаруживается «мы» – и рубай приобретает совершенно новое звучание. Что такое один коврик – для нескольких человек? Ссылка на то, что прежний коврик обветшал, звучит уже откровенно ернически, налет

богобоязненности исчезает, и, главное, автор уже окружен единомышленниками,

которых он заразил презрением к шариату.

По рукописям со стихами Хайяма можно проследить одну общую тенденцию: из всех версий какого-либо злого четверостишия шире других распространялась обычно самая безобидная, – как и в данном случае. Точнее даже так: особой популярностью пользовались его злые стихи, но при этом – в умеренной

редакции. Своебразное нивелирование на уровне «полу-злого» Хайяма.

648. Вопреки общепринятому мнению, вино не запрещено шариатом безусловно. Однако его окружает густой частокол частных запретов. В данном случае имеется в виду, что вино строжайше запрещено во время Рамазана, месяца (по лунному календарю) строгого мусульманского поста. Шабан (Шаабан) – месяц перед Рамазаном.

По критерию: вес = 668, 15-ое место. Претендент на авторство: Джалал-ад Дин Джалал.

651. Четыре месяца мусульманского лунного календаря, упоминаемые в этой серии стихов, идут в такой последовательности: Раджаб, Шабан, Рамазан, Шавваль.

652. Прочтение О.Румером этого четверостишия ошибочно в последних строках, а потому и противоречиво в целом:

Обета трезвости не даст, кому вино –
Из благ – сладчайшее, кому вся жизнь оно.
Кто в рамазане дал зарок не пить – да будет
Хоть не свершать намаз ему разрешено.

Видимо, О.Румер прочел последнюю строку так: «Сразу /и/ от намаза пусть спасенным станет». В его переводе герой четверостишия сильно сдает позиции. Право «не свершать намаз» – слишком скромная компенсация за лишение «сладчайшего из благ». Не то в оригинале, где последнюю строку нужно понимать так: «Мигом благодаря намазу пусть спасенным /от зарока/ станет». Автор предлагает средство вернуть утраченное: совершив намаз, отмолить опрометчиво взятый на себя зарок.

По критерию: вес = 549, 47-ое место.

653. Ночь Кадр, «ночь предопределения» – 27-ая ночь месяца Рамазана, когда был ниспослан Аллахом Коран.

654. Мусульманский пост отличается от христианского. Во время Рамазана вообще нельзя есть днем, пока солнце на небе; ночью – можно. Это и обыгрывает Хайям.

655. У Хайяма – нагнетание событий. «Пустить ветры» во время молитвы – грех малый. Соверши омовение сызнова и молись опять. Но вот хлебнуть вина!.. Г. Плисецкий и О. Румер перевели это четверостишие как бы по частям:

Чтобы Ты прегрешенья Хайяма простил –
Он поститься решил и мечеть посетил.
Но, увы, от волненья во время намаза
Громкий ветер ничтожный твой раб испустил!

В молитве и посте я, мнилось мне, нашел
Путь к избавлению от всех грехов и зол.
Но как-то невзначай забыл про омовенье,
Глоток вина хлебнул, – и прахом пост пошел.

Не зная оригинала, трудно догадаться, что это переводы одного и того же рубаи.

657. В Вариантах приведено это же стихотворение, в некоторых рукописях встречающееся в форме «мустазод»: с дополняющими короткими строками, имеющими самостоятельную рифму. Едва ли автор этого варианта - сам Хайям. По критерию: вес = 628, 20-ое место.

659. «Спина, посторонись!» - дословно такой же окрик грузчика случилось переводчику слышать - не в Нишапуре 900 лет назад, а недавно, в московском мебельном магазине.

660. По критерию: вес = 535, 54-ое место.

663-666. Видимо, время постепенно сделало из каких-то двух первоисходных - и разбросало по разным рукописям - эти четыре рубаи. Переводчик рискнул связать их в единый цикл, напоминающий конструкцию «Квадрата квадратов» И. Северянина. См. №№694, 1191.

669. См. №285.

672. В оригинале обыграно звучание (словно бы по-персидски) арабских слов в утреннем призыва муэдзина, приглашающего мусульман к молитве. По критерию: вес = 632, 19-ое место.

674. См. №716.

677. Хайям цитирует пословицу, смысл которой таков: «И незрелым виноградом еще не ставши, ты хвастаешься, что ты уже изюм!» Здесь «незрелый виноград» - неуч, «изюм» - человек, познавший тайны бытия.

679. По критерию: вес = 471, 94-ое место. Претендент на авторство: Аттар. См. №718.

681. Серьга в ухе - примета раба. Так что это совет не просто единожды прислушаться к мудрости, но стать вечным рабом ее.

683. Абу-Сайд и Адхам - суфийские шейхи, религиозные песнопения которых стали гимнами и молитвами. Образец лирических стихов Абу-Саида можно увидеть в примечании к №968.

684. См. №856.

685. «Год выпал, будто лист...» - закончился год по солнечному календарю; праздник Нового года (Навруз) отмечается в день весеннего равноденствия. См. №№610, 642.

687. По критерию: вес = 573, 39-ое место.

689. По критерию: вес = 506, 69-ое место.

692. Повторение слова «кабак» в некоторых вариантах (см. Варианты) - ошибка какого-то средневекового переписчика.

694. См. №№663, 666.

699. Хайям постоянно называет «вчера» не достойным внимания и сожалений. Ну и почему бы, действительно, не пропить вчерашний день!

700. В оригинале, как и в переводе, игра слов. Бог в Коране изрек: «Майсара». Не важно, что это значит по-арабски (большинство персов, сосредоточенно внимавших утренней молитве муэдзина или чтению муллой глав из Корана, на самом деле не понимали ни слова). Главное, что на фарси это звучит как «вино чистейшее», «превосходное», «приятное».

701. Рыба - сказочное существо, держащее на себе Землю (сродни трем китам). Восходит к древнейшим верованиям разных народов о драконе - властителе вод, являвшемся символом Хaosа; дракона победил Творец, и лишь тогда стало возможным создать упорядоченный мир, разместив его на спине усмиренного чудовища.

706. Механические часы с минутной и часовой стрелкой тогда не были еще изобретены; но как похоже!.. То, что это четверостишие адресовано Аллаху, подтверждается хотя бы тем, что Табризи в «Тараб-ханэ» поместил его в раздел «О смирении», где собраны стихи, не только молитвенного, но и бунтарского плана, о взаимоотношениях человека и высших сил. Совершенно иначе, в абсолютно не свойственном Хайяму ключе, истолковано это четверостишие Г. Плисецким (см. также примеч. к №1234):

Мы похожи на циркуль, вдвое, на траве:
Головы у единого туловища две,
Полный круг совершаём, на стержне вращаясь,
Чтобы снова совпасть головой к голове.

Глава 7. В шкатулку с лалами подсыплю изумруды.

Окончательное решение проблемы: истинный смысл земной жизни - именно в самой земной жизни. Преодоление диктата небес. Вставной сюжет: наивный виночерпий, боящийся грехов, но не страшящийся философии.

708. По критерию: вес = 621, 25-ое место.

710. ФАЛАК означает и колесо, и гончарный круг, и прялку, и небосвод, выступающий символом рока, судьбы (точнее, «подвижную» часть небосвода, без «сферы неподвижных звезд»). Хайям часто обыгрывает неоднозначность этого

слова.

711. Имеются в виду ритуальные кирпичи из необожженной глины, подкладываемые под изголовье покойнику.

713. Скорей всего, это склейка двух различных четверостиший (порознь не известных).

716. См. №674.

717. См. №1302 - пародийный «ответ» Хайяму.

718. См. №679.

721. Как пишет В.Н.Зайцев в статье «Омар Хайям и Эдвард Фитцджеральд» (альманах «Восток – Запад», вып.1, М., Наука, 1982): «На родине Хайяма это четверостишие получило широчайшую известность из-за своего красивого звучания. Последний стих в оригинале звучит приблизительно так: «Ку кузегар-о кузехар-о кузефоруш». Частое повторение слога КУ превращает всю фразу в подобие какого-то волшебного заклинания, нисколько не затмняя ее смысла. Прием аллитерации доведен здесь, кажется, до предела его музыкальных возможностей».

По критерию: вес = 478, 85-ое место. Претендент на авторство: Афзал Каши.

722. См. №642.

730. Хайям, как известно, преподавал «науку греков», куда наверняка входила логика Аристотеля – предмет одновременно и примитивный, и заумный. Легко представить такую сцену.

Он приходит после урока в майхану. Настроение паршивое, в голове крутятся дурацкие термины из логики и бредовые апории и силлогизмы вроде того, что: петух – двуногий, Платон – двуногий, поэтому Платон – петух. Или наоборот, петух – Платон... Буквально все предметы и явления в мире Аристотель расставлял по полочкам категорий и видов – по «основным признакам». А сейчас главный признак Хайяма – головная боль и хандра. Аристотель явно поставил бы его на совершенно другую полку «видов», чем прежде!.. Вот и просит у саки поэт, изъясняясь навязшими на зубах терминами: разобраться, на какой он сейчас полке классификации, найти его и избавить от ошибочной классификации, вернуть на место – с помощью вина, разумеется.

733. По критерию: вес = 691, 8-ое место.

734. По критерию: вес = 590, 34-ое место.

736. См. №791.

740. См. №1192.

744. По критерию: вес = 541, 51-ое место.

761. Если не «прежние секты», значит, «новая секта». В этом можно видеть косвенное подтверждение того, что Хайям действительно имел учеников, которым преподавал нетрадиционную морально-этическую концепцию, возведенную им здесь (в шутку или для маскировки) в ранг нового религиозного течения.

766. Бюльбюль – соловей. Именно так, на этих же звукоподражательных рифмах, построено четверостишие в оригинале.

772. В этом техническом этюде, нанизывая однокорневые слова, автор явно переиграл.

776. Стихотворение, вызвавшее у всех поэтов-переводчиков дружное недоумение. Виной тому – подстрочный перевод в издании 1959 г.:

Те, кто кладут в основу благочестия лицемерие,
Приходят и ставят преграду между телом и душой.
А я после этого поставлю на голову /свою/ кувшин с вином,
Если даже мне распилят голову, как петуху.

Сравнение – обычно с чем-то знакомым. Но что здесь за распиливание головы петуху? Какой-то ныне забытый варварский ритуал?.. Но ведь ее и распилить-то, наверное, невозможно.

Там же в комментарии уточняется, что буквально – так: «Если мне, как петуху, приставят к темени пилу». Этот текст показался темным, и его «адаптировали».

В. Державин правильно догадался, что эта «пила» не что иное как петушинный гребень, но жутковатый отблеск подстрочного перевода проник и в его стихотворную версию: «Хоть, как петуху, мне темя гребнем окровавят».

Л.Некора, издавший свой перевод Бодлеянской рукописи в 1935 г., также споткнулся на этом месте:

Вину с душой не слиться? да будь все это так,
Давно б всадил в свой череп я гребень, как петух.

Итак, даже правильная замена «пилы» естественным для петуха «гребнем» не прояснила картины, не дала ответа: зачем нужно всаживать в свой череп гребень? Или кто-то иной мне его «приставит» – это что, наказание? Л.Некора в своем переводе даже кувшин отбросил, а в нем-то весь смысл. Красноватый

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

кувшин на голове смутно напоминает петушиный гребень: сам кувшин – этот гребень в четверостишии и есть. И потому не «приставят», а «представят»

правильней было бы перевести: примут меня с таким гребнем за петуха.

А разгадка четверостишия – в содержимом кувшина: Хайям то и дело ассоциирует вино с душой (здесь он этого не сделал, и переводчик взял на себя смелость напомнить про «дух»).

Ханжи не «ставят преграду между телом и душой» (тоже неверно переведено), а «устанавливают различие», т.е. берутся всегда определить, где тело, где душа. Вот Хайям и разоблачает их дутую славу с помощью забавного эксперимента-загадки: «что вы видите?» Им бы на кувшин указать: «Душа!», а они, желая унизить загадчика, попадают впросак: «С гребнем?.. Петух!»

778. По критерию: вес = 541, 52-ое место.

780. В существующих переводах обычно: «я разбил кувшин». Неверно. В оригинале: «я ударил». Черепки разбитых кувшинов или чаш у Хайяма никогда не говорят.

По критерию: вес = 466, 97-ое место.

782. См. №131, 499, 569, 845.

791. Четверостишие исключительно богато озвучено семикратным повторением корня ДАМ, означающего то «МИГ», то «вздох». См. также №736.

793. Любой день, в котором мы живем, называется «сегодня», поэтому во «вчера» нам быть не приводилось, достичь «завтра» не удастся (именно про «завтра» и «вчера» речь в последних строках). Этот софизм Хайям часто использует в поэтических целях, советуя ушедшие во вчера невзгоды считать как бы и не бывшими, но зато и к надеждам на завтра относиться с таким же сомнением, как и к возможности пожить в «завтра».

796. Шах упомянут здесь не случайно. «Основными компонентами празднеств при средневековых дворах были музыка, стихи и вино... Вино занимало большое место в жизненном укладе. Несмотря на религиозный запрет, вино постоянно упоминается в средневековых сочинениях при описании жизни дворов». (З. Н. Ворожейкина. Литературная служба при средневековых иранских дворах.: Очерки истории культуры средневекового Ирана. М., Наука, 1984, с.158.)

798. См. 421, 813.

800. По критерию: вес = 773, 5-ое место.

807. Следуя «питейной» традиции в толковании стихов Хайяма, в этом «намертво забыть» все поэты-переводчики видят «упившегося до беспамятства». Между тем автор говорит о тутице, блаженном в своем невежестве, а про вино и не упоминает.

812. Здесь Ирак – западные и центральные провинции средневекового Ирана.

813. См. №241, 421, 798.

817. По критерию: вес = 677, 11-ое место.

819. По критерию: вес = 585, 35-ое место. См. №577.

831. Завершение этого четверостишия дословно таково:

Сказал я: «Неужели разрушу эту тюрьму,
Нога моя из стремени шариата на камни встанет?»

Хайям мечтает, как досадные путы, стряхнуть с ног «стремя шариата» и «разрушить тюрьму» рока, преобразовать, облагородить земное существование. Едва ли правомерно понимать «разрушение тюрьмы» в смысле «освобождения от тела», как получается в единственном известном переводе С. Кашеварова (сомнительно понявшего последнюю строку):

Сердце, как в клетке, сжимается подчас.

Дух свой из плена бы позорного я спас,

Тело-темницу уничтожив, но увы! –

Стремя шариата тверже камня для нас.

Это звучит как огорчение, что самоубийство запрещено шариатом. Ошибка

С. Кашеварова понятна: не зная, с какой «тюрьмой» воюет Хайям, он ассоциирует ее с «клеткой» из первой строки – с грудной клеткой. Но освобождение Сердца из «тюрьмы»-тела с помощью самоубийства – нелепость, и переводчику пришлось подправлять автора, говоря уже о спасении не сердца, а духа.

В оригинале же говорится только о Сердце, и не случайно. Действовать в этом мире, в том числе и «разрушать тюрьму», в которой находится притесняемое роком человечество, душа самостоятельно не может, только через Сердце: земная жизнь – его вотчина. А Сердце, проникшись этой высокой задачей, впадает в отчаяние (в этом четверостишии), поскольку и само оно слабо и находится в «клетке» своей смертной, плотской природы.

Великий замысел – и слабосильный исполнитель его. Отсюда и трагический пафос четверостишия.

833. Хайям здесь перечисляет атрибуты трех религий: кумирни

Омар Хайям четверостишия filosoff.org
идолопоклонников (надо полагать, зороастрийцев), Каабу, михраб и четки
мусульман, колокола, церковь и крест христиан. Однако в переводах С.
Липкина и В. Державина вместо «кумирни» - «кабак», нарушающий стройную
поэтическую композицию. Это - по варианту в списках, где какой-то
переписчик соблазнился БОТХАНЭ превратить в МАЙХАНЭ, т.е. «кумирню» в
«кабак», и тем приблизить четверостишие к «винным» темам стихов Хайяма.
835. См. №226. Есть основания думать, что эти два похожие четверостишия -
авторские варианты.

836. Это стихотворение, очень хайяновское по стилю, построено на остро
акцентированных и блестяще аллитерированных парадоксах: пышно выпеченным
хлебом - обладают «сырые», «недопеченные» люди (в переводе мне пришлось
взять другую противоположность свежего хлеба), полноценной утварью (в
смысле: обеспеченной жизнью) - неполноценные; а прекрасные тюркские глаза -
владенье подмастерьев и гулямов (т.е. рабов - либо слуг, либо
воинов-невольников). Причем это «владенье» можно понимать двояко: «туркские
глаза» то ли у самих гулямов, то ли увлекаются гулямами. О.Румер избрал
первый вариант (заодно и приглушив резкость начальных строк):

На чьем столе вино, и сладости, и плов?
Сырого неуча. Да, рок - увы - таков!
Турецкие глаза - красивейшие в мире -
Находим у кого? Обычно у рабов.

С. Б. Морочник и Б. А. Розенфельд якобы «в соответствии с таджикским
оригиналом» переделали завершение этого перевода так:

Глаза Туркан-хатун - красивейшие в мире -
Добычей стали чьей? Гулямов и юнцов!

Они пишут: «Румер принял имя Туркан за нарицательное слово, означающее
«турки», а слово «гулямов» перевел словом «рабов». Слово «гулямы» во
времена Хайяма означало главным образом придворных гвардейцев, формально
бывших собственностью («рабами») султана, но фактически представлявших
собой вооруженную силу, что позволяло им неоднократно свергать и возводить
султанов». По их мнению, «на отношения Хайяма со вдовой Мелик-шаха
Туркан-хатун, которой не без помощи придворных гвардейцев-гулямов удалось,
отстранив остальных преемников Мелик-шаха, посадить на трон его младшего
сына пятилетнего Махмуда и быть фактической императрицей, по-видимому, в
значительной степени повлияло это четверостишие». (С. Б. Морочник и Б.
А. Розенфельд. Омар Хайям - поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, 1957, с.
50-51.)

«Гулямы» - хорошо; «турки» - надо полагать, речь о тюрках, поскольку
турецкой нации тогда попросту еще не было; в остальном толкование весьма
сомнительное. Получается, что даже подмастерья помыкали Туркан-хатун?.. Из
множества возражений достаточно привести два. Во-первых, «туркан» (так в
тексте оригинала) совсем не то же, что «Туркан-хатун»: титулование
царствующей особы оторвать от имени попросту невозможно. Во-вторых, хотя
Хайям явно не скучился на личные выпады в стихах, он ни разу не назвал ни
одного личного имени (кроме своего собственного). Только прозвища (скорей
всего, им же только что и придуманные, например: «Ладонь, дарящая Благо»)
и имена легендарные. С чего бы ему нарушать этот свой принцип, да еще в той
скользкой ситуации, когда сам он служит при дворе Туркан-хатун? Так что
едва ли в четверостишии речь о ней.

838. См. №160, 1205.

842. По критерию: вес = 535, 56-ое место. Претенденты на авторство: Афзал
Каши, Авхаад Кирмани.

843. Четверостишие необычное, но по всем приметам хайяновское. «Змея горя»
у него встречается и в других стихах; здесь он, отталкиваясь от этого
образа, как бы обнаруживает недочет в своей «алхимической рецептуре»
счастья и уточняет ее (заметим, последние строки напоминают именно формулы
алхимиков). «Шкатулка с лалами» - иносказание для «кубка с вином», который
в свою очередь средоточие уже знакомых нам иносказаний Хайяма. Есть
поворье, что ядовитую змею можно ослепить блеском изумруда; оно породило
пословицы («ослеплять эфу изумрудом», т.е. обманывать врага или жизненные
невзгоды) и поговорки («изумруд и глаз эфы», т.е. несовместимые вещи).
Отсюда и вывод, что в «шкатулку лалов» - в проповедуемый Хайяном набор
благородных жизненных принципов - должен быть добавлен и некий «изумруд»,
нейтрализующий «змею горя».

Поскольку горе - «моё», ясно, что под «винохлебом» Хайям имеет в виду
самого себя. Но что такое здесь «изумруд»?.. Остается только догадываться.
Едва ли это просто весенняя зелень.

Надо также сказать, что первая строка дает двойное чтение, поскольку содержит омонимы: «богатый» - «пение» и «нагой» - «кривляние»; при этом меняется и смысл второй строки:

1) Винопитец хотя обогащает, - нагим становится, И от воплей его мир приходит в смятение.

Здесь «вопли» - стенания разоренного пропойцы, «смятение мира» - от сочувствия бедняге.

2) Винопитец если пение затеет, - кривлякой становится...

Здесь уже «вопли» - несносное пение, а «смятение» - возмущение окружающих. Общий контекст четверостиший Хайяма и завершение этого рубаи подсказывают отдать предпочтение первому толкованию; кстати, на нем же остановился и Тиртха при переводе на английский язык.

845. Лобат - женское имя: «дивная красавица».

Это рубаи входит в куст четверостиший, завершающихся словами: «Склонись! Не упади!» (см. №131, 499, 569, 782); но здесь переводчик был вынужден нарушить стереотипность и перевести их соответственно новому контексту: «Нагни! Но не пролей!». Своим зацином: «Вчера я был... и видел две тысячи...» - оно родственno также знаменитому четверостишию №721. Нет сомнений, что автор - Хайям.

Зато странный текст, приведенный в Вариантах, едва ли принадлежит его перу; он производит впечатление карикатуры на это четверостишие. Однако Тиртха почему-то предпочел взять для своей книги именно этот вариант; более того, в переводе на английский язык он его «модернизировал»:

Тропой любви к тебе спешил-бежал,
В руке кастрюлю полную держал,
Две тысячи уланов вслед за мной:
«Пролей хоть каплю! Сразу - наповал!»

853. Лукавая недоговоренность порождает множество догадок. Чего «двадцать» и чего «шестьдесят»? О. Румер предположил, что - винных кубков:

Пред взором милых глаз, огнем вина объятый,
Под плеск ладоней в пляс лети стопой крылатой!
В десятом кубке прок, ей-ей же, невелик:
Чтоб жажду утолить, готовь шестидесятый.

А. Ш. Шахвердов, комментируя его перевод (Омар Хайям. Рубаи. Л., 1986, с.271), пишет: «В оригинале речь идет, вероятно, о числе прожитых лет». Не исключено. А может быть, это количество зрителей, аккомпанирующих плясуну хлопаньем в ладоши?

Многозначность текста в данном случае, в отличие от остальных, случайная. Это четверостишие - явный экспромт, произнесенный в ситуации, когда слушателям достаточно было намека, чтобы понять, о чем речь.

856. По критерию: вес = 472, 93-е место. См. также №684.

Глава 8. Коль не сама любовь, то, право, кто же ты?

драматическая история любви немолодого поэта к ветреной красавице.

858. В третьей строке слегка пародируется двойная адресация, принятая в суфийской лирике, где по видимости стихи обращены к возлюбленной, а на самом деле - к Богу. Здесь - наоборот.

861. Первую строку можно читать по-разному: «с какой стороны, из какой страны ты пришла?», либо «чьими руками ты создана?». В существующих переводах встречаются оба варианта.

По критерию: вес = 466, 98-ое место.

862. Только математику и геометрию (кем и был Хайям) мог прийти в голову такой причудливый образ. Заметим, этот образ прямо соответствовал его научным изысканиям: он вплотную приблизился к решению проблемы бесконечно малых, т.е. к интегральному и дифференциальному исчислению, более чем на 500 лет опередив свое время. И все же надо быть не только математиком, но и поэтом, чтобы вообразить «бесконечно малую» окружность, внутри которой не помещается даже ее центр:

Неужели в окружности рта не вмещалась
Та точка, что из окружности наружу была вытеснена?

865. Если обратиться к не-шахматному смыслу использованных Хайяном шахматных терминов, последнюю строку можно перевести так: «И - пал, лицом к лицу с владычицей своей».

866. В издании 1959 г. авторы подстрочки так перевели окончание

четверостишия: «Она бросила на меня взгляд и ушла, как будто говоря: "сделай добро и брось в воду"». В примечании – оговорка, что это, видимо, пословица, смысл которой с веками утерян. Поэты-переводчики, пользовавшиеся этим подстрочником, пытались придать «пословице» осмысленность, например: «Сделай добро и брось в поток, чтобы людям волны умчали» (В. Державин). Но дело в том, что «как будто говоря» – перевод не очень верный, ошибочный чуть-чуть, ровно настолько, чтобы направить всех по ложному пути. Правильней было бы: «попросту говоря», как вступление к авторской оценке ситуации: «Сделай добро... и брось в воду!». Как наше: «Из жара – да вдруг в холод!». Ведь красавица не только «бросила на меня взгляд», но, увы, «и ушла».

867. Существует в рукописях также, явно ошибочно возникшее, четверостишие, составленное из начала этого рубаи и завершения рубаи №740. Это составное четверостишие присутствует в переводах Г. Плисецкого.

872. О разнице между простым лалом (шпинелью) и яхонтом (настоящим рубином) см. примеч. к №559.

879. По критерию: вес = 988, 2-ое место. Претендент на авторство: Султан Бабар.

884. Локоны возлюбленной – путы для Сердца. Здесь автор, как бы полагая эту метафору самоочевидной, развивает ее дальше.

885. В оригинале: «он/она», что позволяет адресовать четверостишие как Богу, так и красавице. В переводе использовано «ты» для сохранения двойной адресации.

886. Алеф и лям – названия букв А и Л. «Портрет» героини постепенно образует арабское слово («Аллах»).

Шариат запрещал изображение людей, и это породило жанр «рисования» с помощью письменных знаков.

Четверостишие крамольно не только тем, что слово «Аллах» оказывается портретом героини. Многие суры Корана начинаются загадочными сочетаниями букв – аббревиатурами, в которых мусульманские вероучители предполагают глубочайший мистический смысл. Расшифровки их являлись предметами богословских споров. Вот одна из этих аббревиатур: «Алеф лям мим Ра», в первых ее буквах предполагают слова: «Я – Аллах...». Автор четверостишия как бы забывает про мистический трепет, который должен сразу возникать при упоминании букв «алеф» и «лям».

891. Зухра – легендарная красавица, хитростью выведавшая у ангелов заклинание, чтобы живой вознести на небо. После вознесения, прощенная за свой проступок, она стала музыкантшей на божественных пирах. Ее именем названа прекрасная планета (Венера). Появление имени «Зухра» в стихах всегда ставит вопрос: на какую именно деталь этой легенды намекается?

Во всех известных переводах «Зухра» в этом четверостишии прочтена просто как синоним красавицы. В результате во втором двустишии мы видим простое повторение образа из первого двустишия, – огрех, недостойный пера большого поэта. Но если предположить, что Зухра здесь – планета Венера, возникает емкий образ, построенный на очень далеко разнесенных параллелях: от Венеры песчинка – к лицу Земли, от умершей красавицы пылинка – к челу красавицы сегодняшней. Подобное тянеться к подобному.

Правда, в этом случае мы вынуждены также допустить, что астроном Хайям знал: «падучие звезды» – частички планетного материала. Но почему бы и нет? Еще до него великий астроном Бируни приправлял Землю к другим планетам и утверждал, что она кружится вокруг Солнца; и эта точка зрения была легко воспринята персидскими и арабскими астрономами – не то что позже аналогичная концепция Коперника в Европе. (Справедливости ради отметим, что Бируни, заранее паририя критику со стороны богословов, авторами этой модели называл древнеиндийских астрономов, в частности Ариабхату, и предлагал ее не как соответствующую реальности, а как якобы только «удобную для расчетов». Ученых, естественно, эта оговорка не вводила в заблуждение.)

914. Довольно-то довольно, однако сила инерции так велика, что эти привычные сравнения, от которых Хайям здесь отказывается, воскресают в переводах этого же четверостишия, например, у О. Румера:

На мир – пристанище немногих наших дней –
Я долго устремлял пытливый взор очей.
И что ж? Твое лицо светлей, чем светлый месяц,
Чем стройный кипарис, твой чудный стан прямей.

923. В «этом мире» субстанция Небытия расчленяется на отдельные предметы, существа и их признаки, а после смерти они опять сливаются в «том мире».

926. По критерию: вес = 543, 49-ое место. Претендент на авторство: Аттар.

932. См. №994.

933. См. №632.

935. См. примеч. к №87.

936. Поэты-переводчики сделали из этого четверостишия прелестный букет загадочных «цветов», которые Хайям почему-то предпочитает остальным. Например - в переводе О. Румера:

Когда под утренней росой дрожит тюльпан
И низко, до земли, фиалка клонит стан,
Любуюсь розой я: как тихо подбирает
Бутон свою полу, дремотой сладкой пьян.

Секрет же четверостишия в том, что ГОНЧЕ - бутон - в то же время и традиционный синоним уст возлюбленной (как и фисташка), а «полы /одежды/» в этом контексте так же точно переводятся и как «края /уст/».

944. Трудно, при всей искренности четверостишия, отделаться от ощущения, что этим экспромтом автор оправдывает кляксу, испортившую письмо.

946. См. №961.

952. По критерию: вес = 552, 46-ое место.

956. В переводе Я. Часовой это четверостишие истолковано как обращенное к Аллаху:

Зачем сперва Ты мне себя раскрыл,
А после так жестоко отдалил?
Коль знал, что от меня Ты отвернешься,
Зачем меня скитаться в мир пустил?

961. №946 и это четверостишие - варианты одного рубаи.

968. Здесь Восток - Хаверан (Хабран), расположенная в Хорасане провинция средневекового Ирана (в буквальном переводе на русский).

Проф. Хомайи сообщает (его издание «Тараб-ханэ», стр.139), что это четверостишие также включено в некоторые издания сочинений шейха Абу-Саида Абъольхира - по его мнению, ошибочно. Абу-Сайд действительно написал такое рубаи:

Мне без возлюбленной в Хабране света нет,
В делах разлад, пока душе привета нет.
За встречу с ласковой, с желанной - тут же отдал
Сто тысяч жизней бы! Бесчестья в этом нет.

Позже, по словам Хомайи, одних ввело в заблуждение внешнее сходство, другие высказывали и вовсе неправдоподобное предположение, будто переписчики постепенно так сильно исказили стихотворение Абу-Саида и приписали его Хайяму.

972.. По критерию: вес = 463, 100-ое место. Претендент на авторство:

Абу-Сайд

974. Псевдоним или прозвище великого поэта - Хайям - переводится как «палаточник»: либо шедший палатки, либо живущий в палатке. В объяснение прозвища порой предполагают, что оно досталось по наследству, что отец или дед Хайяма шил палатки.

Не оспаривая этого, позволю себе поделиться одним предположением. «Омар Хайям», написанное обычной скорописью, без надстрочных и подстрочных знаков, вполне можно прочитать как «омр-е Хайям» - «век палаточный», т.е. жизнь того, кто весь свой век проводит в кочевой палатке, в шатре. Это согласуется с отношением Хайяма к собственному телу, как к временному обиталищу кочевого духа (а также и с его же образом человека как страдальца в «шатре» небес).

Впрочем, в данном четверостишии обыгрывается прямой смысл прозвища. Некоторые исследователи на том основании, что здесь о смерти Хайяма говорится в прошедшем времени, выводят, что четверостишие написано не им; но, как мы уже убеждались, это прошедшее время - один из поэтических приемов Хайяма. Жанр автоэпитафии так же древен, как и сама поэзия.

977. Храм - Бытие, две двери его - рождение и смерть. См. также №1074.

980. Близнецы - созвездие Близнецов.

985. Гулистан - «страна роз».

Глава 9. До мерки «семьдесят» наполнился мой кубок.

Старческая усталость. Разочарование в научных трудах. Изгнание, скитанье. Сомнения в реализуемости своего учения. Одиночество. Мысли о близкой

смерти.

987. По критерию: вес = 494, 75-ое место. Претендент на авторство: Абу-л Атая Гянджеви.

994. Седобородые - коллеги-ученые, это очевидно. Судя по сведениям о биографии Хайяма, последним периодом его жизни, когда он мог дружески общаться с учеными, даже приглашать их «туда, где пьют», были годы работы в обсерватории: до смерти Мелик-шаха в 1092 году, от силы плюс еще один-два года. Позже, когда Хайям преподавал в Багдаде, он был окружен не столько коллегами, сколько преследователями, а потому вел, по свидетельству современников, жизнь замкнутую и практически ни с кем не общался. Следовательно, возраста в 70 лет Хайям достиг не позднее чем в 1094 году. Это соображение - еще один довод против того, чтобы 1048 год считать годом рождения Хайяма, - в дополнение к аргументам, высказанным во вступительной статье.

См. №№932, 1024.

997. Едва ли Хайям сокрушается здесь о том, что имел мужество переходить с устаревшей на новую систему взглядов. Скорей всего, «сто рукавов» - это труды, написанные ранее, которые, увы, не изъять из обращения, и невежды от науки будут смеяться, находя в них противоречия с трудами поздними, и утверждать, что Хайям был непоследователен.

1000 и 1001. Эти два четверостишия - заведомо авторские версии. Смысл - один, яркая завершающая строка - та же; но предыдущий текст пришлось автору, вспоминая свое рубаи, пересказать иными словами и иными образами. Эти «инные слова и образы» в обоих четверостишиях явно принадлежат одному автору. Кстати, так же воспринимали эту пару четверостиший и копиисты стихов Хайяма: пути этих рубаи по средневековым рукописям не совпадают, однако популярность их практически одинакова: №1000 - вес = 273, 373-е место. №1001 - вес = 280, 361-ое место. Оба четверостишия впервые обнаруживаются в рукописях 1460 года. Табризи, сразу включив №1000 в свою книгу, ко второму рубаи, видимо, относился настороженно; но в конце концов и №1001 он поместил в один из вариантов «Тараб-ханэ».

1005. Это довольно редкое четверостишие присутствует в книге «Тараб-ханэ» и в некоторых средневековых выписках из нее. Текст явно подпорчен в первой строке: «В саду когда-то был незрелый виноград кислым в начале месяца дея». По нашему календарю это конец декабря; откуда взяться в эту пору в саду «незрелому винограду»? Бессмыслица - именно благодаря слову ДЕЙ. Скорей всего в авторском тексте было слово другое, например ВЭЙ (что графически очень похоже на ДЕЙ): «...при начале его /созревания/».

Благодаря чему виноград, вначале кислый, становится сладким? Как и откуда проникает «горечь», т.е. спирт, в вино?.. Внешняя простота обманчива: это - вопросы о главных законах Бытия. Потому и завершается четверостишие предостережением от скоропалительных догадок: если кто-то валит топором дерево, чтобы сделать лютню, пусть тебе не кажется, что это срезали камыш на флейту.

Это четверостишие переводилось ранее на русский язык, видимо, только С. Кашеваровым:

Горек виноград в дее-месяце висит.
Пусть он станет сладким - да вино-то ведь горчит!
Можно из чурбана сделать лютню топором.
Но кто же твой топор во флейту превратит?

«Топор» в последней строке подсказывает, что текст, с которым работал С. Кашеваров, был еще более испорчен: БИШЕ (лес) превратился в ТИШЕ (топор), и четверостишие стало на редкость «загадочным».

1007. Вариант - см. №1015.

1008 и 1009. Об этих четверостишиях - см. вступительную статью.

1009. Известен перевод В.Державина:

Повторенье, подражанье - мира этого дела.
Если бы не повторенье, жизнь бы праздником была, -
Награждались бы старанья, исполнялись бы желанья,
Тень угрозы бесполезной навсегда бы отошла.

Разница в трактовках, как видите, огромная. Чем же это вызвано? Различным прочтением одного-единственного слова, которое может значить и «подражание», «копирование», и «следование какому-либо учению».

1010. См. №1095.

1013. Здесь уже «саки» - условное лицо, символ всего земного мира. Многозначен художественный образ в третьей строке. «Вино» оказалось настолько игристым, что постепенно выпенилось из бутыли - все!

«Обмахиваемую пену» можно понимать и как звезды, «смахиваемые» с ночного небосвода к утру, и как еженощно исчезающие с лица земли человеческие жизни, и, наконец, как условия жизни, которые в древности, в легендарный Золотой век, были якобы заведомо лучше.

1014. В последней строке Хайям говорит, что хотя его жизнь хощ (т.е. хорошо) не протекала, единожды она хощ-хощ протекла. В Издании 1959 г. переведено так: «хоть и не всегда шла хорошо, но все же иногда проходила приятно». То есть, надо понимать, «хорошо-хорошо». Соответственно звучат и основанные на этом подстрочнике стихотворные переводы.

Между тем хощ-хощ – понемногу, мало-помалу. Тот случай, когда удвоение слова меняет его смысл чуть ли не на противоположный. Здесь переводчик использовал аналогичный пример в русском языке (правда, в негативном отражении).

1015. Последняя строка – пословица, которой Хайям придал парадоксальный смысл, трактуя «путь» как путь от рождения до смерти.

1016. Выражение «моя пола в грязи (или: в крови, в слезах)», помимо прямого смысла, может означать также: «я опозорен».

1023. Здесь это четверостишие прочитано как трагичное; обычно же его переводили как шутливое, вот перевод Глеба Семенова:

О вращенье небес! О превратность времен!
За какие грехи я как раб заклеймен?
Если ты к подлецам и глупцам благосклонно,
То и я не настолько уж свят и умен!

1024. См. №994.

1025. «Сбегу наружу» не просто из «кабака», но из жизни.

1028. Кто-то может увидеть здесь сомнение в идеи метемпсихоза. Нет. Здесь – о том, что даже если существует переселение душ, никакой конкретный человек, увы, не возрождается заново.

1032. По критерию: вес = 579, 38-ое место. Претендент на авторство: Закани.

1033. В издании Никола приведен сильно отличающийся текст этого четверостишия, имеющий другой смысл. Причем он заметно испорчен

переписчиками. В частности, окончание нелепо звучащей первой строки:

«Притеснений людских не домогаемся мы по ночам», – приходится реставрировать. Выглядит так, будто днем – домогаемся! Один из возможных вариантов реставрации дает такой перевод: «Страданиям сердец людских не ищем мы порицания».

Последние строки четверостишия в том издании также малопонятны, поскольку там отсутствует союз «и» в сочетании «богатство и красота», и получается так: «На богатство красоты своей не опираясь, ибо то ночью украдут и это – ночью». Чтобы оправдывалось «то... и это», в тексте должно иметься предварительное перечисление. Его там нет. Введение союза «и» (по образцу других вариантов) не улучшает картины: почему «красоту» украдут именно «ночью»? Времени, судьбе или «лихорадке» (присутствующей в других текстах) не заказан и день.

Однако слово ДЖАМОЛ – не только «красота», его можно перевести и как «верблюды», тогда и предшествующее слово читается уже не как просто «богатство», а как «имущество в виде скота»: «На достояние /в виде/ верблюдов своих не опираясь, ибо того украдут ночью и этого ночью».

Все это далеко от стиля Хайяма; но можно предположить, что именно таким запомнил кто-то это четверостишие – так и записал, придав ему новый (по-своему интересный) смысл:

Неужто бросим мы упрек ночным сердцам
За вопли: «Господи!..» – по всем ночным дворам?
Не очень-то спеши считать своих верблюдов:
Приглянется один, другой ночным ворам...

1034. В некоторых вариантах не Нишапур, а Багдад.

1037. Когда багрянник, или иудино дерево, сбрасывает кору, обнажившийся ствол приобретает багрово-красный цвет.

1046. По критерию: вес = 473, 88-ое место.

1050. Ревностные мусульмане побивают камнями нарушителей шариата.

1052. Небосвод, распластавшийся над землей, здесь похож на пьяного, который не может подняться с четверенек.

1056. В первой строке этого четверостишия заключено столько информации, что на основе ее переводчик смог вычислить дату его написания: 15 марта 1111 года. В переводе эта информация сохранена.

В этот день мусульмане от души праздновали бы Навруз, Новый год, приходящийся на день весеннего равноденствия. Однако накануне, 13 или 14

марта, начался Рамазан. Такое совпадение, почти день в день, пришлось на жизнь Хайяма лишь единожды, и не удивительно, что свою досаду он излил в едком экспромте.

1060. Иногда хайямовские стихи из разных рукописей образуют цепочку текстов, последовательно связывающих два сходных по внешней форме и по рифмам четверостишия, по сути же – различных. Когда отпадают подозрения, что одно из них – подражание или чей-то "ответ", когда ясно, что оригинальность художественных образов, язык и глубина мысли в обоих стихотворениях соответствуют стилю Хайяма, допустимо предположить, что оба они – авторские, а внешнее сходство их – естественное следствие импровизационности в творчестве Хайяма. Легко даже представить это как попытку вспомнить давнее свое четверостишие, от которого в памяти остались только ритмический рисунок, редиф и звучание рифмы. Или – отредактировать старый текст, в соответствии с новым жизненным опытом. Получалось новое стихотворение. А внешнее сходство текстов потом провоцировало переписчиков, нередко работавших по памяти, создавать промежуточные варианты, в которых и образы обеднены, и мысли упрощены, и поэтическая логика нарушена. Даже на фоне таких не очень редких примеров выделяется куст из одиннадцати различных вариантов с рифмой на ШАРОБ (вино) и редифом ОВЛИТАР (лучше всего). Сопоставление их приводит к выводу: мы имеем здесь дело уже не с двумя, а с тремя сходными по форме, но различными по сути авторскими текстами. Два из них присутствуют в чистом виде в источниках, в этой книге они помещены под номерами 440 и 1060, третий легко реставрируется из тяготеющих друг к другу вариантов – №208.

Приняв предположение о попытках Хайяма «вспомнить давнее свое четверостишие», можно и попробовать определить, какой из этих текстов был первоисходным. Судя по всему – это №208. Его форма – наиболее изощренная, что естественно для стихотворения создаваемого, а не вспоминаемого. В двух других – форма облегченнее, в них присутствуют как бы различные осколки первоначальной конструкции; зато авторская мысль звучит более мудро и ясно, след жизненного опыта – отчетливей.

1072. По критерию: вес = 623, 22-ое место.

1074. См. №977.

1075. См. №968.

1080. По критерию: вес = 510, 67-ое место. Претендент на авторство: Хакани.

1082. По критерию: вес = 666, 16-ое место. Претендент на авторство: Обайд Закани.

1084. Известны такие переводы этого четверостишия (по порядку: И. Тхоржевского, О. Румера и Г. Плисецкого):

Сказала рыба: «Скоро ль поплы whole?
В арыке жутко – тесный водоем».
«Вот как зажарят нас, – сказала утка, –
Так все равно: хоть море будь кругом».

Рыбешка молвила: «Эй, утка, коль вода
Из арыка уйдет, – вот будет нам беда!»
А та в ответ ей: «Нас до той поры зажарят,
И дела до ручья не будет нам тогда».

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если – да, то – когда?»
Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят –
Разрешит все вопросы сковорода!»

Художник по этим переводам может изобразить рыбку и утку неспешно плавающими в арыке за философской беседой о будущей сковородке, а читателя – ломающим голову: что же именно спрашивала рыба? Между тем у Хайяма-то они беседуют уже на вертеле! дословно:

С уткой разговаривала рыба среди пыла и жара:
«Не беда! Из ручья ушедшая, вернется вода!»
Утка сказала: «Раз уж я и ты превратились в жаркое,
Земная жизнь после смерти нашей – хоть море, хоть ручеек».

Опять тот же хайямовский прием, порождающий парадоксы и ставящий переводчиков в тупик: говорить о смерти – в прошедшем времени (поэтому, возможно, и первую строку они предпочитали понимать так: «С уткой разговаривала рыба с пылом и жаром»). Рыба просто не успела понять, что обе они уже мертвы, жар очага кажется ей солнцем, доставшим ее на дне пересохшего ручья.

1085. Табризи в «Тараб-ханэ» сопровождает это четверостишие легендой: «Рассказывают, что Хайям был к охоте страстно привержен; однажды охотился он в сельской местности в окрестностях Астрабада; и, как обычно, был там пес - щенок, на зверя натаскиваемый. Внезапно кабан настиг щенка, и тогда хаким произнес это рубаи».

1087. См. №1117.

По критерию: вес = 477, 86-ое место. Претендент на авторство: Аттар.

1089. Ман - мера веса, по одним данным около 3 кг, по другим около 0,5 кг. Здесь Хайям говорит о троекратном разводе - по стариинному обычая, освященному шариатом: муж должен, выйдя на площадь, трижды прокричать формулу отречения от своей жены, после ее третьего произнесения развод считается состоявшимся.

1094. уд - 1) алоиное дерево каламбак, использовавшееся как благовоние, 2) арабский музыкальный инструмент, типа лютни.

1095. См. №1010.

1100. См. №229.

1105. Здесь автор цитирует приведенное Платоном изречение Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю».

По критерию: вес = 735, 7-ое место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Фахр Рази.

1106. Четверостишие подробно разобрано во вступительной статье.

1114. См. №1118.

1115. См. №1190.

По критерию: вес = 560, 41-ое место. Претендент на авторство: Наджмуддин Рази.

1117. Вар. - см. №1087.

1118. См. №1114.

1124. Хум - большой кувшин, в данном контексте - для изготовления вина. Есть разные варианты первой строки: «Когда умру, праху моему исчезновение устройте», и «... прах мой скромно снарядите /в последний путь/. О. Румер едва ли правомерно передал это так: «Прошу могилу мне с землей сровнять». Возникает логическая невязка. Главное в четверостишии - завещание, как в будущем поступить с прахом. Но если могилу «с землей сровнять», место захоронения затеряется, завещание выполнить не удастся.

1128. «В шести, в пяти... в одном» - количество оставшихся в живых. Редкий художественный прием, демонстрирующий стремительнейший ход времени: несколько лет - когда один за другим уходили из жизни последние пять друзей автора - сжимаются до нескольких секунд, пока произносится первая строка.

1137. В рамках образной системы Хайяма это четверостишие является не чем иным, как гордым духовным завещанием. Это - как «Памятник»

Горация-Державина-Пушкина. Если «дух хмельной» понимать как жизнелюбивое идеальное и литературное наследие поэта (а как же иначе?), то можно видеть, что и содержание, и композиция стихотворения очень похожи на «Памятник». Четверостишие отличается тщательностью отделки и формой, одновременно изощренной и строгой.

Ради воспроизведения формы четверостишия пришлось пожертвовать заслоном (не таким уж обязательным в данном случае): «Столько выпью вина, чтобы...»

Глава 10. Душа вселенной - мы.

Напутствия Хайяма современникам и последующим поколениям, уроки высокой морали и гуманности. Образ человека и человечества среди вселенной.

1141. дэв - демон, бес.

О. Румер перевел последние строки так: «Ты зверь и человек, злой дух и ангел ты: все, чем ты кажешься, в тебе таится вместе». Несмотря на текстуальную близость, мысль оригинала искажена. У Хайяма сказано не просто о смешении божественной и дьявольской сущностей в человеке, а о том, что человек ежесекундно трансформируется, в сути своей становясь тем, что в данный момент ему видится (или каким он сам себе видится). Отсюда вывод, что третью строку надо читать как перечисление не «сущностей» человека, а его сменяющихся «видений», представлений, благодаря которым меняется и он сам. Правомерность этой трактовки подтверждается четверостишием №1142, где та же мысль высказана более четко.

1144. В одной из версий последние строки таковы: «Так не выпустим чашу вина из рук! Наслаждаемся и радуемся - ни трезвые, ни пьяные». В другой: «Вот так! Пусть же не выпустим чашу вина из рук: в неведении живет человек - хоть трезвый, хоть пьяный». Смысл совершенно разный, но там и тут легко понятный. Другое дело - древнейший текст из «Тараб-ханэ» и совпадающий с ним текст из рукописи 1475 года: «Вот так! Пока не вручим /ему/ чашу вина из /своих/ рук, в неведении живет человек, хоть трезвый, хоть пьяный». Этот текст, наиболее хайямовский по духу, по неожиданности, нуждается в

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

расшифровке. Здесь явно переплелись разные смыслы его «хмеля». Можно предположить, что «хмельной» – значит «радующийся жизни», но «вино» здесь – процесс либо научного познания, либо приобщения к хайяновскому учению. По критерию: вес = 561, 40-ое место.

1148. Не исключено, что это четверостишие Рудаки.

1166. Та же идея, что и в четверостишиях №№1141 и 1142: даже затаенная мысль служит реальной, преобразующей мир силой. В тех стихах преобразуемым объектом является сам автор мысли, а здесь – другой человек.

1169. По критерию: вес = 673, 12-ое место.

1171. Слушателям автора наверняка была хорошо знакома поучительная история про «ученика плетельщика веревок». Но с тех пор прошла почти тысяча лет, и ваш переводчик ее, увы, не знает. Может быть, она попадется читателю где-нибудь в сказках «Тысячи и одной ночи» или в средневековых народных повестях...

1173. Симург – сказочная птица, избегающая людей, живущая на горах Каф, опоясывающих земной мир.

1175. Чтобы «божественная» полная предопределенность будущего стала не властна над тобой, надо прежде всего убедить самого себя, что она не властна над тобой!

1176. «...незнания не знания» – формалистический изыск не переводчика, а самого Хайяма, воспроизведенный дословно.

1180. По критерию: вес = 585, 35-ое место.

1181. По критерию: вес = 616, 29-ое место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Абу Сайд.

Х а й я м ? . .

Стихи из средневековых рубайятов Хайяма, которые переводчик по тем или иным причинам считает сомнительными. (Однако нельзя забывать, что все эти рубай для читателя на фарси, а частично и для русского, являются, как литературный факт, – в традиционном восприятии – работой Хайяма.)

Они сгруппированы здесь следующим образом:

№№1189–1192 – четверостишия, ведущие происхождение от стихов Хайяма, но сильно искалеченные.

№№1193–1236 – стихи, где авторство Хайяма переводчик полностью исключить не может, хотя сомневается в нем. Значительная их часть – суфийские стихи.

Далее – стихи, заведомо написанные не Хайяном.

№№1237–1252 – подражания и подделки под Хайяма.

№№1253–1293 – чужие, стилистически чуждые стихи, попавшие в его рубайяты случайно.

№№1294–1305 – также чужие стихи, но присутствие которых в хайяновских рубайятах оправдано: «ответы» Хайяму и источники для его «ответов». Те из них, которые в его рубайяты не попали, разумеется, здесь не приводятся; их можно увидеть во вступительной статье и в комментариях.

№1306 – чье-то посвящение Хайяму как автору цикла любовных стихов.

Все эти оценки целиком на совести переводчика и могут, естественно, оказаться ошибочными.

Указанные в этом разделе ссылки на предшествующие переводы – по изданиям ранее 1992 г.

1189. По мнению переводчика, это сильно, почти до неузнаваемости искаженный вариант рубая №377. Текстуально они совпадают на четверть, на уровне синонимов – наполовину; однако смысл здесь уже однозначно тот, который можно увидеть в четверостишии №377, если считать там первые строки не цитатами, а собственными авторскими мыслями. Похоже на то, будто кто-то, упрощенно-прямолинейно (а потому и ошибочно) поняв исходное четверостишие и возмущившись «неуклюжими» оборотами в тексте, мешающими такому толкованию, заново переписал стихотворение, чтобы и звучало оно гладко, и избранный «редактором» смысл не вызывал сомнений.

Оба четверостишия очень широко распространены. По данным Тиртхи, №377 присутствует в 59, а №1189 – в 41 из 90 источников. Однако вот любопытная деталь: в рукописях, созданных ранее 1550 года, четверостишие №1189 встречается только 3 раза, причем не самостоятельно, а лишь изредка сопутствуя рубаи №377, которое присутствует в 18 из таких рукописей. Здесь – косвенное подтверждение высказанной догадки. Есть русский перевод: А. Шербаков.

1190. Слияние четверостиший №1115 и №1093.

1191. Основа – четверостишия №№339, 578, 663, 666, 694. Русский перевод: Г. Плисецкий.

1192. Образ в первой строке, мало соответствующий стилю Хайяма, заставляет предположить: скорей всего, это чья-то неудачная попытка вспомнить

- Омар Хайям четверостишия filosoff.org
четверостишие №740. Русские переводы: Л.Некора, Г.Плисецкий.
1195. Возможный автор - Абу-Саид.
1197. По суфийскому учению, дервиш - странствующий суфий - благодаря отказу от всех жизненных благ и подавлению страстей обретает главное сокровище земного существования: высшую мощь духа, какой никогда не достигнет изнеженный султан.
1198. Это четверостишие есть только в поддельных рукописях, послуживших основой для издания 1959 г., и в одной из поздних копий «Тараб-ханэ», найденных Хомайи. Русские переводы (на основе издания 1959 г.): В. Державин, Н. Стрижков.
1199. Али, воспеваемый здесь, - Али ибн Аби Талиб, глубоко почитаемый шиитами.
1200. Русские переводы: В. Державин, Г. Плисецкий, Н. Стрижков.
1202. Русский перевод: Ф. Корш.
1205. Русский перевод: О. Румер.
1206. Парадоксальная ситуация. Тиртха обнаружил это рубай лишь в 2 источниках (1524 и 1797 гг.); присутствует оно также в поддельной рукописи, положенной в основу издания 1959 г. В переводах же на русский язык (основанных на издании 1959 г.) оно известно не менее чем в 5 вариантах. Четверостишие действительно красиво, но далеко от поэтической манеры Хайяма. Русские переводы: В. Державин, Г. Плисецкий, Гл. Семенов, Н. Стрижков, С. Северцев.
1208. Присутствует только в 1 хайямовском источнике; приписывается также Аттару.
1211. По-суфийски двусмысленный текст: если синоним Аллаха - «друг» - понять как слово «подруга», четверостишие воспринимается как гедонистское и крамольное.
1212. Яхъя - персонаж Корана, сын Закарии. Четверостишие приписывается также Аттару.
1216. Здесь «саки» - Аллах.
1217. Животворящая «слюна Саки» - довольно частый образ в суфийских стихах, где под Саки чаще всего подразумевается сам Всевышний.
1221. Четверостишие, довольно популярное как хайямовское - и в рубайях (начиная с 1462 г.), и в русских переводах. Однако стилистические особенности заставляют усомниться в авторстве Хайяма и с большей вероятностью предполагать, что его автор - Ибн Сина, учитель Хайяма. Вероятно, это один из тех весьма редких случаев, когда составитель «Тараб-ханэ» ошибся, хотя и тщательнейше отсортировывал четверостишия Хайяма. Именно благодаря ему это стихотворение попало в хайямовские рубайяты.
- Русские переводы: О. Румер, В. Державин, Г. Плисецкий, Гл. Семенов, Н. Стрижков.
1223. Предполагаемый автор - Аттар.
1225. Хайяму это прелестное четверостишие приписывается только в одном источнике. Его настоящий автор, скорей всего, - либо Абу-Саид, либо Кирхани.
1226. Это четверостишие переведено на русский язык В.Д ержавиным, как произведение Саади.
1229. Это четверостишие широко распространено в средневековых хайямовских рубайях; его включили в свои книги хайямоведы Никола и Тиртха. Однако по ряду признаков я вынужден усомниться в авторстве Хайяма. Генезис рукописей показывает, что фактически это рубай проникло в них из неизвестных источников только дважды: в рукописи 1430 и 1460 гг., откуда и попало в более поздние списки. По критерию вес четверостишия = 127 (без учета генезиса он был бы равен 416).
- В пользу моего сомнения говорит и то, что составитель «Тараб-ханэ» не включил это четверостишие ни в одну из версий своей книги, хотя (как показывает анализ) он был знаком с упомянутыми рукописями и позаимствовал из них по два десятка рубаи. Не соблазнило его даже то, что в этом четверостишии есть слово ТАРАБ-ХАНЭ («дом Радости»).
- Тиртха не обнаружил других претендентов на авторство; однако в переводе на русский язык (В. Кафаров) это четверостишие приписывается Мехсети Гянджеви.
1232. Русский перевод: О.Румер.
1234. В хайямовских рубайях четверостишие впервые появляется только в 1727 г. Возможный автор - Аттар. Любопытная деталь: зачин четверостишия - обращение к возлюбленной: «ДЖОНО!» («душа моя!»). Хайям никогда не использовал это слово. Впрочем, если говорить точнее, это обращение можно встретить еще в 2 рубаи (из 1300!). Одно из них - рубай №861, где оно звучит уместно. Однако если бы Хайям пользовался таким обращением, он наверняка использовал бы его десятки раз. Следовательно, либо целиком рубай №861, либо это слово там - приблудное. Второй случай - рубай №706. В ряде

Омар Хайям четверостишия filosoff.org

рукописей – текст, который я считаю правильным: «Мы и Ты вместе – образцом циркуля являемся». В других рукописях: «ДЖОНО! Я и ты – образцом циркуля являемся...» Последний текст, который хотя бы уже только благодаря слову ДЖОНО должен считаться испорченным, карикатурно смешает весь смысл четверостишия, делает его из глубоко философского – откровенно порнографическим, что прекрасно передано в переводе Г. Плисецкого.

1236. Русский перевод: А. Кушнер.

1237. Подражание рубаи №219.

1238. Еще одно подражание №219. Хотя повторение рифмы в последней строке и оправдано смыслом, не исключено, что это редкое четверостишие просто подразрушено временем.

1246. Русский перевод: С. Ботвинник.

1249. Русский перевод: А. Кушнер.

1252. Четверостишия, начиная с №1237, сочтены подражаниями: они близки к содержанию и духу стихов Хайяма (некоторые – ранних), но в каждом из них обнаруживается какая-нибудь деталь, свидетельствующая о присутствии чуждой творческой манеры. Так, данное рубаи – подражание Хайяму, безупречное в первых строках, в последних же близкое ему только по мыслям, но далекое по стилю. «Стекло витое» как синоним кубка самим Хайяром никогда не применялось. В конце – неуклюжая попытка создать игру слов: «...ибо конец всех дел – могила. Даже если ты Бахрамом станешь, в конце концов – в могиле (ГУР) будешь», с намеком на прозвище царя: Бахрам Гур. Первое упоминание «могилы» идет явно от опасений автора, что без предварительной подсказки его не поймут; поэтому излюбленный Хайяром эффект неожиданности здесь смазан.

Арасту – Аристотель; Хайям изучал и пропагандировал его труды, но никогда не упоминал в стихах ни его, ни кого-либо иного из европейских мыслителей и героев (даже исключительно популярного в персидском фольклоре Искендера – Александра Македонского).

Русский перевод: О. Румер.

1253. Здесь и далее – стихи, не имеющие со стилем Хайяма ничего общего; надо полагать, они попали в его рубайяты случайно.

1254. Четверостишие приписывается также Афзalu Каши. Этот поэт справедливо считается интересным, почти не уступающим Хайяму и очень на него похожим. Благодаря путникам-переписчикам Афзал «оспаривает» у Хайяма чуть ли не четверть хайямовских четверостиший.

1256. Очень похоже на суфийский период Хайяма; но приписывается Хайяму только в одной рукописи 1497 г. Автор, по всей видимости, – Афзал Каши.

1264. Возможный автор – Ибн Сина; именно как его произведение, это четверостишие переведено Я. Козловским.

1266. «ла аллах илля аллах!» – по-арабски: «Нет Бога, кроме Бога!»

1267. Истина – здесь синоним Бога. Четверостишие обнаружено только в суфийской рукописи середины XVI века, о которой говорится во вступительной статье. Ни «сандалии страстей» на «ногах сердца», ни гора Синай (Тур), ни ссылки на пребывание Моисея (Мусы) на ней, ни какие-либо аналогичные сюжеты и образы в стихах Хайяма не встречаются.

Сандалии здесь, видимо, – намек на текст из Корана, где рассказывается, как Муса увидел огонь и пошел к нему, надеясь либо вернуться к семье с факелом, либо расспросить про верный путь. И вдруг слышит из пламени: «О Муса! Воистину, я – твой Господь, сними же свои сандалии! Ты ведь в долине священной Тува» (Коран, сура 20, ст.9-12).

1268. Айюб – библейский Иов. Творец испытывал его веру, насылая невыносимые лишения и болезни.

1269. В оригинале не «мох», а «солома»: фигурирующая во многих пословицах контрастная пара «гора и соломинка».

1270. Русский перевод: В. Державин.

1271. Автор – Аттар?

1272. Помимо Хайяма, приписывается также Абу-Сайду.

1273. Как хайямовское, это четверостишие опубликовано в переводе Ц. Бану. В чуть ином виде оно присутствует в собрании стихов великого поэта Рудаки (ок.860 – 941 гг.):

Коль властвовать собой ты можешь – ты мужчина.

Судьбой калек себя тревожишь – ты мужчина.

Совсем не мужество – упавшего пинать.

Коль встать упавшему поможешь – ты мужчина.

1274. Русский перевод: Гл. Семенов.

1275. Как произведение Хафиза, на русский язык переведено Н. Гребневым.

Впрочем, и на стихи Хафиза этот прямолинейный стиль не очень-то похож.

1276. Это изящное четверостишие лишь в одной из рукописей приписывается

Омар Хайям Четверостишия filosoff.org

Хайяму; по мнению иранских исследователей, оно принадлежит Шахиду Балхи – поэту, жившему за полтора века до Хайяма. Как стихотворение Балхи, оно известно в переводе В. Левика:

Бродил я меж развалин Туса, среди обломков и травы.
Где прежде петухи гуляли, я увидал гнездо совы.
Спросил я мудрую: «Что скажешь об этих горестных останках?»
Она ответила печально: «Скажу одно – увы, увы!»

1277. Я поместил это четверостишие здесь, среди «чужих», из уважения к мнению А. Ш. Шахвердова: «Это порнографическое рубаи ни в коем случае не могло быть написано Хайямом!». В значительной степени я с ним согласен, но... Во-первых, Хайям – далеко не всегда строгий ревнитель изящной словесности. Во-вторых, это четверостишие далеко не случайный гость в хайямовских рубаятах, оно весьма популярно. По критерию: вес = 408, 136-ое место – достаточно почетное среди всех хайямовских рубаи! Впервые оно появляется в рукописи (утраченной, восстановленной мною с помощью ЭВМ) приблизительно 1420 года. Табризи избегал брать это рубаи для своей книги, но в одной из версий «Тараб-ханэ» оно все же присутствует.

1278. В средневековых хайямовских рубаятах немногочисленные четверостишия, имеющие не пародийный, а серьезный душок «голубизны», буквально все имеют сомнительное происхождение. Так и это рубаи. Оно встречается только однажды – в рукописи 1571 года, содержащей 75 четверостиший. Любопытно, что в этой рукописи компактной группой (с 14-ого по 32-ое место) расположены широко распространенные рубаи Хайяма, в основном восходящие к «Тараб-ханэ»; остальные стихи, их окружающие, не встречаются больше нигде.

Данное четверостишие серьезно испорчено, его пришлось реставрировать. Первую правку сделал Тиртха, восстановив рефрен «Не знаю» в первой строке. Вторая правка – моя. В рукописи последняя строка начинается словом ПАРРИ («пушкинка»): «Не знаю: пушкинка этот мальчик или человек?» Нелепо. Я предположил, что переписчик этой рукописи принял случайную помарку за знак удвоения, и что раньше здесь было слово ПАРИ («пери», «гурия»).

1279. Четверостишие из той же рукописи, ближайший сосед №1278.

1280. Возможный автор – Саади.

1282. «Приставалка» нищенствующего дервиша. Стихи, где то вымаливают, то в оскорбительной форме требуют подаяния, – специфический жанр в суфийской поэзии.

1284. Дас – скребок, которым чистят копыто у коня. Благодаря металлической тарелке, которую бестолковый юный небесный кузнец использует вместо подковы, «копыто»-месяц становится круглой луной! Возможный автор – Мехсети Генджеви.

1290–1293. Четверостишия, посвященные Пророку. Среди стихов из основной подборки, хоть и есть упоминания Пророка, прямых посвящений ему не обнаружено там ни одного.

1293. Четверостишие, демонстрирующее виртуозную поэтическую технику. Построено на нисходящем ряде числительных (точнее, восходящем из муравьиного мельтешения множественных величин к божественному числу «один»). Посвящено Пророку. Чтобы адекватно передать содержание, пришлось поступиться размером, принятым во всех остальных переводах.

1294. Возможно, это «ответ» на четверостишие №74.

1295. Злобный «ответ» на рубаи №309. Есть русский перевод: Г. Плисецкий.

1296. См. примеч. к №468.

1297. Похоже, это сатира богословов на Хайяма, причем написанная уже после «привала», т.е. после его смерти. Впервые это четверостишие появляется в рукописи 1528 г., в ее второй части (Эта часть – весьма сомнительна по содержанию: хотя присутствующие там 154 рубаи внесены в хайямовские реестры, 87 из них, как показывает математический анализ, – чужие).

1298. Некоторые авторитетные исследователи считают это рубаи ошибочно приписаным Хайяму. Судя по всему, они правы. Обращение к Хайяму по имени заставляет предположить: а не «ответ» ли это? Действительно, среди стихов Хайяма есть одно четверостишие, построенное на тех же рифмах и близкое по теме. Но (если это не совпадение, если они действительно представляют из себя пару «обращение» – «ответ») сопоставление их заставляет думать: это рубаи №1298 не ответ, напротив, это чье-то исходное обращение к Хайяму, а №1005 – «ответ» Хайяма.

Если это действительно так, содержание рубаи №1005 во многом проясняется. «Кислый», потом «сладкий виноград», а потом «горечь винная» теперь уже читаются как состояния человеческого духа в детстве – в юности – в старости. И не себя ли, в таком случае, видит поэт «лютней, сделанной из срубленного дерева», не требует ли он не подходить к нему с мерками, по каким судят «камышовые флейты» – всех остальных людей?

Русский перевод: А. Щербаков.

1299. Это рубаи традиционно включается в списки произведений Хайяма. Однако Табризи, составитель «Тараб-ханэ», сообщает, что это четверостишие – ответ «его высочества шейха Абу-Саида Абольхира – да освятит Аллах его могилу почитаемую!» – на стихотворное послание Хайяма (см. вступительную статью). Русские переводы: О. Румер, Г. Плисецкий, Гл. Семенов.

1300. Чей-то «ответ» на №378. По сообщению Тиртхи, в одной рукописи 1460 г., где рубаи №378 приводится как хайямовское, в то же время высказано предположение, что его автор – Мурдута Каландар, обратившийся с этим рубаи к Сейяду Ниаматуллаху и получивший от него стихотворный «ответ» – №1300. Так или нет, рубаи №378 полностью соответствует и стилю Хайяма, и его ироничности.

1301. Скорей всего, это – «ответ» на какое-то четверостишие Хайяма. Некий всезнайка, с которым общается сам Всевышний Кравчий, высокомерно ставит на место Хайяма, задающего вопросы – и не получающего ответов, не знающего даже, где «дверь», сквозь которую он мог бы обратиться к Всевышнему.

Русский перевод: И. Тхоржевский.

1302. «Ответ» на рубаи №717. Тиртха принял эти два текста за варианты одного четверостишия. Най – флейта или тростниковая дудочка.

1303. Скорей всего, это дружелюбный «ответ» на №589.

1304. Русский перевод: А. Кушнер.

1304 и 1305. Предположительно – источники для «ответов» Хайяма: четверостиший №№200 и 201. См. вступительную статью.

1306. Скорей всего, это четверостишие – как посвящение автору – сочинил неведомый составитель небольшого цикла любовных стихотворений Хайяма. Впоследствии цикл, в виде самостоятельного списка до нас не дошедший, вошел в сводный рубайят, а это четверостишие-посвящение по недоразумению было приписано Хайяму, отделено от сопровождаемых им стихов и заняло в сводном рубайяте место по алфавиту, отведенное ему новым составителем.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!